

Ольга
Романова

РУСЬ СИДЯЩАЯ

CoRpus

РИСУНКИ
ОЛЕГА НАВАЛЬНОГО

Annotation

Русь сидящая — заключенные российских тюрем, исправительных колоний и следственных изоляторов — это самые разные люди, умные и глупые, образованные и полуграмотные, богатые и бедные, честные и беспринципные, виновные и невиновные. Они столь же мало отличаются от тех, кто остался на свободе, как неписанные законы зоны — от действующих на воле. “От сумы да от тюрьмы не зарекайся” — как никогда актуальная формула российской жизни, утверждает блестящий журналист Ольга Романова. Столкнувшись с этим на собственном опыте, она создала движение помощи осужденным и их семьям. Герои ее книги — лица этой самой “Руси сидящей”, живые люди, попавшие под каток российского правосудия. Их невыдуманные истории способны тронуть до слез и заставить рыдать от смеха, в очередной раз удивляя тем, насколько реальность превосходит порой самую буйную фантазию.

- [Ольга Романова](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Надежда](#)
 - [Вовка](#)
 - [Александр Дмитриевич](#)
 - [Петрухина свадьба](#)
 - [Федор](#)
 - [Сквер Чапаева](#)
 - [Мариинская впадина](#)
 - [Миа](#)
 - [Дядя Паша](#)
 - [Пролетая над гнездом кукушки](#)
 - [Земфира и Алеко](#)
 - [Серия “ЖЗЛ”](#)
 - [Авторитет](#)
 - [Вован хороший, плохой, злой](#)
 - [Про любовь](#)
 - [Контрольная закупка в борделе](#)
 - [Зоя-Ванна-Царица-Московская](#)
 - [Заветы дяди Херсончика](#)
 - [Непокоренный Илюша](#)

- [Маленькая железная дверь](#)
 - [Ручечник](#)
 - [Смотрящий Денис](#)
 - [Капитан Рыжов](#)
 - [Петруха и медсестра](#)
 - [Оксана](#)
 - [Иваси](#)
 - [Иван](#)
 - [Кукушечка](#)
 - [Валентин и Валентина](#)
 - [Лето](#)
 - [Как Витуся вышла замуж](#)
 - [Будни бухгалтерии ЖЭКа](#)
 - [Костик](#)
 - [Саша и Даша](#)
 - [Танечка](#)
 - [Геройский Егор](#)
 - [Максим и Мадонна](#)
 - [Хадижат](#)
 - [Валька](#)
 - [Вовка-Клуни](#)
 - [Краткий тюремный глоссарий\[1\]](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Ольга Романова
Русь сидящая

Предисловие

Предисловий никто не читает. Особенно если предисловие умное, подробное, если автор долго и вдумчиво работал над ним, ставил сноски и отсылал к другим авторам.

Но я не могу его не написать в целях собственной безопасности. А то начнут потом предъявлять.

Герои этой книги названы своими именами, если они против этого не возражали — например, Петруха-Семь-Ходок-Три-Побега, у нас в “Руси сидящей” его все знают. А кого по разным причинам спросить не удалось или не хотелось, тех переименовывала. Иногда чуть меняла географию — переносила место действия из одного городка в соседний, если того требуют обстоятельства героев.

Да вот и все.

Берегите себя, добрые люди.

А уж если попали в переделку, угодили в тюрьму — помните, что тюрьма есть одна из главных институций русской жизни. Нашего человека формируют школа, армия и тюрьма. Даже если вы никогда и близко не подходили к теме, вы знаете, что такое “...весна опять пришла, и лучики тепла доверчиво глядят в мое окно”. Кто сидел, кто сажал, кто кого охранял — все перемешивается в нашем котелке.

Тюрьма не может сделать человека лучше. Никакого, никогда. По какую сторону решетки вы бы ни оказались. Но кто ж нас спрашивает.

Надежда

С мужьями Наде не везло всю жизнь. И вообще непонятно, почему. Надя не красотка, но уверенная симпатяга. Не академик, но далеко не глупа. Защитилась в институте физкультуры по теме «“Социально-педагогические аспекты отношений между тренером и спортсменом”». Самостоятельно зарабатывает на бутерброд с маслом, но без икры и брюликов. Характер добрый, среднерусский, местами возвышенный. Чего еще мужику надо?

А главное, схема была всегда одна и та же. Размеренно начинающийся роман, затяжной букетно-конфетный период, неторопливый подход к койке, знакомство с родителями, ЗАГС, дом — полная чаша, а потом как бес в

мужчину вселяется: командировки, запахи, помады, страсть, слезы, признания, ночные смс от соперницы, бац — уходит к секретарше. Но самое главное не это! Надю больше всего удивляло, что после брака с ней и разрыва бывший муж обязательно уходил работать в ФСБ. Да что мужья — даже бывший женатый любовник, от которого Надя сбежала в первый раз замуж, и тот нашел ее через 20 лет уже в звании полковника. Сергей Альбертович был давно разведен, наслаждался алкоголизмом, гордыней и манией преследования, к тому же имел проблемы с простатой, о которых не догадывался. Опытная Надя после двух свиданий открыла Сергею Альбертовичу глаза на его простату, оставила телефон хорошей клиники, и больше они друг другу не звонили.

Последний муж был сильно моложе Нади, прожили вместе 14 лет, и опять двадцать пять: сначала Надя начала иголки в постели находить, потом быстро стало понятно, откуда. Завелась молодая, которая явно ходила по Надину душу к колдунам и всяким экстрасенсам, и Надя почувствовала себя очень неуютно.

На всякий случай Надя предприняла контрмеры и стала ездить в Пушкино — дали Наде по знакомству правильный адресок, где ведет прием эффективная бабка-антидот. Бабка сказала, что на Наде сильный сглаз и крепкий заговор, отчитывать надо, 25 сеансов. Надя не поленилась и стала ездить.

Уходящий муж, который все метался между бабами и не мог определиться, предупреждал Надю: освободишься от оков нравственности — по рукам пойдешь!

Пушкинская бабка-антидот отчитала 25 раз над Надей какую-то странную свою службу в стихах, муж окончательно ушел, а Надя вдруг расцвела. И пошла по рукам!

Хорошо стало Наде. Замуж уже не надо, детей не надо, свой маленький рентный бизнес стабильно крошку приносит — и вот прямо как жизнь началась заново. И от мужиков отбою не было: захотела — взяла, захотела — выгнала. Без драм.

И тут Надю занесло на межличностный энергетический семинар “Исполнение желаний”, на котором бойкий юноша учил всех желающих навыкам эзотерики. Говорит — стоит только захотеть сильно-сильно, и вот чтобы бабочки в животе, и тепло идет в диафрагму, и глаза закрыть, — и до конца отчетного периода желание сбудется. И Надя загадала себе мужика. Вот чтобы через месяц бы он у нее образовался. И чтоб на всю жизнь. Чтобы ровесник, чтобы спортивный, умный, веселый, и чтоб любовь.

И все случилось к концу отчетного периода.

Это сейчас Надья смеется: “Забыла загадать, чтоб в тюрьме такой хороший мужик не сидел!”, а тогда ей не до смеха стало.

Начал тогда к ней мужчина заходить в Одноклассники. Зайдет, посмотрит молча, лайков не поставит — выйдет. Чего, спрашивается, ходит? Вот так прямо его и спросила.

Игорь написал: можно позвонить?

Позвонил. Поговорили полтора часа. Игорь сразу сказал, что в тюрьме сидит под Рыбинском. Долго сидит, и столько же еще сидеть. А до тюрьмы Игорь в Воркуте жил, потому что в свое время зажмурился и ткнул пальцем в карту, палец попал на Воркуту. Давным-давно был он женат, любил жену сильно, остро, страстно, работал водолазом, зарабатывал хорошо, дом полная чаша, но однажды застал жену вместе со своим родным братом. Оставил он им все, и в Воркуту одиноким волком, без родни, без кола и двора. Огляделся, приспособился и начал заниматься шинным бизнесом. Шины оптовыми партиями брал в Ярославле и вез в Воркуту, дело шло справно. Но тут случился в Ярославле передел шинного рынка, и к Игорю пришли афганцы. Уж какие они там афганцы, дело понятное, везде тогда такие были, порожденные “афганскими” налоговыми льготами — типа ветеранский клуб боевого братства, а на самом деле мелкие бандиты, а местами и крупные. В общем, ребята серьезные, стали денег требовать, а боевые водолазы тоже слабины давать не склонны. И однажды вечером пришли они к Игорю в ярославский офис, ввосьмером пришли. Слово за слово, и Игорь так понял, что сейчас они его убивать будут. Убиваться Игорь не захотел, и итог встречи получился печальным: три трупа, четверо выживших свидетелей, пятый в розыске.

Дали Игорю 18 лет строгого режима. И вот по прошествии девяти из них он и зашел к Наде в Одноклассниках.

Неизведанны пути израненной женской души, ждущей любви. То ли конец отчетного периода эзотерического личностного роста тому виной, то ли пушкинская бабка-антидот перестаралась, то ли Игорь за девять лет наблатыкался в ораторском искусстве, а может, и правда любовь нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь. Засобиралась Надя в Рыбинскую строгую зону на краткосрочное свидание с Игорем.

Это сейчас Надя опытная, все и всех знающая, профессиональный консультант по проблемам зоны и межколониальных отношений. А тогда не знала она ничего, хотя о многом догадывалась, да и Игорь звонил и подсказывал, что да как. Поехала. Добралась. Получила разрешение на свиданку, зашла в комнатку, где лавки с двух сторон и стекло посередине. И телефонные трубки с двух сторон, это чтобы поговорить. Привели кого-то в

черной робе, оставили, ушли.

Мужчина повернулся, и Наденька обмерла.

Ни слова сказать не сумела. И Игорь молчал. Так и просидели два часа.

Наденька влюбилась. Стала хлопотать насчет длительного свидания, это на трое суток можно в зону зайти в специальное общежитие по типу коммуналки и проживать вместе с родным человеком. Можно только близким родственникам, и в очередь, и чтобы места свободные в КДС были, и один раз в три месяца, если повезет и с начальством договоришься.

Надя пошла к участковому, рассказала ему все как есть, по-людски, добавив к просьбе ящик вискаря в благодарность за ратный труд, и участковый выписал Наде справку: вот, дескать, ответственно свидетельствую, что проживала Надя длительное время в гражданском браке с Игорем до его посадки и характеризуются они оба мною положительно, как люди мирные и непьющие.

И бесстрашно поехала Наденька с той справкой на свое первое длительное свидание к Игорю. Белья набрала кружевного, пеньюар новый, сковородку, картошки, отбивных и всякого там на три дня жизни и чтобы с собой потом было, что ему взять, домашнего. Сомнений никаких у Нади почему-то не было. И вышло все так, как Надя и мечтала, только еще лучше. Встретились они — будто за плечами у них было 20 лет счастливой совместной жизни. И приспособливаться не надо, и молчать хорошо, и говорить хорошо. И Игорь ей потом, спустя годы, сказал: “Если б дали выбрать: жить без тюрьмы и тебя не встретить, или 18 лет получить, но на тебе жениться — и выбирать бы не пришлось, не задумался и тюрьму бы выбрал”.

Так они в тюрьме и поженились, Игорь уж выйдет скоро, всего три года осталось.

Бывает. И не так чтоб очень уж редко.

Тюрьма — странная штука. А вот Наденька счастлива уже шесть лет подряд.

Вовка

Вовка парень серьезный и самостоятельный. Таких пацанов в кино про войну режиссеры всех времен и народов снимают: подбирает его партизанский отряд на родном пепелище, а в следующем кадре он сидит чумазый, во взрослой спадающей телогрейке, подпоясанный чужим ремнем, и дует на свежееиспеченную картоху, а командир отряда в трехдневной щетине смотрит на него, прислонившись к березке, глаза его затуманиваются, и вспоминает он о далекой семье и таком же вот пацанчике, и скупая мужская слеза предательски блестит в его суровом глазу, а в слезе тускло отражается орден боевого Красного знамени, потому что оператор молодец.

Не слишком много было в Вовкиной жизни отцов-командиров. Был в деревне участковый, был потом другой, потом еще один, заходили они в дом, где Вовка рос все восемь лет у бабули. Заходили с целью профилактических бесед, когда соседи жаловались. Да это только говорится так — “соседи жаловались”, а на деле звонили на мобильник участковому: мол, к Зойке Танька приехала, посуду бьют, как бы они там друг друга не прирезали. Потом следователи были, даже прокурор один раз, но они все почему-то оказались тетками. Ну и в опеке, понятное дело, сплошь тетки, и в детском доме тоже.

В детском доме, конечно, хорошо. Зимой тепло, летом не жарко, детей не так, чтоб очень много, 26 душ всего. Вовка в средней группе: не так, чтоб очень маленький, но и гормон пока не играет и усы не пробиваются. Кормят на убой, подарков от спонсоров девать некуда, каждый месяц к ним во Владимирскую глубинку приезжает кто-нибудь с шефской помощью, чаще ветераны боевых действий с рассказами про любовь к Родине, режиссеры с певцами, с ними веселее, их по телевизору показывают. Все с ними фотографируются, а кому потом фотки послать, кому показать, Вовка еще не придумал. Ребята, что помельче, верят, что артисты приедут еще раз, а то и два, и будут дружить с нашим детским домом, а у кого уже усы пробиваются, те потом актеров матерят, а про актрис совсем плохое говорят, но Вовка им тоже не верит. Хотя, конечно, интересно, кто там как на самом деле. А самое скучное — депутаты, те приезжают, под камеру по голове гладят лягушкиной рукой, а ты, значит, стой смирно и улыбайся, как дурак. Но если честно, то Вовке даже с депутатами пока интересно, он в детдоме недавно, всего-то год, а в родную Вовкину деревню ни депутаты, ни актеры, ни боевые ветераны не приезжали. Да и фотографировали его не так чтоб слишком часто. Вовка как-то задумался, что фоточек его совсем детских, младенческих не было у него никогда вроде, и когда в первый раз

в первый класс пошел — вроде бы бабуля фоткала, да где ж теперь тот мобильник. Жалко, конечно, но тут у всех так.

Зато у Вовки есть мамина фоточка, старая, это когда еще и его на свете не было. Она у них с бабулей в секретере за стеклом стояла, там мама с подругой на выпускном, это в школе еще. Подруга толстая и некрасивая, и платье дурацкое, считай, что и нет ее на фоточке, там и не видно ее за красивой мамой совсем. Мама мало изменилась, да и чего ей меняться? Вот сколько ей на фотке? Ну, пусть 17, а сейчас, наверное, 26. Да, 17 плюс восемь это 25, и еще женщины какое-то время беременными ходят. Нет, это ему восемь было, когда маму посадили, а он уже здесь год, значит, 27 ей сейчас. А когда выйдет, будет 40. Надежда Васильевна, директор детдома, говорит, что 40 — это молодая. Ей, Надежде Васильевне, больше. Это мало утешает, потому что Надежда Васильевна старая. Может быть, ей уже 50.

Бабуля же у Вовы старая была? Ну вот, а ей как раз 50 было, когда ее убили. Так-то Вовке сроду бы в голову не пришло считать, кому сколько лет, разницы-то никакой, когда ты уже старый. Просто запомнил, когда следовательница в протокол писала с бабулиного паспорта: “Зоя Николаевна, полных лет — 50”.

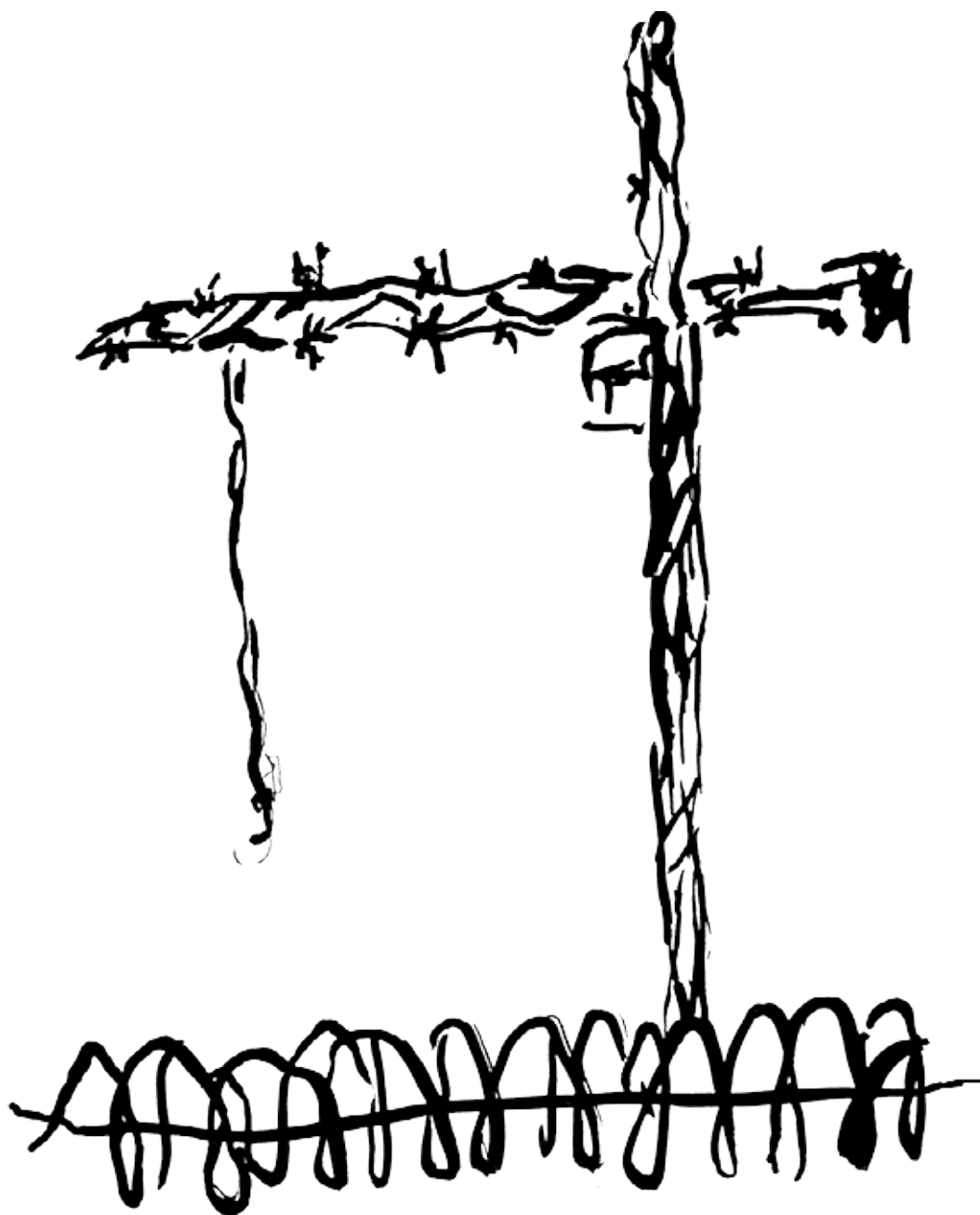
Вовка не любит, когда его про это спрашивают. Но здесь в детдоме и не спрашивают, здесь у всех истории — как начнут рассказывать, сначала ж веришь, а потом кто-то обязательно скажет: “Да врет все Васька про папашу своего, никакой он у него не авторитетный вор, обычный петух на зоне”. Да и замучили его тетки год назад, когда все выспрашивали с опекой и без опеки, что там было, когда мама пришла поздно, когда бабуля ругалась и кричать стала, голоса еще были мужские, вот кто-то из них бабулю и зарезал. А почему мама сказала, что это он, Вовка, бабулю ножиком пихнул, это ей виднее. Правильно сказала. Если б ей поверили, Вовку бы все равно не посадили, он маленький еще. Оставили бы с мамой жить. Вовка с мамой и не жил никогда, бабуля ее не пускала, все ругалась на нее шалавой и еще хуже, а мама Вовку любила, как-то он в этом был уверен, она теплая и красивая.

Жалко, конечно, и бабулю. Но не может быть, чтоб ее мама убила, она же дочка ей родная и единственная. Слышал же он, сидя в своей комнате, там еще мужик какой-то был, он потом видел одного страшного, это у следователей уже. Почему его отпустили, почему маму сделали виноватой? Он вырастет и что-нибудь сделает, придумает, когда большой будет, оно само придумается. Наверное, это мужик тот заставил маму сказать, будто это не он, а Вовка бабулю ножиком пихнул. А потом маму сделали виноватой.

Главное, маму про это спрашивать не надо. Вообще не надо ее ни про что спрашивать, а просто прижаться. Ну и посмотреть, какие еще на зоне тетки бывают, ребята разное рассказывали. Сейчас какие-то придурочные волонтеры везут Вовку с Надеждой Васильевной к маме на длительное свидание в зону, разрешили на три дня. Надежда Васильевна — это, конечно, лишнее между мамой и Вовкой, но Вовку одного в тюрьму без педагога не запустят.

...Пока ехали, Надежда Васильевна все рассказывала волонтерам, какой Вовка хороший мальчик. И рассказала еще, что у Вовки есть маленький братик. Ах да, Вовка и забыл совсем, Надежда Васильевна ему говорила с полгода назад, что у него братик родился. Какой братик, откуда братик? У мамы родился еще один мальчик, в тюрьме. Никогда его Вовка не видел, да и видеть не особо ему надо. Он в доме малютки сейчас, там до трех лет, а у них в детдоме — там наоборот, с трех. Может, к ним потом переведут, может, и нет. “Как братика зовут, Вова?” — спрашивает глупая волонтериха. Не знает Вова, как его зовут. И Надежда Васильевна что-то покраснела и засуетилась. “Может, Миша?” Вот с чего вдруг — Миша? А может, и Миша. Может, мама от него откажется, кто знает, откуда этот Миша взялся, пусть этого Мишу усыновят, да пусть хоть в Америку, а маму выпустят из тюрьмы и заживут они с Вовкой вдвоем, хорошо заживут, как и не жили никогда.

Александр Дмитриевич

Какая-то совершенно бесконечная история несчастий это уголовное дело. Взялся мужик строить малоэтажный поселок в ближнем Подмосковье. Направление юго-восточное, местность пересеченная, шоссе рядом, что там строить — социальное жилье и таунхаусы экономкласса. И что-то у него сразу пошло не так: то землю не так оформит, то газ, то

электричество, то с администрацией района входит в противоречие, а только успеет договориться — так там сажают всех, и так по два раза. Поселок тем временем худо-бедно все ж таки застроился, и сам он там с семьей поселился, несколько домов строителям отдал, что-то в администрацию района, парочку квартир отдал жилищно-коммунальным сотрудникам, специально для этого выписанным с востока Украины. Но оставались еще дома под заселение, и строить дальше можно было, домов десять-пятнадцать на это поле влезло бы без проблем, он уж и котлованы раскопал.

Трагедия случилась в тот самый день, когда стало понятно: здесь скоро будет метро. Не то, что замыслили построить, это уже давно случилось, но никто не предполагал, что двадцатилетней давности прекраснодушные планы вдруг окажутся близки к воплощению. И мало кому интересная земля в округе взлетела в цене и в инвестиционной привлекательности. Под это дело еще раз посадили половину действующей администрации и начали перетряхивать все существующие проекты и контракты.

Передел, стало быть, финансовых потоков, сфер влияния и определение новых точек роста в связи с открытием станции метро “Котельники”.

Мужик и попал под этот каток — не мог не попасть, это уж у нас обычное дело. С хорошим адвокатом, да с грамотным поведением, да с надежным тылом — ну, отсидел бы года три, ну, разорили бы его, отняли бы поселок, это уж само собой. Вышел бы сильно потрепанным, а если б повезло, то и через год вышел, что-то бы сохранил, можно было бы свести концы с концами, оглядеться, отдышаться, начать все сначала. Но невезение началось у него фатальное. У жены и у средней дочери (а всего дочерей у мужика трое) обнаружили онкологию. Хорошо, вовремя обнаружили, быстро лечить стали, благо и жена сама доктор, в хорошем месте работает. В общем, тыл не смог обеспечить мужику надежную поддержку, и трудно кого-то в этом винить.

...Жена Юля сидит напротив меня в косыночке после химиотерапии. Очень приятная и разумная женщина, хорошо держится. А дела-то не очень хороши: мужу ее уже дали пять лет, и сидит он уже так давно, что скоро выйти должен. Но землю у него еще не отобрали, очень уж там вокруг него серьезные силы выются, между собой никак не разберутся, вот мужик и сидит. Что еще хуже — вторую уголовку против него завели, чтобы не отпускать. Аккуратно спрашиваю: а вообще как дела?

А хуже некуда. Поселок разваливается. Отключили там воду, газ и электричество, потому что никто за это все не платит. Счета компании

мужика давным-давно арестованы. Стройка поросла бурьяном, а наемные работники, которых мужик пригласил пять лет назад следить за жилищно-бытовым порядком, вскрыли построенные дома и квартиры и заселили туда каких-то людей, говорят, беженцы. В центре всего этого вертепа живет семья мужика, которую остальные жители считают во всем виноватой и разве что камнями пока не закидывают. Денег нет. То есть как таковых. И давно.

— А что, — спрашиваю, — адвокат? Он работает, как вы с ним рассчитываетесь?

— Александр Дмитриевич, это адвокат наш, он работает с утра до ночи. Гонорар мы ему не платим, потому что с самого начала этого дела мы отдали ему самый лучший дом в поселке — это как раз и есть гонорар.

Ну ладно. Редкой, видимо, силы человек, осознающий свою миссию защитника, — такой гонорар в предоплату получил, теперь бьется. И как бы там ни было дальше с поселком — уж у него-то дом останется, раз в собственности, и заинтересованность в наведении порядка у него очевидная. Не бросил мужика в тюрьме за все эти годы, а уж мог бы, все получив, и отойти.

— Очень, — говорю, — хочу с вашим Александром Дмитриевичем познакомиться. Ну и документы заодно посмотреть, приговор там, обвинительные заключения, все такое — раз уж это все у него, а у вас, Юля, и копий нет, что, конечно, легкомысленно.

И да, приходит через неделю такой Александр Дмитриевич, по виду и не скажешь, что адвокат: весь в золотых цепочках, жучила такая пузатая, глазки бегают, и барсеточка при нем крокодиловая из натурального кожама.

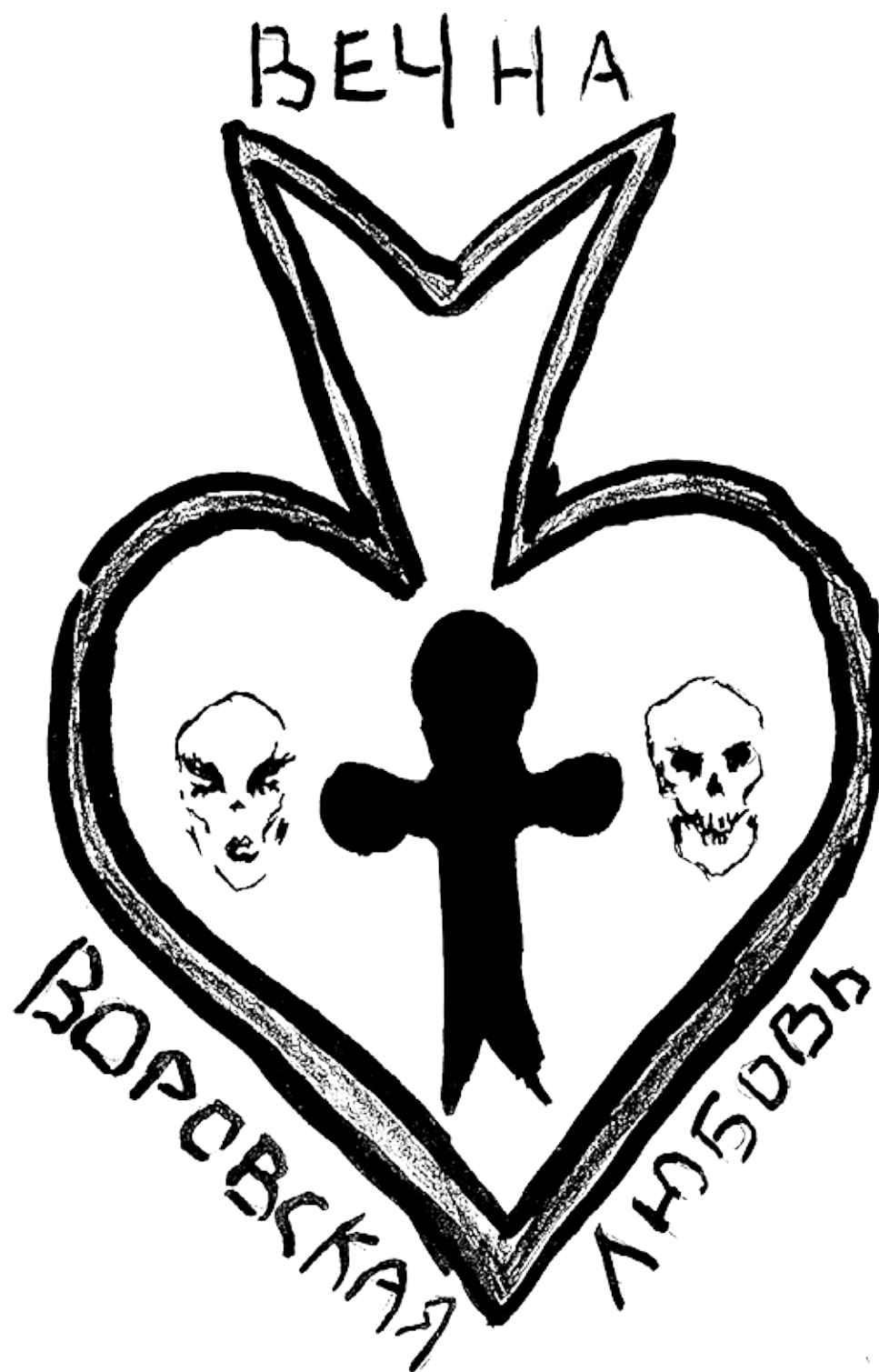
— Документики судебные? А не, не принес, в сумочке не помещаются. Че, Юля к вам тут приходила? Про рак рассказывала? Да не верьте ей, вы жопу-то ее видели? Вон какую жопу отрастила, за три дня не объехать. Вы давайте лучше вот что, вы фирма солидная. Давайте помогите мне поселок продать, я доверенности сделаю, а вы мне покупателя хорошего подгоните, впополаме будем. Там надо будет подмазать кому надо в администрации, это давайте тоже впополаме, там расходы будут большие. Мне ща фирма солидная нужна, чтоб с девелопером договорилась, а то чёт они со мной не хотят, фраеры очкастые. Куда, говорите, мне пойти? Куда, коза очкастая?

Выгнали мы Александра Дмитриевича поганой метлой, а Юля у нас больше не появлялась. Позвонила я ей пару раз — да, она все понимает, но муж просит ее не менять адвоката, он в тюрьме, свиданий не дают, а он

ходит, муж ему верит. Извините, говорит, что затруднила вас.

Это все под Новый год у нас случилось. А летом еду я по каким-то своим делам мимо того поселка — вижу, высотные краны приехали, жизнь какая-то закипела. Отжали, значит, крупные девелоперы Александра Дмитриевича от купли-продажи поселка рядом с метро. Значит, и мужика он в тюрьме забросил, нет у него больше к нему интереса. Позвонила я пару раз Юле, но она не ответила.

Петрухина свадьба

Петруха-Семь-Ходок-Три-Побега зовется так из-за главных вех в его биографии. Увлеченный юрист может читать его справку об освобождении, как “Преступление и наказание”. В 40 лет Петруха круто переменял свою жизнь и ударился в правозащиту, благо опыт позволял, а природная смекалка и прирожденное робингудство сделали его довольно эффективным защитником. Жизненно опытные барышни “50 плюс” часто задумчиво говорят мне, что Петруха чертовски красив. У Петрухи в нескольких местах перебит нос и напрочь отсутствуют зубы, но обаяния в нем действительно воз и маленькая тележка.

Первые годы, когда Петруха завязал с проклятым прошлым и переехал в Москву, он начинал с наступлением лета страдать:

— Ольга Евгеньевна, сил моих нет. Ребята зовут на юга работать... Руки-то помнят... Но ведь защита прав заключенных важнее, да?

В эти тяжелые моменты я отправляла Петруху домой, в деревню под Саратовом, к маме с подарками. Петруха уходил на сенокос и забывался в простых праведных трудах. Правда, со временем позывы уехать “работать на юга” становились все слабее и слабее, пока не исчезли вовсе.

Но тут Петруху настигла другая беда. Петруха влюбился. Бедный Петруха влюбился в богатую Снежану Радзивилл.

Познакомились они на Фейсбуке. Петруха не сразу узнал, что Снежану Радзивилл на самом деле зовут Таня Фонарева, но для любви это неважно. Снежана была в федеральном розыске, ее уголовно преследовали по обвинению в многоэпизодном крупном мошенничестве, жила она в Москве не по месту прописки, а передвигалась исключительно под покровом ночи. До этого год просидела в тюрьме на предварительном следствии, потом следствие что-то накосячило с продлением срока содержания, и судья отпустила ее под подписку о невыезде. К тому же у Тани-Снежаны было смягчающее обстоятельство — трое малолетних детей, а мужа как раз не было, так что небольшое подспорье в виде некоторого необходимого для судьи количества денежных знаков решило дело в пользу гуманизма. Однако прокуратура обжаловала решение судьи, будущую Петрухину зазнобу снова взяли было под стражу, но девушка к тому времени скрылась, и ее объявили в розыск. Адвокат, по словам Петрухи, взял несколько миллионов за защиту, но “стал накручивать бигуди” (перевод — голову заморачивать, мозги вкручивать), и дело зашло в тупик.

Для своей защиты Таня-Снежана делала очень робкие и не слишком грамотные шаги: тут напишет маленькое ходатайство, здесь жалобу — и в тину.

Таня-Снежана стала много крутиться в интернете и искать разные

выходы. Нашла Петруху. Сомнительный, прямо скажем, выход, но другого кандидата на нашлось.

Петруха рекомендовал Тани-Снежане “газовать”. То есть действовать активнее, выйти из тени:

— Хватит накручивать бигуди, выходи сама воевать! — писал Петруха попавшей в переделку даме.

И однажды он приехал к ней. “Увидел, — говорит, — и что-то ёкнуло в сердце. Еще волосы такие — мелкие-мелкие кудряшки, и длинные, белые. И еще по жизни активная, как я люблю. Ну и закрутилось, ну и понеслось”.

Сначала Петруха не понял, куда попал, — не до того было. Ну, квартира большая в центре, обставлена хорошо, ну мало ли, с кем не бывает. Ухаживал, даже цветочки ухитрялся ей дарить, она радовалась. Петруха радовался другому — и кудряшкам тоже, но главное, что девушка оказалась трудовой, рабочей, легко обучаемой премудростям поведения подследственной в розыске. Грамотные жалобы и всякие ходатайства Петруха научил ее писать, в итоге только один московский суд получил от нее больше ста разных полезных для нее корреспонденций.

И вот в одно раннее утро, не было еще и шести, в хорошо оборудованную железную дверь Тани-Снежаны стали настойчиво звонить. Петруха к тому времени уже уверенно ночевал за этой дверью.

— Откройте, Отдел по борьбе с экономическими преступлениями.

А, ну да, ну да. Петруша давно их ждал. Уже и лестницу пожарную для Тани-Снежаны присмотрел, хоть и седьмой этаж, а вещь полезная. Да и девушка с появлением Петрухи поверила в себя — могла и по лестнице махнуть. Но с лестницей все ж не вышло, что-то закрутились, и началась обычная тягомотина: “Без адвоката не откроем”, “Адвоката не пустим”, “Вызываем МЧС, начинаем дверь вскрывать” и т. д. Петю в итоге из квартиры выкинули, а на девушке застегнули наручники и отправили в РОВД.

Петруша, конечно, не сдался. Вызвал дружочка с тюремным опытом, справившего себе по выходу большой внедорожник, и разработали они план побега Тани-Снежаны из РОВД. Внедорожнику в этом плане было отведено место ключевое, почетное, но грустное: он должен был своим телом закрыть беглянку от погони и пожертвовать собой. Дружочек Петрухин горевал о судьбе своего новенького аппарата, но крепился и вида особо не подавал, войдя в азарт предстоящей погони.

Для уведомления Тани-Снежаны о плане побега ей в обезьянник РОВД была передана передача, которая среди прочего включала пакет с соком,

куда был аккуратно вложен замотанный в целлофан мобильник. Но мобильник Таня так и не нашла, и Петруха отменил план побега: внедорожник остался цел и ребята пошли пить пиво до разъяснения обстоятельств.

Обстоятельства разъяснились быстро: Таню-Снежану отправили в женское СИЗО, и Петруха пошел получать статус защитника для посещения своей подопечной. Умеючи-то дело это не слишком сложное, и вот Петруха нарисовался в СИЗО, фиг сотрешь.

— Да подумаешь, всего-то часа два мне на тюрьме бигуди вкручивали и лоб хмурили, и прошел. Она-то думала, что к ней адвокат прошел, а он и не чесался. А как увидела меня, руками-то замахала: “Прячься, Петя!” — думала, что я в тюрьму пролез нелегально.

И начал Петя ходить в тюрьму каждый день — как на работу, если б она у него когда-нибудь была. И дождал Петя следствие с судом! Опять отменили Тане-Снежане постановление об аресте. Вышла Петрушина зазноба. И тут же сделала Пете предложение руки и сердца. Мол, давай, Петруша, официально оформим наши неземные отношения.

— Ну, только если ты сама там все с ЗАГСом уладишь, я там тушуюсь, я ж там не был сроду никогда, — согласился жених.

Свадьбу справляли скромно, в ресторане на Рочдельской, где спустя пару месяцев произошла знаменитая перестрелка дизайнеров с адвокатами под общим руководством авторитетного вора Шакро Молодого — ну, напротив дома, где все правительство живет. Свадьба гуляла крепко, причин ограничивать себя в чем-то в этот вечер не было.

Утром просыпаются — Петруха сразу за шампанское. Привык, конечно. Да и вообще — первый день семейной жизни. Таня-Снежана, не будь дура, тоже. И что-то после второй она в сумочках у себя копать начала:

— Петруха, ты моих часов не видел?

Не, не видел. Ну нет часов — и нет часов, отстань, это ж первый день семейной жизни, давай не будем искать твои часы и отвлекаться. Петруха вообще первый раз в такой ситуации, впервые семью завел, млеет.

А на второй день пошло настойчиво: где часы, да где часы.

Ну нет часов.

Сходили в ресторан, где свадьба была.

— Нет ли часов?

— Нет часов.

Слово за слово у молодых.

— Наприглашал рецидивистов! Твои друзья такие крысы — давай устраивай разборку. Часы мои на свадьбе пропали, я их только на минуточку с руки сняла — и вот те здрастье.

Петр тоже уже завелся. Второй день семейной жизни — и такое занудство. Они еще и сломанные были, часы-то, она их для понта надевала. А тут теперь она ему какие-то чеки от тех часов начала в морду тыкать.

— А чего не подлинники чеков, чего ксерокс, — Петя спрашивает, вспомнив весь свой жизненный опыт.

— Да они 400 штук евро стоят! Они номерные! Все равно найду!

И вызвала ментов.

Тут Петя совсем охренел.

Приехали менты. Петя говорит натурально молодой жене: “Ты чего газуешь?”

А она ментам гонит: “Да он специально на мне женился, чтобы эти часики украсть!”

Привезли менты Петю в отдел. Но оказались, как вспоминает Петруха, наполовину разумными — видят, что херня какая-то. И отпустили Петю — сейчас, сказали, погоди, парень: она уйдет, и мы тебя отпустим. Она, правда, на этих ментов потом наехала — Петя ж ее и научил в свое время, как надо-то.

Вернулся Петя на второй день семейной жизни в гнездо, выпил еще с ней. Вроде праздник. И не праздник.

Выпили еще шампанского, потом поругались. Опять она ментов вызвала. Сказала, что Петя угнал ее автомобиль. А Петя на нем встречаться с корешом поехал. А машину эвакуировали. Ну, непруха. А тут опять менты.

В общем, на третий день развелся Петруха. Ну ее, такую семейную жизнь.

А штамп себе про развод поставил Петруха уже сильно потом, когда поступал на госслужбу — социальным работником в приют для бездомных осужденных. Его, правда, туда по итогам не взяли.

Спрашиваю Петю: а что, было ли что хорошее в твоей короткой семейной жизни?

Петруха затуманивается, и говорит сразу:

— Евгеньевна, ты не подумай, баба-то она хорошая, честная. Я незадолго до женитьбы с мамой ее познакомил. Уж мама-то как рада была, как рада! А сразу после нашей свадьбы мама-то моя и померла. И Снежанка-то, Танька в смысле, все на себя взяла. И похороны, и поминки — сама на три дня за плиту встала, все сама готовила, справила душевно. Я

ж тебе и толкую — хорошая она баба. Только путаная.

Федор

Молодой прокурор Федор Алексеев — человек амбициозный, очень неглупый, к тому же бескомпромиссный служитель и радетель закона.

Убежденный Володя Шарапов, только пожестче. Такое еще встречалось в начале века в провинциальных прокуратурах, подальше от Москвы. Это уже сильно позже Федор понаберется опыта и цинизма, понаблюдает деградацию прокуратуры, выступит не по делу, получит свои шесть лет, отбудет достойно, вернется сразу в бизнес и будет отдавать сначала десятину с доходов, а потом и четверть на адвокатов людям неимущим и несправедливо пострадавшим от бывших коллег, благо дела читать Федор умеет и все косяки видит.

Но это все будет потом. А во время оно работал Федор в районной прокуратуре, и пришли к нему смежники — чекисты. Дело принесли. Драма на охоте.

Действующих лиц немного: республиканский начальник спорткомитета, его сын и дежурный хирург районной больницы. Время действия — Новый год. Место действия — баня в лесу.

Фабула незамысловата. Республиканский начальник спорткомитета Степан Васильевич — человек сильно пьющий, отдающий любимому делу всего себя без остатка. В свободное от основного занятия время Степан Васильевич посвящал себя легкой коррупции. Сын Степана Васильевича пошел по стопам отца, пил самозабвенно, без продыху, до рвоты в служебном кабинете, а служил спорткомитетский сын по имени Витек в республиканской прокуратуре помощником прокурора. Понятно, что, будучи республиканским начальством, и отец, и сын очень интересовали чекистов, у которых в мирное время по большому счету две задачи: собирать компромат и не давать ему хода, пока не пригодится.

И вот Новый год, баня, лес, берег реки, горнолыжный спуск, сосны, красота — в общем, пьянка в санатории. И уж неизвестно, каким образом, случайно, по куражу или по ссоре, чего никто вспомнить не мог, но выстрелил сынок в папашу. В голову, в упор, из травмата. Входное отверстие где-то у затылка, а выходное по кромке волос, чуть выше лба. Этот выстрел обязан был стать смертельным.

“Скорая помощь”, районная больница, дежурный доктор делает срочную операцию, убирает гематому, зашивает черепную коробку, прогноз хороший — мозг не задет. Повезло или уж такого удачного свойства был мозг у начальника республиканского спорткомитета. Сын Витек скрывается.

Смежники-чекисты кладут на стол шибко умному прокурору Федору тонкую папку. Дело, стало быть, — его расследовать надо. Огнестрельное ранение республиканского начальника — не кот начхал, да и медики обязаны в органы про такие случаи сообщать. Так что, Федя, чего хочешь,

то и делай, но крутись — и чтоб скандала не было, и чтоб помощника прокурора не пришлось бы за пьяную стрельбу в отца арестовать, ну и гриф, конечно, секретный на дело.

А что тут сделаешь-то? Ехать в больницу, просить хирурга придумать что-нибудь, версию какую подходящую, что, мол, не огнестрельное ранение. А какое? Тут как ни крути — а причина трепанации черепа налицо.

Тут в сознание приходит начальник спорткомитета Степан Васильевич. Федя, натурально, дежурит у постели потерпевшего, дабы записать его первые объяснения. И пресечь появление слухов.

Опытному руководителю — а Степан Васильевич был руководителем матерым — ничего рассказывать и не потребовалось. Он попросил бумагу, и собственноручно написал, как все было: мол, будучи начальником республиканского спорткомитета, пропагандировал здоровый образ жизни и в новогоднюю ночь катался на лыжах, чтоб показать личный пример. И, весело катясь с горы, не заметил ветку, которая попала прямо в лоб и вышла с другой стороны. Потерял сознание, очнулся тут в хирургии, за что нашей республиканской медицине отдельная благодарность от всего нашего дружного спорткомитета. Число, подпись.

Вот оно как, оказывается. Значит, нет у нас потерпевшего, даже неосторожного обращения с оружием нет, а есть травма на тренировке. Закрываем уголовное дело.

Но тут районный хирург говорит свое решительное “нет”.

Вы тут за клоуна, говорит, меня держите? Пуля шла отсюда туда, а ветка — оттуда сюда, наоборот. И опилки бы в голове остались, сучки там мелкие. А их нет! А есть, напротив, следы пороха и ожог. И пулевое отверстие еще. Не подпишу я вам эту филькину грамоту про дупло во лбу, я свою профессию и себя уважаю. Poiщите Буратину и дурака за четыре сольдо в другом месте.

Про четыре сольдо Федор расслышал хорошо и намек понял.

И пошел договариваться о спонсорской помощи прокуратуры районной больнице.

Республиканский прокурор план Федора одобрил и выписал всей прокуратуре премию по итогам года. Премию срочно выдали, потом собрали, посчитали — мало. Тогда прокуратуре выписали премию по итогам года, который вот сейчас, в январе, только думал начинаться. Собрали еще раз — вроде нормально. И торжественно передали в больницу в честь Рождества Христова.

Хирург хмыкнул и написал свое заключение про сучок, попавший в

лоб начальнику спорткомитета. Расписал от души, еще и поглумился: навывлет ветка никак пройти не могла, она как раз застряла в голове у спорткомитета, и выпиливали ее оттуда высокохудожественно, можно Нобель давать в области достижений медицины или на крайний случай за литературу, хорошо получилось.

А уж после праздников вышла местная пресса с несколькими как бы не связанными друг с другом рассказами: отдельно про то, как спорткомитет пропагандирует ЗОЖ (с портретом героического Степана Васильевича, лютого поборника трезвости), отдельно — про хирурга с большой буквы Х, за что ему отличника здравоохранения вручили с грамотой и памятной медалью, отдельно — про сплоченный коллектив прокуратуры, решивший под воздействием повышенной нравственности пожертвовать свою честно заработанную премию во славу божью под светлый праздник Рождества Христова на спасение души и тела сирых сих в рамках районной больницы, ибо кто, если не мы — с портретом республиканского прокурора.

А амбициозному молодому Федору поручили тихо и быстро разыскать Витька и вернуть помощника прокурора на рабочее место, желательно приведя его в чувство. Витек, как и следовало ожидать, неделю гонял белогорячечных чертей у себя в гараже, Федор его оттуда аккуратно извлек и передал на условиях полного сохранения тайны вкладов спецам районной больницы на предмет кодирования.

Много лет спустя, уже отсидевший Федор встретил Витька в Генке. Витек добро помнил и дал Федору практический совет: все зло в Фединой жизни — из-за того, что он непьющий. И из прокуратуры его поэтому уволили, и посадили за это — подозрительный. Не поспоришь тут, и Федор спорить не стал. Витек спросил между прочим, куда делось тогда его дело, под грифом ДСП, которое хранилось у Федора в сейфе. Судьба его, кстати, осталась неизвестной: при увольнении Федор попытался отдать его смежникам, но те отбрехали. Так и оставил в сейфе, может, и сейчас лежит.

А Степан Васильевич почил на следующее Крещение — больше года покуролесил после сучка, но угорел на оздоровительной работе в бане после купели. Не жалели себя люди.

Сквер Чапаева

А вот еще случай у Федора был.

Ранее летнее утро, суббота, спальный район столицы национальной республики в Поволжье. Скажем прямо — Чебоксары. Панельные девятиэтажки, перед домами палисадники, и вот в одном из палисадников лежит труп юноши лет восемнадцати. Лежит в следующей позе: на животе, одна нога загнута назад и накинута с ноги на горло петля — поза типа ласточки. Руки связаны сзади, штаны спущены, ягодицы оголены.

Петелечка горизонтальная, замкнутая, не прерывистая, и присутствуют все признаки удушения. Причем удушения именно в этом положении. Ранние признаки трупного окоченения. Трупные пятна расположены внизу трупа, признаков волочения нет, признаков изменения позы трупа нет. То есть он умер именно в этой позе.

Начинается опрос соседей, находят соседку, которая слышала крики, похожие на “хватит-хватит”, потом хрипы. Что это? Убийство.

И очень похоже на почерк ментов — он же ласточкой связан, как они практикуют. Изымают телефон, начинают изучать контакты погибшего, а труп увозят на судмедэкспертизу.

Звонит судмедэксперт, говорит: пацаны, он у вас того... Задний проход зияет, капсула багрово-синяя, то есть погибший при жизни был убежденным пассивным педерастом, практиковавшим это дело не один год.

Федор тогда неопытный еще был, обрадовался. Мол, это интимное обстоятельство сузит круг поисков.

Ан нет. Хрен наны по всей морде.

Стали изучать телефонные контакты потерпевшего — а номера у него почти все с женскими именами, с полтысячи. Это привело Федора в некоторое недоумение, и группа стала прозванивать номера. Звонят Вике — а попадают на Виктора. Быстро выяснили, что имена женские, может, и души женские, и гендерно граждане себя определяли как женщины, но на самом деле это мужчины. Со всеми первичными половыми признаками. Многие женатые, многие счастливо женатые, многие имеющие детей и многие — работающие в государственных структурах. В том числе силовых. Выяснилось, что порицаемая церковью страсть обуяла самые разные слои населения, в том числе республиканский истеблишмент.

Никто из допрашиваемых не взял адвоката. Не надо, говорят, нам адвокатов и лишних ушей.

Приносили свои телефонные книжки, рассказывали о своих контактах. И круг подозреваемых оказался у Федора такой, что в жизни у него такого не было.

И вот выходят в конце концов на некоего Мишу. На него дает показания бомжеватый парень, который с Мишей познакомился и встречался в самом центре города, в сквере Чапаева. А в сквере Чапаева хорошо — кусты, скамейки, тепло, пивные ларьки, рыбка, мужики душевные и полный голубой огонек. Выходит Федор на Мишу, пытается вызвать его на допрос — а он дерзкий. Орет и на следователя, и на прокурора Федора — вы кто такие, говорит, вообще? Оказывается — начальник одного городского УВД.

Мент. Вот она, ласточка с петелькой.

Начали разрабатывать Мишу. И посыпались на него показания, и все в один голос говорят — по пятницам мы с ним встречались в сквере Чапаева. И один встречался и имел интимный контакт, и другой, и третий, а также несколько захватывающих рассказов о любимых Мишиных извращениях. Жестких.

Но почему всегда по пятницам?

Не мог он по пятницам, не верил в это прокурор Федор Алексеев. Молодой, наивный, непьющий, неженатый, Федор тем не менее твердо знал, кто бухает по пятницам, а для кого пятница — святой день. По пятницам бухают менты, прокурорские, судейские. Госорганы всякие. Остальные-то могут в любое время бухнуть, если что. А пятница — это наше время, так всегда было, в это Федор верил.

А свидетели хором показания дают: каждую пятницу встречаемся в сквере Чапаева. Мишу, мол, хорошо знаю и нежно люблю, знаток. Попили пива — я ему в кустах. Еще попили, сходили в кусты — он мне. Рыбки поели — разошлись по женам. Все нормально.

В конце концов допрашивают дерзкого Мишу. И после доверительной беседы Миша рассказывает молодому Федору: да, действительно, занимаюсь этим уже не первый год. Не наказуемо. Хожу в сквер Чапаева к юношам и дяденькам. Ненаказуемо. Женат, педерастом не являюсь, а являюсь отличником боевой и политической подготовки.

И Федор, уж когда все записали, его спрашивает: ну а зачем тогда?

— Жена ревнивая.

— И что?

— Да как ты не понимаешь? Если я к бабе еду, от меня пахнет вином, коньяком, духами. А тут я прихожу из сквера Чапаева, от меня пахнет пивом, сигаретами, рыбой, и никаких вопросов. Пива попить вечером в пятницу — можно, к бабе съездить — нельзя. Поэтому я хожу пить пиво. Но к бабе же хочется. А к бабе нельзя. А тут то же самое.

— Ни фиги ж себе то же самое!

— Да если б ты попробовал, тебя за уши оттащить нельзя было бы! Ты сходи, прокурор, попробуй, а потом разбирайся.

И это все нетолерантный Федор запротоколировал, зафиксировал в протоколах следственных действий. Сейчас жалеет. Мишу тогда из органов тихо уволили.

— Я теперь это не приветствую, — говорит Федор сейчас, напуская звериную серьезность. — У меня теперь другая позиция, я бы очень хотел, чтобы его вернули в органы правоохранительные. Чтобы там как можно

больше таких людей было, как в сквере Чапаева.

Измывается над классово близкими ментами, да.

А убийство то так и не раскрыли. Позвонили откуда надо, мол, прекратить немедленно преследовать приличных людей по признаком сексуальных предпочтений — начальство Федино намек уловило. Объявили Федору выговор, да тем и кончилось.

Мариинская впадина

Райцентр Мариинский Посад — он не где-нибудь там. Он рядом с Чебоксарами, километрах в 30. Но в Посаде, конечно, уже совсем другая

жизнь: иной у нее смысл, иные звезды светят мариинцам, иное солнце и иная правда разлиты в их мариинской крови.

И городской прокурор Мариинского Посада, опять же, сильно отличился. Накосячил немислимым, грандиозным образом, так что была назначена комплексная проверка, причем колоссальных масштабов. И тебе республиканская прокуратура, и МВД, и уголовно-исполнительная инспекция, всех, кого могли, туда, в эту проверку включили — чтобы съездить и убить сразу весь район. Расстрелять, через повешение и пожизненно. Тысяча чертей на сундук мертвеца и бутылка рома. Вот как накосячил мариинский городской прокурор.

Проверка прибывает, везде в Посаде жуть, ужас и кошмар, все сотрудники полиции сгоняются и стоят парадно с выпученными глазами по периметру всего, а кто не сгоняется, тот разбежался и прячется от греха подальше, тихо сидит, не отсвечивает.

Вот такое утро случилось в конце мая в Мариинском Посаде. Тепло везде разливается, землей пахнет прогретой, сирень в палисадниках добавляет неги, брачующиеся птички и лягушки вносят сумятицу в размеренный гормональный фон мариинцев — а тут комплексная проверка инфарктного масштаба.

Но, как известно, война войной, а обед по расписанию.

Обед святое. Местный ресторан потребкооперации не без гордости за свой лучший сет усиленного питания ожидает визита высокой делегации.

Авто с начальством отъезжает от районной прокуратуры. Ехать километра три. В машине: начальник следственного управления прокуратуры республики в ранге заместителя прокурора республики, начальник отдела, прокурор района и несчастный проверяемый городской прокурор. Авто выезжает за периметр полицейского оцепления, и за окном начинается мирная жизнь, которой до комплексной проверки совершенно как до фонаря.

Травка свежая, пахучая, зеленеет, цветочки пробиваются, козочки по обочинам пасутся. И лежит на дороге мужик.

Видно, что пьяный. И видно, что ему очень, очень хорошо. Он лежит и улыбается. Он в сознании, но глаза его закрыты. Он как Будда на переходе к самадхи. И все ему по кайфу, даже прокуратура.

Авто с комплексной проверкой тормозит, ибо Будда лежит практически посередине неширокой дороги. И тут главный начальник, заместитель прокурора республики, как заорет на несчастного проверяемого прокурора:

— Да что за твою... .. коту дивизию! Что у тебя творится! У тебя бухие лежат посреди дороги, днем, в центре твоего

сраного города, ты какой на хрен прокурор, на тебя народ вообще плюет!

Городской прокурор потеет и клянется, что сейчас все будет исправлено. Звонит начальнику ОВД, орет, материт, кричит — “Сейчас придешь ко мне в кабинет, фуражку на гвоздь повесишь!”, тот перезванивает, отчитывается — все будет нормально, все исправим, сигнал приняли, выезжаем и более не повторяется.

Ладно.

Машина с начальством брезгливо объезжает Будду на пути к самадхи и продолжает свой путь к ресторану потребительской кооперации. Обедают. Проходит час. Едут назад.

Посреди дороги лежит мужик. А рядом с ним лежит баба. В обнимку. Глаза закрыты, улыбается. Козочки пасутся, птички поют, бабочки-капустницы и солнышко, все на своих местах.

Вот же досталось самому молодому прокурору — Федору — за неуместный ржач в авто, побороть который он не мог и не хотел. Тогда он впервые задумался: а нужна ли народу прокуратура?

А нужно, чтобы солнце, травка и баба рядом.

Вот как подумал молодой прокурор Федор, далекий от идей феминизма. Вот так мариинский Будда посеял зерно сомнения в душе Федора, и оно дало всходы, которые уже отставленный прокурор пожинал в зоне для бывших сотрудников, а уж потом по выходу отдавал Федор тому народу свои знания и опыт в порядке благотворительной шефской помощи. Сильно продвинулся Федор по пути к самадхи, но ни феминистом, ни йогом так и не стал. Хотя какие его годы.

Миа

Я ее где-то видела, в какой-то другой ситуации. Пожалуй, если она улыбнется, я вспомню. Но ясное дело — она не улыбнется, она пришла к нам в первый раз. У меня в тумбочке лежат дежурные таблетки, сильные таблетки, иногда нужны, когда вдруг у новенькой слёзы каскадным фонтаном, но, кажется, не в этом случае. Девушка пришла сильная и умная.

Ее зовут Миа. Ну, Миа так Миа, красиво, необычно. И сама красивая так, как я люблю: неброская, стильная, ухоженная, тощая. Лет 30–35. Пожалуй, сразу не определю, кто она такая. Бриллианты нарочито, расчетливо скромные, точечный подбор почти незаметен. Для жены

удачливого до времени парня — слишком умна. Для дочки — и возраст не подходит, и недочкинская самостоятельность, и некоторая сухость, почти черствость. У самой проблемы? Тоже вряд ли, у нее хорошие бойцовские замашки и уверенность, о ее собственных проблемах я бы узнала только тогда, когда она оказалась бы в женском изоляторе, чего с такими барышнями почти никогда не происходит. Уж это было бы дело — так уж дело, бланманже с киселем, я бы знала.

— Я не знаю, чем вы могли бы помочь. Наверное, я за советом. У моей подруги посадили мужа, предпринимателя. Все документы у меня с собой.

Понятно. Стало быть, все-таки муж. И не подругин, а твой собственный. Ну как хочешь, пусть будет подругин.

Смотрим документы, слушаем историю. Обычная такая кризисная история: жил-был муж, у него бизнес, причем довольно крупный, сильно перекредитованный. Не смог наш муж вовремя разобраться с одним кредитом, а это был кредит в серьезном банке с государственным участием, где в кредитном управлении работали лучшие друзья мужа; и вдруг банк стал недоговороспособным. Друзья перестали перезванивать. Мужа нашего кабельный завод на Дальнем Востоке, для которого был взят кредит, банк стал медленно, но верно отжимать. А муж вместо того, чтобы отдать заводик банку и перекреститься, оказал сопротивление, и его для сговорчивости пришлось арестовать. Давай, Вася, реструктуризируй долг из тюрьмы, раз такой умный. В общем, завод отобрали, можно было бы Васю и выпускать, но тут уж силовики вцепились. Кто ж его теперь отдаст, когда следствие работало, прокуратура пыхтела, обвинение утверждала, суд аресты продлял, тюремщики зарплату получали, охраняя опасного для общества Васю, — кто ж его отпустит? Да и банку теперь все совершенно монополистуально и даже фиолетово — что сидит Вася, что не сидит, но с сидящим все же проще, есть гарантия, что не будет Вася попыток делать что-нибудь вернуть.

Чем тут можно Васе помочь? Дело накатанное, лет семь получит, ну пять, если повезет. Если есть какие-нибудь смягчающие обстоятельства. Да, кстати, — они есть у него?

— У него трое детей, — подумав, говорит Миа.

Никогда бы не подумала, что у Мии трое детей.

— Это не мои дети, это его дети от первого брака, — пояснила Миа, увидев подвисший слегка в воздухе вопрос.

— Маленькие?

— Маленькие.

Ах ты ж стерва, целка-невидимка. Ну да ладно, бывает, дело

житейское.

— Простите за вопрос, но для тюрьмы это важно. А ваш брак оформлен?

Нет, не оформлен. Да, она понимает, что нужно оформить, нужно слетать в Благовещенск и выйти замуж в тюрьме. Иначе она в деле никто, ее не будут пускать на свидания. Хотя можно ведь стать и защитником наряду с адвокатом, суд допускает такого защитника, а знаний и хватки у Мии вполне достаточно, а мы тут еще немножко ее поднатаскаем и все расскажем. Тогда можно и на свидания ходить почти как адвокату, то есть без ограничений. И денег это сэкономит, и время, и со свидетелями защиты кто, как не родной человек, поговорит и убедит на суд явиться и там блистать.

Миа думает.

— Я, видимо, не смогу пойти в защитники. На мне весь бизнес. Три завода, гостиничная сеть, девелоперские проекты, кредиты... Конференция еще в Сиднее, я не могу пропустить, меня партнеры не поймут.

Фигасе невесты у господ предпринимателей пошли. Где-то я ее видела, точно. Спрашиваю в лоб. Миа смотрит на часы, извиняется, прощается и уходит.

Исчезает. Через месяц приходит смс “Давайте выпьем кофе. Миа”.

Давайте. Про парня Мии я к тому времени уже много чего выяснила. И дело довольно громкое, и фамилия редкая, и бизнес заметный. В глянце есть несколько фоточек со светских вечеринок второго эшелона, где он присутствует с пухлой блондинкой, это явно предыдущая жена. О крушении брака нигде ни слова, только у меня в судебных файлах, которые мне оставила на флэшке Миа, в графе семейное положение значится “разведен”.

Пьем кофе. Миа все так же хороша и в меру душиста, хотя видно, что устала, и сильно, и давно.

Миа не кокетничает и в лоб интересуется, не знаю ли я кого, кто мог бы решить вопрос за деньги. За любые деньги. Вася должен быть свободен. Я рассказываю ей, почему этого делать нельзя. Совесть и закон не привлекаю, это все Мию не проймет. Вот, мол, давайте соизмерять риски, говорю. Если его задорого на минутку выпустят из тюрьмы под подписку о невыезде, вы уедете. Кстати, с риском загреметь на границе и вернуться в ту же камеру. Имеются также долгие печальные перспективы в случае удачного выезда из страны — там никто и здесь хуже чем никто, и в самом лучшем случае 10 лет в розыске в Интерполе. Без гарантии, что не выдадут, и без гарантии, что это когда-нибудь кончится. А кончиться может за

большие деньги, регулярно выплачиваемые хорошим тамошним адвокатам. Но скорее всего наши решальщики ее все-таки с самого начала кинут и обманут, и с этим ничего нельзя будет поделаться: пообещают дело закрыть и не закроют. А ресурс хорошо бы начать экономить: в семье эти деньги не будут лишними, и ситуация эта надолго. Или, например, могут посоветовать отдать деньги за закрытие дела после полутора лет тюрьмы — это надо все, что есть, отдать. Причем всем, потом взять кредит и его тоже отдать — и это вообще без гарантий, что получится. Если не получится — уедете на этап с репутацией сладкой булочки, и вообще никогда с Васи не слезут, будут бить смертным боем и денег требовать, которых давно нет. А рецепт один: не надо давать с самого начала. Никогда никому не надо давать. Ты этим гадам краешек денежки покажи — потом пожалеешь. Разорят и растопчут. Не разбазаривайте имеющийся ресурс, парню еще пригодится.

— Да, — соглашается Миа, — я это понимаю. Но я никак не могу объяснить Наташе, первой жене, что аппетит надо умерить. Она не слишком разумно себя ведет, а компания сейчас не может себе позволить непроизводительные траты. Я прикидываю затраты и эффективность, что для компании будет выгоднее: содержать Наташу и нашего владельца в тюрьме или выкупить его и содержать за границей. Мне нужно выработать позицию, убедить совет директоров и миноритариев. Мне надо рассчитать ки-пи-ай, не могли бы вы мне помочь и проконсультировать о размерах взятки в прокуратуре Благовещенска?

Дожили. Рассчитываем, значит, эффективность взяток и оцениваем результаты методом сравнения как минимум.

Я не выдерживаю и спрашиваю Мию, кто она такая и кем она приходится гражданину арестованному. Миа кивает, делает большой и деловитый глоток кофе. И начинает говорить с интонациями доклада отличницы в телепередаче “Школьники у микрофона”.

— Вообще-то я секретарь. Мое рабочее место — в приемной руководителя, который сейчас сидит в тюрьме. Мне больше нравится слово “секретарь”, хотя я скорее помощник, а с момента его развода я вообще партнер без юридически оформленной доли. Когда мой руководитель разводился, он временно выписал на меня доверенности по управлению компанией и записал на меня несколько офшоров. Я ему не жена и не подруга, но это долго объяснять. Он меня выучил, я окончила Колумбийский университет. Если для дела будет нужно, я поеду к нему в тюрьму и мы оформим брак. Я вижу свою задачу в сохранении бизнеса и рабочих мест, для чего мне очень нужно вытащить из тюрьмы моего босса.

Вот, значит, как. Стахановки идут на производство. Айн Рэнд аплодирует стоя, пока атланты расправляют плечи. Да, жаль, что эта история не про любовь. Все-таки целка-невидимка, да. Сухая, черствая отличница боевой и политической подготовки.

Еще через пару месяцев Миа попросила меня помочь ей записаться на прием во ФСИН. Миа прислала первую страницу паспорта. Так я узнала, как ее зовут на самом деле. Миа оказалась Магидой, что в переводе с татарского — товарищ. И сокращение до Миа, в общем, оправданно — не Магой же девушке зваться. Как вы яхту назовете — так она и поплывет.

...Спустя три года тот парень все еще сидел и сидел достойно. Его компания более или менее успешно работала. Миа забежала к нам несколько раз поговорить по делу — то на тему этапирования, то карантина, то про порядок получения облегченного режима содержания. Потом пропала. И явилась как-то раз без звонка, неувовимо изменившаяся, с коробкой конфет и еще с довольно большим кульком в руках. При ближайшем рассмотрении кулек оказался толстым младенцем в меховом комбинезоне из зверя, которого я бы на всякий случай почтительно назвала опоссумом.

— Мы с Васей поженились, — сказала Миа и улыбнулась.

А я вспомнила, где ж я ее видела. Она улыбалась с плаката довольно много лет назад, а плакат висел в моей придомовой парикмахерской и представлял то ли правильную стрижку, то ли краску.

— Краску, — сказала мне Миа. — Это был мой первый бизнес, я из Америки возила краску, сама продавала, сама рекламировала. А потом встретила Васю.

Нет, все-таки эта история про любовь. Не ищет человек легких путей. Но добилась своего товарищ Миа.

Дядя Паша

Дядю Пашу тут все знают: кто-то относится с искренним почтением и уважением, но в основном боятся. Меня спрашивали бывалые жены: “Твоего-то куда повезли?” — “В ИК-9 в Талицах”. — “А, это где дядя Паша...” — и лица моих знакомых мурочек становились загадочными.

Ну, Паша и Паша, видали мы уже и перевидали, пятый год сидим, у меня знакомых воров уже больше, чем докторов наук. Впрочем, от воров мы все же стараемся держаться подальше — народ они, конечно, романтизированный, но не по заслугам честь. Другой мир.

...Мой муж мельком видел дядю Пашу, когда прибыл в новую зону, видела его и я, приезжая на длительные свидания. Ну, ходит какая-то плотная фигура в спортивных штанах с пузырями, пузо голое, на вид полтинничек, живет обособленно, гопник и гопник. Воровского звания у него нет, на ментов не работает, не политический, не бизнесмен — кто его знает, какой масти человек, а на вид ничего интересного.

Положенец дядю Пашу не поминал. По прибытии в зону, если ты человек здесь новый, надо поговорить с положенцем, представиться, вручить верительные грамоты (недаром барак, где живет положенец, называется Кремлем). Положенец ставится ворами в закон (это как генерал-майор ФСБ), как бы рукоположен в должность — типа первого вице-премьера по административным вопросам. Ну, мы и считали положенца главным. Впрочем, довольно быстро обнаружилось, что это не совсем так: наш положенец — только франтёр (так часто бывает с гражданскими вице-премьерами, поставленными силовиками, — да что там с вице-премьерами, и с премьерами случается). Он был хорошим переговорщиком и общался по широкому кругу проблем с ментами и вохрой из области, но главным авторитетом в зоне все же был не он, а как раз загадочный дядя Паша. Серый кардинал, Мазарини и Ришелье в одном флаконе. Но пока не столкнешься сам, степени влияния на королевство не понимаешь.

Сидел муж беспокойно, а режим мы с ним качали слаженно — я снаружи, он изнутри, но методами своими, непривычными для ментов. Они же как привыкли? Есть проблема — ее откупят. Значит, надо побольше проблем человеку создать. Денег мы не давали, зато фиксировали попытки вымогательства и теребили всякие инстанции. Инстанции, конечно, были в доле и в курсе, но вынуждены были что-то с этим делать — понимая, что если не они, то их. Ну то есть как? Жалуешься на полицию главному полицейскому — поставь в копию ФСБ. Пишешь прокурору — СК не забудь. Природные враги должны друг друга уравнивать и по возможности кусать и всегда с удовольствием воспользуются оплошностью противника, отберут у него кусок, да еще и посадят, только зазевайся, а потом составят и отправят в горние выси рапорт с красным бантиком про борьбу с коррупцией, ога. Или еще хуже: придут в зону пожарные с санитарными врачами под руку да с гострудинспекцией в придачу — эти

пока дотла не разорят, не отстанут, чем всегда можно и нужно пользоваться и при случае пугать ими тюремное начальство. Дескать, разорю — напишу бумагу пожарным про ваши безобразия, фиг от них задешево откупитесь. Отлично, надо сказать, работает. При условии, что вы не в пыточной зоне или вообще снаружи.

Но однажды мы с мужем пошли войной на ментов и блаткомитет сразу, получили сильный ответный удар и, в общем, размышляли, зализывая раны, как быть дальше. И тут в нашей жизни нарисовался дядя Паша. Его комичная фигура возникла в дверном проеме отдельного домика на промке, где на зоне работали нарядчики. Народ вокруг притих.

— Ну чего, нарядчик Козлов, рад познакомиться, дядя Паша я. Слышал про такого? Читал про твои дела в интернете, как с тебя тут миллионы вымогали. Это всё ментовские разводки. Я противник ментов и разводов. Если будут проблемы — обращайся.

Дядя Паша со всей очевидностью ждал продолжения диалога. Мой муж, нарядчик Козлов, аккуратно прощупывал новую ситуацию.

— Паша, вопрос есть. Ты же не положенец? Ведь положенец, воры и менты связаны — так ведь? И как? Ты с кем, дядь Паш?

— Ты про меня ничего не знаешь. Раньше с ментами и на ментов работать запаadlo было. Не по понятиям. Я почему из лагеря ушел? Потому что не могу жить с ссучившимися.

— Что значит — ушел из лагеря? Ты где живешь?

Дядя Паша добродушно рассказал о себе, что живет он в зоне на даче — на промке построил себе отдельный домик. Теплицы, огурчики там, кабачки-помидорчики. Две голубятни, а там с полсотни голубей, все породистые, лапочки мохнатые, хвостики павлиньи, у папки с ладошки клюют — ну не гулюшки, а лебедушки. Сейчас потихоньку начинает вывозить их домой, в село Лежнево. А пока в зоне, живет себе на даче один — впрочем, имеются также свинарник, перепелиное хозяйство, повар-француз да небольшая свита. Повар достался дяде Паше в наследство от главы МГК КПСС товарища Гришина (одного из потенциальных преемников товарища Брежнева). Товарищ Гришин обучал талантливую кашевара в академии кулинарного искусства в Лионе, для себя берег, да и не дождался своего светлого обеденного часа — помер до возвращения повара из академии. А повар без надзора задурил, по окончании родной советской власти связался с Коржаковым, потом с торговлей подмосковной землей, ну и огреб свои шесть лет. Имея профессиональный нюх, в зоне повар сразу нашел надежное крыло дяди Паши. Готовил выпускник лионской академии кулинарного искусства как бог. И закуски, и разносолы,

грибы сушил, капусту квасил, да и огород дядипашин был на нем. Конечно, при таком дворе имелась свита, со всеми ее приметами и особенностями, но без лишнего пафоса — человек 20, не больше. Свита помогала дяде Паше по хозяйству за еду и защиту, а дядя Паша оберегал свой отряд от любых посягательств блатного люда.

До посадки ранее несудимый дядя Паша был крупнейшим пополнителем общака в Ивановской области. Убежденный бандит, но с крепкими понятиями — дон Корлеоне времен расцвета, как-то так. Много чего было в его жизни, как и у упомянутого дона, да и сел он по понятиям: кто-то спалил большой бандитский бизнес межрегионального масштаба (а скорее, это был переход контроля от РУБОПов к ФСБ), и уважаемые в криминальном мире люди попросили дядю Пашу кое-что взять на себя, обещая не больше пяти лет — как первоходу. Дядя Паша взвесил резоны и взял да и получил двадцать лет. Ох и сильно тогда затаил вопросы к коллегам дядя Паша, но перегруппировался, сориентировался, закидал суд ассигнациями и добился пересмотров и снижения себе срока до восьми лет, которые худо-бедно подходили к концу.

Паша смог бережно и любовно сохранить в зоне важные для человека 90-х атрибуты. Он с нежностью показывал людям, которым доверял, фото своего деревенского домика (800 кв. метров), с клумбами, статуями и прудом, где водились зеркальные карпы (“Глубина пруда — 4 метра”, гласила завитушечная подпись под фото). В нехитром дядипашином альбоме отдельно хранилась фотография его верного вороного коня — шестисотого мерина, ожидавшего хозяина в теплом гараже. На следующей странице — монументальное фото уважаемой супруги, так же верно его ждавшей, а также фото широкозадого джипа хозяйственной и крепкой дядипашиной жены.

Дядя Паша редко был трезв — с поставкой спиртного на зоне у него проблем не было. Довольно часто, нагрузившись водочкой под огурчик, дядя Паша заходил к дежурному офицеру на вахту — ведь у важного человека при большом хозяйстве много разных дел в сфере интеграции сопредельных группировок и таможенного союза с соседними зонами и территориями. Когда дядя Паша наблюдал непорядок, неподчинение или подозревал заговор, в выражениях он не стеснялся. “Михалыч, твою мать! — начинал дипломатические переговоры с дежурным офицером дядя Паша, который с ментами разговаривал исключительно на мате и с наезда. — Хрен ли у меня тут два часа под воротами стоит машина с пшеном для моих голубей? Чё не пропускаешь, паразит?” А надо понимать, что передачи в зону ограничены двадцатью килограммами строго

отобранных по инструкции продуктов раз в два месяца и вещи, требующие термообработки (как пшено), в зону не допускаются, а уж тем более не допускаются груженные пшеном частные автомобили. А тут еще и старшего офицера в зоне при зеках опускают, матеря его вдоль и поперек. “Ща вмажу!” — откровенно говорит дядя Паша дежурного офицеру Михалычу, употребляя, конечно, другой глагол.

Дежурный офицер Михалыч, по идее, должен был сказать в ответ: “Осужденный Сохатов, вы грубо нарушаете закон и правила внутреннего распорядка, я буду писать рапорт о переводе вас в изолятор сроком на 15 суток”.

Что делает дежурный офицер Михалыч в реальности? Он опускает глаза долу говорит: “Дядя Паша, извини, пожалуйста. Ответственный, кто может подписать пропуск автомобиля на режимную территорию, сейчас обедает, он не знал, что это к тебе груз. Я ему только что звонил, он через 15 минут подойдет и все подпишет. Не нервничай, пожалуйста, мы все сделаем”. Дядя Паша набычен и вообще настроен жестко: “Ну хорошо, я пошел. Через полчаса приду, проверю!” Дежурный офицер Михалыч хватается за городской телефон — выполнять дядьпашины распоряжения, а сам дядя Паша в этот момент внезапно решил сплясать гопака, услышав в своем мобильном с большой коллекцией музончика (а мобильные в зоне строжайше запрещены) подходящий шансончик. И тут Михалыч делает роковую ошибку: “Дядя Паша, отключи музыку в телефоне, мне не слышно”. “А ты его у меня отшмонай....” — глаза у Паши наливаются кровью, он угрожающе поворачивается и идет на дежурного. “Да ты что, Паша, побойся бога! Кто ж тебя шмонать посмеет”.

Конечно, дядя Паша по своему образу жизни был злостным нарушителем режима. Но по медицинским показаниям этот крупный мужчина с ровным розовым оттенком щек числился тяжелым инвалидом, поэтому в ШИЗО его помещать по закону было нельзя. Однако его можно было поместить в СУС — в строгие условия содержания. Но вот же незадача! — СУС сгорел, и как раз в тот неловкий момент, когда Паша что-то особо злостно нарушил (типа не сдержался и вмазал-таки пару раз дежурному офицеру) и был за то деяние сослан в эту самую тюрьму в тюрьме. Пришлось оставить дядю Пашу в покое, а отчего сгорел СУС, никто и знать не хотел — на всякий случай. После пожара СУС начали ремонтировать — но, пока Паша не освободился, объект не могли сдать. Были, значит, обстоятельства непреодолимого характера. А в другую колонию его перевести было нельзя: Паша считался первоходом, по документам — Красной шапочкой и Белоснежкой в одном флаконе,

личностью хрупкой и ранимой, с высокими моральными качествами и стремлением к совершенствованию, красой и гордостью тюремного трудового коллектива.

Как ни странно, отчасти так оно и было.

“Он уважать себя заставил и лучше выдумать не мог”, — это уж точно сказал поэт про дядьпашин секрет хорошей жизни. Он не шел на сделки и компромиссы, не договаривался ни с ментами, ни с дешевым блатняком — и был настоящим, образцовым разбойником с твердыми принципами. Как говорится, *old school*. Примерно раз в месяц я вбиваю в Яндекс “Павел Сохатов, Лежнево, Ивановская область” — смотрю, нет ли криминальной хроники с такими вводными. Не знаю, почему я за ним присматриваю, не могу объяснить — просто не хочу прочитать: “Авторитет убит в перестрелке”. А повар, кстати, освободился через пару месяцев после дядьпашинского звонка, устроился сейчас в Москве, в молекулярной кухне — дико дорогой ресторан в центре столицы нашей родины давно облюбовали сотрудники генеральной прокуратуры, и я уверена, что мстительный повар добавляет им в трюфеля толченого таракана. Дядьпашину дачу начальство снесло бульдозерами сразу же после того, как за Пашей и его зверинцем захлопнулась колониальная калитка. Не прошло и года, как внезапно закрыли и саму беспредельно-черную зону, что-то там вскрыли, кого-то вывели было на чистую воду, но потенциальные фигуранты уголовных дел, они же оборотни в погонах, в срочном порядке благополучно допились до белой горячки, и следствие махнуло на них рукой — какой с убогих спрос.

...А дядю Пашу через два года все-таки посадили за незаконную вырубку зеленых насаждений.

Пролетая над гнездом кукушки

В июне 2011 года в женскую часть тюрьмы “Печатники” в одну из камер с устоявшимся дамским коллективом заехала одна интересная особа.

Довольно молодая, но очень профессиональная воровайка. Умная, уверенная в себе, речь образованного человека плюс способности легко входить в доверие. Выясняется, что она неоднократно попадалась на кражах, но всякий раз родственники вытаскивали ее еще на стадии задержания и заключения в изолятор временного содержания. То есть до ареста не доходило, и дело быстро закрывалось, не успев как следует открыться.

В общем, вы знаете. Полиция у нас с народом, а следователи вообще публика незлобивая и покладистая, ежели, конечно, и ты к ним с пониманием.

В один из таких несчастных случаев задержания оформили нашей воровайке за малую мзду психиатрический диагноз, смысл которого сводился к тому, что временами она теряет над собой контроль и в этот период ничего не помнит, что и как она делала. В общем, “тут — помню, тут — не помню”. Амнезия и дежавю.

На этом месте — небольшое лирическое отступление, необходимое для понимания устройства мира крадунов (те, кто ворует по мелочи, то есть по ст. 158 УК “Кража”, называются крадунами, потому что воры — это авторитетные криминальные граждане, а жулики и воры — это уже высшая ступень особо крупного размера, впрочем, извините за ликбез). Так вот: работа крадуна (женский род — воровайка) невозможна без красной крыши. Красная крыша — это ментовская крыша. Воровайка, занимаясь своим ремеслом, отдает часть крыши, и туда же уходят попутно украденные документы, прежде всего паспорта. Воровайке паспорта ни к чему, а менты передают паспорта следующей категории своих подшефных. Но это уже другая история — по украденным паспортам получают кредиты и оформляют компании-однодневки. А за это потом сажают того, кого закажут солидные клиенты.

Однако теперь самое время вернуться к истории нашей воровайки. Благодаря чудесной справочке с легким психиатрическим диагнозом барышня-воровайка долгое время избегала прелестей пребывания в СИЗО и ИК. Но и воровской фарт когда-нибудь кончается. Не смогли ее в этот раз вытащить до возбуждения уголовного дела. Ну да никто не сомневался в благополучном для воровайки исходе дела.

Пробыла она в камере недолго — месяца четыре. По-быстрому суд и согласно все той же справочке — принудительное лечение. О “психиатричке” в Белых Столбах (г. Чехов Московской области) в СИЗО ходят разные слухи. В основном все сводится к тому, что уйти оттуда гораздо легче, чем с зоны, — сами понимаете, за что. Размер этого “чего”

назывался вполне вменяемый.

В середине октября отбыла уверенная в себе красавица в “Кошкин дом” (психиатричку) на Бутырку, а затем этапом в Белые Столбы.

Совершенно случайно узнали в женском СИЗО “Печатники” о ее дальнейшей судьбе. Врач по прибытии в сие заведение объявила ей: “Ты у меня отсидишь здесь все свои сроки”. Докторица оказалась потерпевшей от такой же воровайки и по полной программе хлебнула общения с доблестной “красной” крышей.

Красавица иногда выходит на связь, только вот былой уверенности в ее голосе уже нет. Она поняла, что окончание принудительного лечения зависит от воли врача, то есть может продолжаться бесконечно. А с ней докторица решила не торговаться. Будет лечить.

Земфира и Алеко

(по мотивам поэмы А.С.Пушкина)

Ранней весной заехала в камеру к бабам-“старосидам” (кто сидит в тюрьме больше года) яркая цыганка — явно не из простых. Было ей хорошо за полтинничек, и вся такая из себя: профиль, гордая осанка, одета

хорошо, холеная. Настоящая мошенница. Явно обладая гипнотическими способностями, промышляла “наведением порчи”, а также привораживала, отвораживала, заговаривала на похудение и от бородавок. Заодно и снимала порчу, проклятия и венец безбрачия путем избавления жертв от всего ценного, что водилось в доме. Промысел процветал, благо дур у нас хватает. Жила на широкую цыганскую ногу: золото, шубы, дом с колоннами и леопардом на стене, машины, личный водитель и.... очень молодой муж. Неприлично молодой, лет эдак на двадцать пять как минимум. Ласковый такой цыганенок Юрка.

Назвалась цыганка Раисой Николаевной, однако впоследствии оказалось, что это не ее имя. Так уж принято у этого гордого степного народа: для своих одно имя, для чужих — другое. Да и от сглаза, говорят, хорошо помогает.

Раиса Николаевна была неграмотна, как и большинство цыганок — девочек в школу отдавать не принято. Зато народ этот очень набожен. Часто глубина веры зависит от величины и тяжести золотого креста на шее, а христианские обряды и молитвы самым органичным образом соседствуют с очень древним язычеством, но в основном — с цыганскими обрядами, заговорами и ритуалами.

Первое время к Раисе Николаевне в камере относились хорошо, с уважением к ее возрасту. Но оказалась она баба совершенно скандальная и занудная. К тому же быстро перестала за собой следить, причесываться и к аккуратности в одежде всякую склонность утратила. Постепенно от уважительного “Раиса Николаевна” старосидки перешли к “Райке”. Выводила она всех своим постоянным воем и плачем, камера зверела. Голос у Райки был аки иерихонская труба, и выла она адски — с феерическими завываниями, причитаниями и тщательным перечислением своих несчастий, о чем в тюрьме говорить не принято: тут у каждого свой букет, поди посоревнуйся.

Страдала Райка не от того, что срок ей светил достаточно большой, — огребла она в итоге и правда немало, но сопротивления не оказывала и вообще была равнодушна к развитию своего уголовного дела, игнорируя интересные ментовские предложения “договориться”. Сразило Райку под самый корень, перевернуло душу и опустошило одно известие. Дело в том, что однажды повезли ее на какое-то вполне проходное судебное заседание типа продления стражи и встретила она по дороге новеньких заехавших цыганок — своих, из табора. Которые и рассказали ей по доброте душевной, что ее молодой муж Юрка женился на молоденькой. И даже заимел уже дитё, возраст которого смело позволял предположить, что зачат

он был, когда Райка еще была свободной холеной птицей с личным шофером и леопардом.

Как только Райка перестала приносить доход и загремела в тюрьму, Юрка и нашел свое истинное счастье. У криминальной ветви цыган так принято: женщины на заработках, а мужики мудро ими руководят. Вот Райку и списал со счетов молоденький ласковый цыганенок Юрка.

И Райка завывала. Пока она не выла — истово молилась, молитва переходила в концерт для иерихонской трубы с оркестром, а когда она уставала, то доставала из-под подушки свои образа. Прикладывалась к бумажным иконкам губами особым манером, со стороны казалось, что она их обнюхивает в четырех местах. И что-то постоянно при этом бубнила.

Что бубнила — никто особо не интересовался, так она всех достала. Пока однажды вся камера не услышала ночью быструю Райкину молитву-скороговорку отчетливо. Райка чмокала Николая Угодника и приговаривала: “Юркин уй к моей езде... чмок-чмок-чмок-чмок....Юркин уй к моей езде....” Прости господи.

Серия “ЖЗЛ”

Передавать в зону книжки — отдельное удовольствие. Дело это не

требует спешности. В книге не должно быть автографов и дарственных надписей — запрещено. В книге не должно быть карт местности — запрещено. А сама книга должна быть сугубо гуманистического содержания: никакой эротики, карточных игр, или терроризма, или кровавых маньяков, призывов к свержению государственного строя и прочего экстремизма. А уж тем более не про тюрьмы и побег из оных. Все это написано в каких-то лохматых инструкциях, и если захотят придрататься — ничего не пропустят. Не захотят — да хоть Чарльза Буковски передавай. Хотя были случаи, когда запрещали Оруэлла, например.

Однажды я передавала в зону под Тамбовом только что вышедшую тогда книгу Андрея Колесникова про 70-е годы в СССР и жизнь детей младшего партхозактива. На обложке — фото счастливого семейного отдыха где-то на морском побережье, и сверху всего этого — портрет Леонида Ильича в золоченой раме. Автор эту книгу подписал, что было важно: несколько личных теплых слов для человека в зоне, лично знакомого с Андреем, много значат, а зеку еще сидеть и сидеть.

И вот передаю я эту книгу младшему инспектору, которая работает на приеме передач. Начинает она ее листать, сразу тормозит на дарственной надписи и — не читая надписи — говорит мне:

— Оль, ну ты ж опытный человек. Ну нельзя же с надписями.

Закрывает книжку. Долго смотрит на обложку, взгляд смягчает. Вздыхает.

— Ну ладно, уж про Леонида Ильича пропустим, конечно...

Авторитет

Жил-был молодой и удачливый таможенный начальник, полковник, назовем его Рустамом — тем более что примерно так оно и есть. Работал он в московской таможне при Центральном таможенном управлении и был далеко не ангелом. Однако ж и меру знал, и не по чину не брал, и по вертикали власти регулярно отправлял наверх свой социальный лифт с посылкой для руководящих товарищей. Конечно, идеалом его карьеры был грешный человек Верещагин, который “уходи с баркаса”, и mzды Рустам не брал — как он искренне считал. Просто был органично встроен в систему, все участники которой чувствуют себя винтиками, передающими куда-то наверх бандероль с кэшем, а на руках при передаче остается немного смазки — не на зарплату же жить. А также Рустам чувствовал себя настоящим защитником Родины и ее богатств, был политически грамотен и регулярно занимался спортом, дабы применить к врагу у ворот наши боевые искусства. То есть парень он был физически крепкий и звездануть мог четко — а это важная для дальнейшего рассказа деталь.

Однажды один из его подчиненных попался на взятке. Но попался тихо, без криков и штурмов, при операции типа “чистые руки”, которую проводили фейсы — так часто называют сотрудников ФСБ. То есть младший таможенный инспектор взял у того, у кого брать не надо, потому что тот платит фейсам, ну те и пресекли. Однако и фейсам нужны хорошие показатели в работе, а также нагнуть страху. Фейсы младшим таможенным инспектором побрезговали и решили использовать его в качестве мормышки. Обвешали его записывающей аппаратурой, дали в лапки конверт с купюрами и отправили к начальству, то есть к Рустаму.

Рустам, конечно, не был ангелом. Поэтому когда он увидел перед собой бледного младшего инспектора, который зачем-то притащил ему в кабинет густо обсыпанный тушью конверт, заложенный в журнал “Огонек”, он сразу же все понял. Рустам вскочил и отшвырнул от себя конверт, как кобру, а младший таможенный инспектор закричал, что ему надо срочно в туалет и рывком распахнул дверь в кабинет Рустама. Ну и понеслось — маски-шоу, затаившиеся в коридоре, штурм и крики, камера НТВ в кустах и парадный отчет фейсов: взяли на мормышку хорошего леща.

Взять-то они взяли, но получилось у них это глуповато, без души. То есть Рустам, конечно, срок получит и на таможне работать больше не будет, но впаять ему взятку по полной программе уже не получится. И не только потому, что доказательств маловато — кого вообще в суде интересуют доказательства? А потому, что Рустам — полковник, ответственный работник и настоящий патриот, хорошо встроенный в систему, то есть человек небедный, разумный, много знающий. Он договорится. При

полной доказательной базе сделать ему это было бы очень сложно, почти невозможно, да и принцип здесь действует четкий: спалился по полной — сядь, дурак. А коль подставили и не спалился — тут уж много найдется заинтересованных лиц, чтобы было все по-честному, по правде. И уж конечно, у Фемиды развяжутся глаза, дабы увидеть несоответствие обвинения и доказательной базы. Отпустить не отпустит — не принято так у нее, но в ее объективности при таком раскладе сомневаться не придется.

Однако поскольку у нас тут борьба с коррупцией по всем фронтам, то сидит Рустам в тюрьме, покуда неспешно идет следствие. А следствие, конечно, ведут фейсы. И сидит Рустам в специальном месте, которое называется БС. Аббревиатуру БС часто расшифровывают как “бывшие сотрудники” — они-то и сидят в такой тюрьме, но на самом деле это “безопасное содержание”. Нельзя сажать ментов вместе с блатными — разорвут же на британский флаг.

В общем, определили Рустама на БС, к бывшим сотрудникам. И рассказывают ему про тамошние порядки, которые он должен соблюдать: уборка, дежурства, то-сё. А Рустам — в отказ. Не буду, говорит, соблюдать ваши порядки — и все тут. Вызывают Рустама к тюремному начальству, начальство строго сообщает накачанному полковнику: мол, у нас тут красная тюрьма, мы черный ход тут не поддерживаем, ты режим-то не качай, соблюдай красные порядки, ты ж сам, мил человек, краснопузый, масть тебе не поменять.

(Перевожу: “Наша тюрьма и ее контингент целиком находятся в подчинении администрации тюрьмы, и все соблюдают ее требования. Тех, кто режим не соблюдает и администрацию не признаёт (“черный ход”), у нас нет. И не будет. Ты сам полковник — не нравятся порядки, мы тебя живо на Бутырку переведем и там тебя блатные порежут — как представителя власти и силовика, ты же для них почти мент”).

Отвечает тюремному начальству бравый Рустам: “Вы мне тут бигуди-то не закручивайте. Меня вообще не волнует, красное тут место или черное. Тут у вас все в раскладе — а я в отказе. А на Бутырке черный ход с понятиями”.

(Перевожу: “Мне совершенно все равно, какие вы тут установили порядки — я здесь буду жить по своему разумению. Потому что у вас здесь 100 % контингента из бывших сотрудников признали свою вину и сотрудничают со следствием. А я вины не признал и никогда не признаю. Поэтому жить, как они, не буду. А Бутыркой меня не пугайте — там меня не тронут, там без причины не зарежут, разберутся люди”).

И начал Рустам, полковник таможенной службы, качать тюремный

режим. Перевели его на спецы в наказание за неподчинение — туда поселяют тех, кого нужно изолировать от информации или кого нужно попрессовать. То есть сломать. Однако поди его, качка тренированного, отмороженного, попрессуй. К тому же и местные надзиратели быстро Рустама зауважали и отнеслись к его позиции с большим пониманием. Он там такой единственный и в большом авторитете.

Рустам строго поддерживает иерархию в тюрьме и в камере — ведь среди бывших сотрудников, как и среди обычных зеков, есть своя строгая система ценностей. Больше всего среди БС ментов. Хуже, чем к ментам, здешняя публика относится к адвокатам. Еще хуже — к следователям. Хуже всего относятся к прокурорским — ведь от них все страдают, и на службе, и в тюрьме. К тому же каждый, кто попал в тюрьму, прошел через общение с прокурорскими и услышал, как они ведут себя на суде. А ведь служивые знают: у прокурорских — наибольшая свобода действий, но они всегда выбирают худшее, действуя по самому сволочному сценарию.

Но самая жалкая и неприкасаемая каста среди БС — это фейсы. В тюрьме по их поводу полное единодушие. Фейсы с энтузиазмом драят парашу, а Рустам внимательно следит, чтобы энтузиазм не ослабевал, да и прочий контингент отрывается на них по полной.

Об одном жалеет авторитетный Рустам — нет у них среди контингента судей. Попал бы хоть один — и судьба фейса покажется ему пряником. Об этом всем известно, и поэтому если уж не смог трудовой коллектив отмазать судью-коллегу и пришлось его сдать в СИЗО, так он даже на БС не попадет. Их держат в одиночке в Лефортово.

Вован хороший, плохой, злой

Дело было в Москве в начале марта. В тот день Второй оперативный полк полиции плотно укомплектовывал автозаки гражданами и гражданками из разночинной интеллигенции устойчивых протестных убеждений. Это был уже совсем излет, все стремительно выдыхалось и сворачивалось, но понимание провала еще не овладело умами и настроениями.

Автозаки развозили публику по ОВД, в автозаках особо высокой культуры исполняли все пять куплетов *Gaudeamus* на латыни. Задержанных было много, развозили куда попало, рапортов не составляли, а потому дальние ОВД старались как можно быстрее и тише выпустить всех

доставленных работающим Вторым оперполком граждан. Ну вот зачем, спрашивается, мирному ОВД “Коньково”, пасущегося на тучных угодьях соответствующего рынка, иметь проблемы с “политическими”? Совершенно незачем. И чувство это взаимно.

В центральных ОВД все было не так благостно. Там полицейские забивали народ в обезьянники, оставляли на ночь и требовали оформления административок, хотя были согласны и на уголовку. В Пресненском ОВД оставили на ночь странную и колоритную компанию: двух докторов востоковедения, одного академика математических наук и журналиста Левковича. Он-то мне и рассказал эту историю, а один из профессоров семиотики добавил деталей, когда его судили в Пресненском суде по административке — как раз наутро после обезьянника.

А было там так. Математический академик Васильев в длинной седой бороде — человек замечательный и неленивый в смысле народного просвещения. Два востоковеда с конкурирующих кафедр изучения восточных культур тоже не лыком шиты поговорить за умное и полезное. Ну и журналист, само собой, работа такая. А попала эта компания не в отдельный обезьянник, а в самую что ни на есть народную едкую среду, которая в эту ночь оказалась представленной в основном блатным миром. Убежденные завсегдатаи застенков оказались не простого свойства — не то чтобы элита преступного мира, но парни в основном лихие, никаких тихих зачумленных крадунов, а разбойники и грабители с рецидивами в анамнезе.

В этом благородном собрании выделялся человек, к которому все обращались уважительно — Вован Хороший. Быстро выяснилось, что Вован — бродяга, то есть особо уважаемый в воровской среде человек, стремящийся поддерживать “воровской ход” и для которого в блатной карьере пройдены уже все ступеньки, кроме высшей — вора в законе. А Хороший — это не удачное погонялово, а реальная фамилия.

Как и большинство блатных, Вован не понимал ни смысла протеста, ни претензий образованной публики к Путину. Вовану Путин скорее нравился: во-первых, тезка, а во-вторых, он был понятен и похож: и жестами, и жаргоном, и способами демонстрации силы — словом, Путин Вовану казался социально близким. Таковое заблуждение, кстати, довольно сильно распространено в воровской среде. А потому — из-за ложной квалификации Путина — блатные к социальным протестам и любой гражданской активности относятся прохладно, хотя самые сообразительные понимают дуализм ситуации: нельзя же быть и с блатными, и с операми одновременно.

В общем, Вова Хороший со всем уважением потребовал, чтобы ему в

изоляторе временного содержания профессура простым человеческим языком разъяснила смысл и цели протеста. Абстрактными понятиями типа *Liberté, Égalité, Fraternité* Вован владел не очень, а потому ситуацию ему разъясняли на примере осужденного по делу 6 мая Сергея Кривова, который получил четыре года общего режима.

— Видите ли, любезный Владимир, — вот возьмем, к примеру, коллегу Кривова, 52 лет от роду, кандидата физико-математических наук. Он получил четыре года реального срока за то, что рукой удерживал дубинку полицейского, когда тот пытался пустить ее в ход на мирном разрешенном властями митинге, — начал свой рассказ о социальном протесте по случаю ночующий в обезьяннике академик.

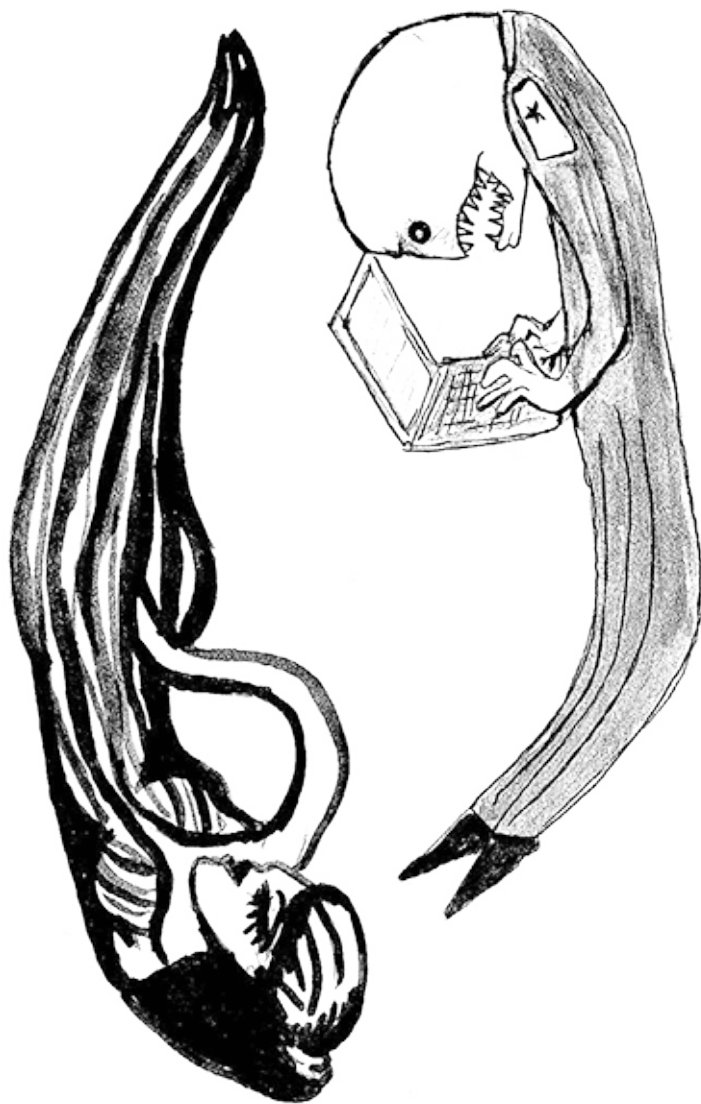
Вован был потрясен.

— Как четыре года? Реальных четыре года за митинг? Общий режим? Да вы и правда все идиоты. На четыре года восемь магазинов можно взять! Фигней вы занимаетесь, вот что.

Конечно, Вован сказал не “фигней”, а другое слово. А потом долго ворочался ночью, все повторяя:

— Восемь магазинов! Восемь магазинов взять!

Про любовь

Марина — редкая красавица. высокая, худощавая — но фигуристая, с явной примесью азиатской крови где-то в третьем колене; скулы высокие, острые и шея — знаете, такая вот с ямочками у ключиц, какая бывает только у очень породистых женщин. Длинные прямые волосы такие тяжелые, что, когда она завязывает их в хвост, голова откидывается назад. А Марина и без того гордая и неприступная. В общем, Шамаханская царица, и норов под стать.

Марина в Москве, сидит в тюрьме в Печатниках уже седьмой год, и конца этому не видно. А всему виной красота. В Марину серьезно,

маниакально влюбился следователь. Знаете, такой вполне молодой мужичонка, у которого в детстве не было рогатки. И не потому, что за книжками сидел, — есть такой довольно распространенный типаж мальчиков, которых никто никогда не замечает, с которыми смертельно скучно, и чем они занимаются в отсутствие интереса и к чтению, и к рогатке, никто не знает, потому что никому неохота знать. Потом они подрастают, оканчивают лет за восемь какой-нибудь заушный вуз, сами по утрам гладят себе вельветовые брюки, наводя на них стрелки, и идут себе на работу. В прокуратуру или в следственный отдел. И вот там они с оттяжкой мстят всему человечеству, попадающемуся в их уголовное производство. Особенно успешным, красивым и умным, а уж с особым наслаждением — талантливым.

Вот к такому парню в вельветовых брюках с наглаженными стрелками и попала красавица Марина. Однако красавица Марина на воле была далеко не ангелом — это если мягко сказать. Отличница, школа с золотой медалью, приехала покорять Москву в лихие 90-е из далекой республики в Средней Азии. Получила прекрасное юридическое образование, но работу найти не могла. Было все: и полы мыла, и посуду в забегаловках. Но поднялась. На очень сомнительных сделках, которые проворачивали настоящие бандиты под крышей одного из замминистров МВД — он и сейчас, кстати, на службе, все там же.

В один прекрасный момент, когда у замминистра начались неприятности по службе в связи с первым эпизодом рокировки в высших эшелонах — то есть в 2008 году, — братва Марину сдала. И не одну сдала, а вместе с нотариусом, он как-то несколько месяцев сидел в одной камере с моим мужем — мир тесен, здравствуйте.

Красавицу Марину и ментовского нотариуса обвинили в организации преступного сообщества, а это от 15 до 20 лет или пожизненное, между прочим. Для такой статьи потребен суд присяжных, и таковой суд и Марину, и нотариуса оправдал. И полетел нотариус белым лебедем обратно в нотариат.

Но Марина — красавица, а у следователя намертво стрелочки к вельветовым штанам пришпарены. И началась у них странная “любовь”. И много-много уголовных дел, ее сопровождающих.

В рамках первого уголовного дела Марине предъявлялось мошенничество в особо крупных размерах — и это обвинение Марина заслужила и признала, — ну и та самая организация банды, чего Марина признать никак не могла. Присяжные, стало быть, организацию банды отменили, а по мошенничеству Марина и не сопротивлялась. Получила

заслуженные 9 лет и отбыла, как положено, по этапу на зону.

Не успела там толком обжиться, характеристику для условно-досрочного освобождения заработать, как вновь затребовал ее строгий следователь в вельветовых стрелках — для проведения следственных действий. Соскучился.

Вернули Марину на централ в Печатники, и следователь тут же вменил ей еще 16 эпизодов по резиновой статье “Мошенничество” — туда вообще все что угодно можно впихнуть. И нате, пожалуйста — второе уголовное дело! Опять следствие, опять обвинение, опять суд — и опять суд присяжных, потому как не забыл вельветовый следователь вновь вменить и организацию преступного сообщества. И опять суд присяжных оправдывает Марину по сообществу, но путем частичного сложения срок уже — “десяточка”.

Идут годы, следователь расследует, Марина сидит. Пока апелляция, кассация, туда-сюда, новый приговор вступает в силу и Марина вновь собирается на этап. Но не тут-то было: вельветовые штаны отложили новый эпизодик, для третьего дела.....

Он не может без нее. Вся тюрьма знает, весь следственный отдел, да и привыкли уже. Окликают, когда идет он по тюремным коридорам в следственный кабинет: “К зазнобе?” — “Угу”. Многие посетители централа в Печатниках видели большой портрет красавицы Марины на заставке компьютера следователя, когда приходится брать у него разрешение на свидание с заключенными и подследственными. Сидит, медитирует, смотрит, шепчет что-то портрету.

Давно бы уже красавица Марина отсидела свой срок или вышла условно-досрочно с зоны, да штаны вельветовые не пускают, приберегая маленькие кусочки-эпизодики десятилетней уж давности для нового дела — чтобы расследовать, расследовать и расследовать.

И сделать с этой любовью ничего нельзя. Никогда не смогут они соединиться — хотя бы для утоления страсти. И дело не в том, что он следователь, а она аферистка, счастливых случаев таких мезальянсов — пруд пруди, и ничего, утоляют люди пыл, иные даже семьи создают. Но это не наш случай. Марина лесбиянка. Он знает.

Контрольная закупка в борделе

В нашем уголовном кодексе есть такая прелестная статья, номер 241 — “Организация занятия проституцией”. Раз есть статья, есть и

привлекаемые, обвиняемые, подсудимые, подельники, осужденные. Звучит она так: “Деяния, направленные на организацию занятия проституцией другими лицами, а равно содержание притонов для занятия проституцией или систематическое предоставление помещений для занятия проституцией”. Срок наказания предусмотрен от одного до пяти лет; как правило, дают не больше двух лет поселка, а если повезет, то полгода в СИЗО — и на выход с вещами.

Кто попадает под эту статью? Изредка те, кто действительно организывает притон, не позаботившись о ментовской крыше. А чаще всего привлекаются люди, ни о чем не подозревающие: допустим, сдающие квартиру в аренду или заключившие договор аренды на свой паспорт по настойчивой просьбе друга или подруги, которая ну никак не может оформить договор аренды на себя. В квартире налаживается купля-продажа любви, а виноват тот, чей паспорт.

Но главная группа риска — провинциальные девушки, приезжающие покорять Москву и удачно, как им кажется, устроившиеся на работу офис-секретаря. Конечно, они со временем начинают понимать, чем именно занимаются окружающие их в “офисе” “сотрудницы”, но они-то сами “ничего такого” не делают. Поэтому продолжают работать, принимать звонки страждущих клиентов, зарплату им платят, а более их ничего не интересует. Только вот по истечении месяца-двух ну очень неожиданно происходит облава. И задерживают, а потом и арестовывают именно офис-секретаря. Настоящие владельцы “нехорошей квартиры и бизнеса” дружат с теми, кто проводит облаву. Работающие... эээ... девочки, все как одна, дают показания на офис-секретаря: “Дескать, денюжку, полученную от клиентов, мы все сдавали ей — офис-секретарю, она и клиентов приводила”. В результате всем хорошо: через две недели салон возобновляет работу, менты закрывают свои “палки” в борьбе с самой древнейшей, они же продолжают крышевать и брать мзду, владельцы получают свои прибыли, а в тюрьму отправляется зареванная провинциалка с судимостью по 241-й.

Глубокой осенью заехала на СИЗО девушка Карина. Взяли ее вместе с подельником — гражданским мужем. Мужу, видимо, быстро объяснили, что почем, а потому он долго не упирался и все свалил на Карину. Ее вину было проще доказать, на нее был оформлен договор аренды квартиры на рабочей окраине Москвы — как раз в ней был устроен простенький “массажный салон” с богатой фантазией. Никакого принуждения, девочки работали на себя и на хозяев абсолютно добровольно. Среди клиентов, по словам доброй Карины, было много мужчин с ограниченными

возможностями — инвалидов, которые в обычной жизни испытывали трудности в общении с женским полом. Для них посещение этого салона было единственным выходом.

Следствие длилось недолго, месяца три, и сразу после Нового года Карина получила обвинительное заключение, утвержденное прокуратурой. Без высшего образования и ярко выраженного интеллекта, по-азиатски хитроватая, начинает она читать свой “об...бон” (так все на свете зеки называют обвинительное заключение) и вдруг заливается громким смехом, не выдерживает и сама предлагает своим товаркам вслух почитать сие произведение следственного искусства.

Озвученное оказалось гораздо круче “Камасутры” и “Декамерона”, вместе взятых. Очевидно, что не слишком опытный следователь, составляя текст обвинительного заключения, находился под огромным впечатлением преступных деяний массажного салона, где трудилась Карина.

Были подробнейшим образом описаны все услуги “по прайсу”. С последовательностью действий “массажистки” и ответной реакцией клиента. А в перечне услуг были самые поэтичные названия “массажных” процедур: “Веточка Сакуры”, “Дуновение ветерка”, “Ласки Багиры”, не говоря уже об услугах “Раб и госпожа” или “Золотой дождь”. Следователь так увлекся, что у него получился не процессуальный документ, а черт знает что такое — как уж этот увлекательный порнорассказ зачитывали на суде, науке неизвестно.

Примечателен был раздел обвинительного заключения “Вещественные доказательства”. Главным орудием преступления, приобщенным к материалам уголовного дела в качестве “вещественного доказательства”, был флакончик масла “Джонсон-бэби”, посредством которого (масла, естественно) клиент доводился до состояния, предусмотренного в прейскуранте как точка окончания оказания оплаченной услуги.

Да, и самое главное! Основным доказательством вины подсудимой были две (!) контрольные закупки. Как будто одной было мало для оперативных сотрудников, проводящих оперативно-розыскные мероприятия по легенде “клиент приходит в бордель”. Заканчивалась контрольная закупка как раз в той самой извергательной точке и описывалась в обвинительном заключении весьма подробно.

Увлеклись парни. Вложили в работу и душу, и тело, и ценный семенной материал. О чем честно составили рапорт.

А у Карины все закончилось благополучно. В июне, по хорошей погоде, она отбыла на этап, во время которого срок ее наказания закончился. Посмотрела она на колонию и уехала налегке домой.

Зоя-Ванна-Царица-Московская

В старом адвокатском мире есть много легенд и былей. Старый

адвокатский мир — он не по возрасту такой, а по отношению к профессии, *old school*. Новый адвокатский мир — это мир новых русских, мир беспринципный, работающий по заносам; это не адвокаты и даже не мелкие слуги дьявола: так, шелупонь, пивасик и вобла с помощником прокурора. *Old school* тоже не ангелы, но это красота. Полет, вдохновение, преферанс и неловленный мизер, а также коньяк с заслуженным артистом. Ну и уважение к праву, конечно.

...Однажды к бодрому, местами скандальному и очень хорошему адвокату Александру Островскому (однокашнику Айвазянца, ныне известного как Добровинский, они вместе ВГИК оканчивали) обратился известный певец. Назову его Сергей Зенкин. Певец очень расстроился из-за того, что некий московский клуб нетрадиционных сексуальных меньшинств принял его в свои члены, не спрося его согласия. Сергей Зенкин как-то не скрывал своих увлечений, а, напротив, всячески подчеркивал природную красоту помадой и красивыми платьями, к тому же и пел преизрядно, посылая воздушные поцелуи хорошеньким юношам.

Так что чем огорчился Сергей Зенкин, мы не знаем. Но факт огорчения был налицо. Александр Островский со своей кипучей энергией взялся за дело и обратился с иском о защите чести и достоинства в Пресненский суд, больше известный как Зоологический, по имени улицы и по царящим нравам. Дело попало к молодому интеллигентному судье Антону Вацлавичу Соколовскому. Судья с учетом веяний тех времен — а это была середина 90-х — довольно логично рассудил, что в факте заочного принятия в клуб лиц нетрадиционной ориентации вряд ли может содержаться компрометирующая информация. Которая, ко всему прочему, еще и была широко освещена в СМИ.

Печально известная статья 121 УК (срок за гомосексуализм) к тому времени давно уж была отменена — и напротив, сие явление стало модным. Будь на месте Александра Островского заурядный адвокат, у него бы опустились руки и все остальное. Но Островский не привык сдаваться и решил обратиться в Мосгорсуд с кассационной жалобой. Всем очевидно, что при обычных обстоятельствах кассационная жалоба была бы отменена Мосгорсудом как необоснованная. Адвокат Островский решил проблему иначе.

С помощью друзей и подруг он незамедлительно собрал Первое торжественное заседание московского клуба лесбиянок, в который заочно была принята знаменитая председатель Мосгорсуда Зоя Ивановна Корнева (она же “Зойка — царица московская”). Зоя Ивановна — человек сталинской закалки, нестигаемой воли: поговаривали, что плакала она в

своей жизни дважды. А именно 22 июня 1941 года и второй раз — от выходки адвоката Островского. От имени московского клуба лесбиянок, избравшего нового почетного члена, он направил председательше Мосгорсуда пышные надушенные букеты и самые льстивые поздравления с вышеизложенным обстоятельством, заметив, что само по себе оно не может компрометировать уважаемого судью, учитывая недавнее решение Пресненского суда. А в случае утверждения данного решения Пресненского суда кассационной инстанцией Мосгора можно смело размещать информацию об этом в прессе.

Говорят, что Мосгорсуд, который почти никогда ничего не отменяет из решений нижестоящих судов, на этот раз по каким-то причинам все-таки отменил решение Пресненского районного суда к полному удовольствию Сергея Зенкина. А интеллигентный судья Пресненского райсуда Антон Соколовский был уволен — якобы за волокиту.

Всего через несколько лет Зоя-Ванна-Царица-Московская уйдет на заслуженный отдых, подобрав себе надежную и верную, как ей казалось, смену — своего бессменного секретаря и клеветку Ольгу Егорову. Которая сразу же позабудет о своей благодетельнице, и та умрет в страшной обиде и полном забвении.

Заветы дяди Херсончика

Дядя Херсончик — олигарх. все у него есть, и даже морской порт — правда, в Гудауте, не очень большой, но причал крепкий, на четыре катера. В Гудауте дядю Херсончика знают все и очень уважают. Да что там в Гудауте — все от Пицунды до Сухуми знают дядю Херсончика-олигарха.

Еще бы. Это сейчас дядя Херсончик — седой и мудрый орел, а когда он был молодым орлом, он возглавлял ОБХСС по Абхазии. Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности в организациях и учреждениях государственной торговли, потребительской, промышленной и индивидуальной кооперации, заготовительных органах и сберкассах, а также по борьбе со спекуляцией при МВД. Эта служба и опасна и трудна, особенно в тех местах. Борьба с проклятыми расхитителями социалистической собственности обычно заканчивалась для борцов плачевно: либо они срачивались с расхитителями, либо их с позором изгоняло руководство, которое срачивалось раньше. Карьера же дяди Херсончика была плавна и безоблачна: он руководил ОБХСС восемь лет (а это рекорд) и ушел со службы ввиду ликвидации оной по причине официальной кончины социалистической собственности.

Хорошо сидеть с дядей Херсончиком под пицундской сосной на берегу Черного моря, кушать атван с абыстой, ашвлагун с ачашвой (бульон с мамалыгой и сыр с лепешкой), пить аххьял (кефир) с алахарюа (пастила из инжира) и слушать его рассказы о старом времени. У дяди Херсончика нет врагов — вся Абхазия у него в друзьях. Потому что когда он был молодым орлом, он все равно был мудрым. Потому что в работе своей дядя Херсончик руководствовался двумя принципами: “Никогда не сажай, когда можно не посадить. Никогда не забирай всего”.

На практике это выглядело так: бригада дяди Херсончика приходила к подозреваемому с обыском и находила все, что нужно найти, в основном деньги и золото (все остальное было тогда не в чести и шло по другим статьям УК). Дядя Херсончик делил потенциальный конфискат поровну, на глазок: половину оставлял семье, чтобы было, на что жить и восстанавливать хозяйство, а за вторую половину честно отчитывался перед органами. Подозреваемого уводили — и, если Уголовный кодекс позволял смягчить обвинение, смягчали как могли. Это было справедливо, тем более что речь чаще всего шла о подпольных цеховиках, то есть будущих предпринимателей, втихаря от советской власти пошивавших спортивные костюмы, кроссовки, водолазки и джинсы.

А потому дядя Херсончик сохранил почет и уважение и при новом режиме. Хороший человек.

...Однажды в разговоре со студентами Высшей школы экономики про то, с чего начинался бизнес на территории бывшего Советского Союза, я помянула ОБХСС — один из известных наших предпринимателей с плохой репутацией как раз выходец из этой структуры. Дети слету расшифровали аббревиатуру так: “Отдел безопасности сельского хозяйства Советского

Союза”. Ну и славно.

Непокоренный Илюша

Жил-был Илюша, и был он с рождения любим, красив и богат. Такое не каждому удастся, особенно в советское время, но Илюша смог этого достичь путем рождения в семье известного советского композитора-песенника. Надо сказать, что и песенник был не промах: в свою очередь,

сам он был сыном знаменитого члена Союза писателей СССР (одно время он даже возглавлял творческий союз) — нам всем с детства знакомы его проникновенные строки про трудности войны и особенно быта на войне, однако этим произведением его наследие и ограничилось. Тем не менее песню на стихи главы Союза писателей СССР регулярно исполняли на “Голубых огоньках”, ее спел Марк Бернес в прекрасном кинофильме, так что авторские отчисления и прочие материальные активы в виде квартиры на улице Горького и дачи в Переделкино сделали семью не просто богатой, а богатой очень. В перестройку композитор-песенник внезапно расхотел быть советским, передал имущество юному Илюше и отбыл в США, где и преуспел на ниве оживленной творческой коммерции. Илюше было чуть за 20, когда он стал единоличным распорядителем и владельцем всего нажитого непосильным трудом отца и деда материальных и нематериальных активов. Илюше хватило природного ума не объявлять себя официальным советским миллионером, равно как хватило и некоренной национальной добавки в крови, не позволяющей ему запойно гулять с цыганами. В общем, наступивший капитализм не застал Илюшу врасплох, он мудро вкладывал деньги, устанавливал с партнерами предельно циничные отношения и не лез в политику. Одно время он даже поработал в Совете директоров Первого канала, и все это ему ужасно не понравилось: Илюша не любил света софитов и блеска дешевой славы, он больше сорока лет жил на даче в Переделкино, не меняя ни жен, ни квартир — ну, коллекционирует человек английские авто начала века, так за забором же не видно.

В общем, в один прекрасный день Илюшу похитили неизвестные граждане. С целью получения выкупа. За жизнь и здоровье бандиты требовали с Илюши 10 миллионов долларов наличными, которыми, как были прекрасно осведомлены похитители, Илюша обладал. Но Илюша понимал, что пока он торгуется — он живет. И был, конечно, в этом прав. Полгода провел Илюша в плену, полгода жил он, прикованный наручниками к батарее. Несколько раз бандиты выводили его на расстрел, заставляли самому копать себе могилу — но не дрогнул Илюша, ни разу не допустил ошибки, не показал слабости. Не потому, что был Илюша так мужествен и смел, и уж вовсе не потому, что любил деньги больше жизни — конечно, нет: просто умный Илюша играл на свою жизнь, не допуская паники в собственных рядах, — и выиграл. Он сбежал.

Нельзя сказать, что Илюшу не искали. Конечно, его искали родственники, но папа был в Америке с новой женой, а собственная Илюшина жена к тому времени уж лет десять как сохранялась Илюшей в

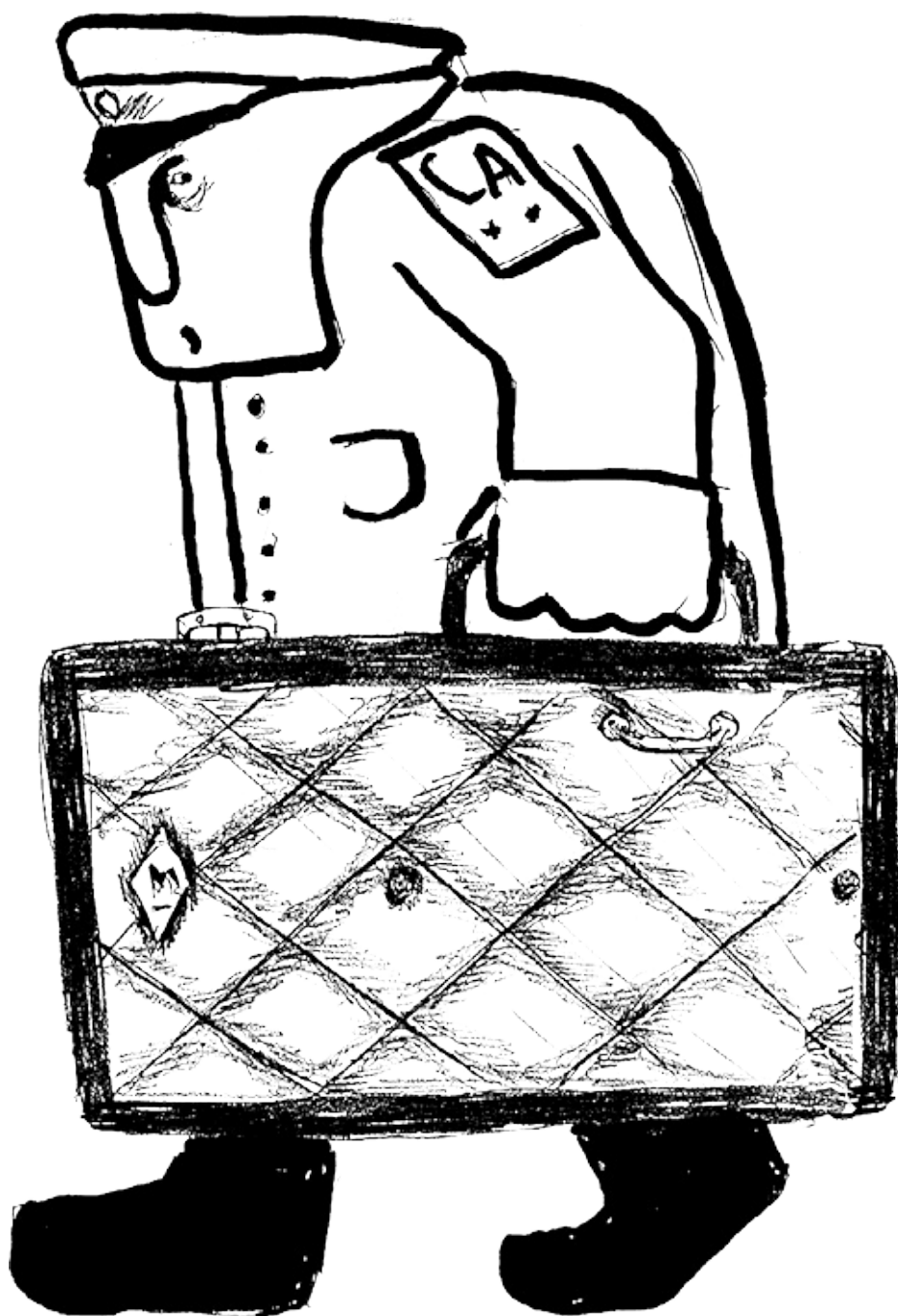
качестве формальности и убедительного объяснения, почему он не может жениться на очередной очаровательной соискательнице своих руки и сердца, — так что матримониальная формальность своего мужа не искала, желая ему легкой героической смерти и подбирая шляпку к элегантному вдовству. Конечно, Илюшу искали преданные друзья и партнеры по бизнесу — они смогли бы найти Илюшу из-под земли и вырвать из лап Главчерта, если бы Илюша был должен им денег. Но Илюша был партнером и акционером, а потому его пропажа всех ужасно огорчала, но в общем и целом исключительно устраивала. Более того — Илюше вовсе не безосновательно казалось, что настоящих заказчиков его похищения с выкупом (то есть заказчиком пыток и смерти с выплатой гонорара похитителям из кармана жертвы) нужно искать как раз в среде самых, как говорится, близких и преданных людей. Как это обычно и бывает, кстати. И для Илюши стало критически важно вычислить заказчика — не ради славы, а ради жизни на земле.

Илюша не имел ни малейших иллюзий насчет устройства следствия, прокурорского надзора и состояния правоохранения в Российской Федерации. Так что он просто подрядил, то есть нанял, на поиск похитителей соответствующие правоохранительные органы. Бандиты — раннее судимые особо опасные граждане — в итоге были установлены и обнаружены, причем все же главную роль сыграли внимательность и хорошая зрительная память самого потерпевшего. В итоге была проведена блистательная спецоперация по захвату группы похитителей, причем оперов на окружение логова и в атаку вел лично Илья, раздав им предварительно по сто зеленых — иначе не шли. Я потом читала в “Коммерсанте” героическую заметку о подвиге тех оперов, которые были представлены к высоким государственным наградам, — Илья, конечно, там не упоминался, как и его скромный вклад в тех, кто зорко охраняет наш мирный труд и сон.

Потом Илья долго и мучительно организовывал процесс суда над похитителями и их посадки — этих вахлаков наш гуманный суд и не менее гуманное следствие все норовили отпустить то под залог, то под домашний арест, типа как социально близких. В итоге Илья добился приговора — по 15 лет дали господам рецидивистам, но Илья никакого удовлетворения не получил: они не назвали заказчика, предпочтя отсидеть 15 лет спокойно и без проблем. Из чего Илья сделал правильный вывод, что такого заказчика надо искать среди партнеров, а не в семье — там бы не дотумкали так душевно и доходчиво объяснить исполнителям, что с ними будет, ежели на них снизойдет откровение и прочая благодать.

Впрочем, Илья не жалел потраченных на следствие и суд двух миллионов долларов, тем более что на этом рынке цены вскоре взлетели в разы по случаю окончания вегетарианских времен. Через 10 лет после этого случая Илью снова заказали, но уже не на похищение с убийством (к тому времени сие вышло из моды), а на длительное отбывание срока. Заказал его самый старый друг и основной партнер, который, судя по всему, и был организатором первого большого приключения Ильи. Илью несколько раз арестовывали, заключали то в тюрьму, то под домашний арест, то брали штурмом его дачу в Переделкино, то вдруг в ночи увозили в Бутырку, и длилась вся эта свистопляска больше года. Илья потратил на отражение атаки уже на порядок больше, но оказался весьма разочарован моральным обликом последнего поколения правоохранителей и правоприменителей, которые перекупались мгновенно и без рефлексий или вообще забивали на достигнутые благородными донами договоренности. И в один прекрасный весенний вечер, когда дежурный судья Тверского суда внезапно переменил свое решение, принятое накануне, и отпустил Илью из очередной тюрьмы под подписку о невыезде, Илья не стал ждать изрядно поднадоевшего сиквела и приквела и исчез. Живет себе в Швейцарии, и когда ему становится грустно — что случается редко — Илья тихонько напевает прославленную песню про фронтовую теплушку, отчисления с исполнения которой никто и никогда не сможет отнять у нашего Илюши. Спасибо, как говорится, деду за победу.

Маленькая железная дверь

Жил-был крупный чиновник федерального значения — и сейчас живет. Хорошо знаю его биографию, фамилию и всякие источники доходов, а вот как зовут — не помню, но гуглить лень, да и мелочно как-то. Какая, в

конце концов, разница, как его зовут, раз он знаменит не именем и поступками, а должностью и размерами откатов. Поэтому давайте будем считать, что зовут его Ящечкин.

Тот Ящечкин, надо сказать, не родился крупным чиновником федерального значения, а дошел до жизни такой, будучи скромным, но разворотливым офицером советской армии и военно-морского флота по части тылового обеспечения. В этом качестве он поднял первые свои относительно серьезные деньги, соучаствуя в разоружении путем распродажи имущества военной части. Особенно удались Ящечкину сделки по продаже вечно недооцененной подмосковной земли, по недоразумению ранее занятой радиолокационными полями.

Интендант Ящечкин не признавал популярную теорию “большого хапка” (которая гласит, что счастье есть мгновенное и внезапное обретение больших денег). Он предпочитал благосостояние в стиле *step by step*, хорошо известному по анекдоту:

- Откуда у вас “бентли”?
- Был “мерседес”, я его продал, немного добавил и купил “бентли”.
- А “мерседес” откуда?
- Была “волга”, я ее продал, немного добавил и купил “мерседес”.
- А “волга” откуда?
- Были “жигули”...
- А “жигули”?
- Так за велосипед я уже отсидел!

В общем, Ящечкин покупал должность за должностью, немного добавляя из прибыли. Точно так же поступал он и с недвижимостью: продавал квартирку, покупал побольше. Продавал — и переезжал в домик. Потом в дом. Потом во дворец, и т. д. В общем, действовал поступательно.

...Смена кадра, картина маслом. Позднее воскресное утро, семья новоселов пьет чай в кухне, месяц назад освобожденной от скарба семейства Ящечкиных, переехавших в свой первый дом. Сделка купли-продажи счастливо завершена, акт приема-передачи квартиры подписан к полному удовлетворению всех сторон. Вдруг к свежепроданной квартире подъезжает бригада неизвестных бравых людей в черном, которые споро, слаженно и четко внезапно снимают с петель отличную входную дверь сейфового типа и собираются увезти ее в неизвестном направлении. Приобретатели квартиры приходят в напряжение и недоумение. Люди в черном объясняют, не прерывая работы, крайне вежливо: “Это из гуманистических соображений. Для вашего же блага. У вас с этой дверью были бы проблемы, мы ее сейчас увезем и вставим точно такую же, только

лучше, за наш счет. Это из гуманистических соображений”. И действительно, увозят старую дверь и привозят точно такую же, только лучше, вставляют ее быстро и вежливо, раскланиваются, расшаркиваются и уезжают.

Что это было? Новоселы так и не узнали.

Рассказываю. Дело в том, что Ящечкин, будучи человеком крайне осторожным, никогда не знал, куда девать деньги. Счета в России — опасно. Счета там — еще опасней. Активы, недвижимость, акции? Ящечкин не сразу освоил эту мудрую науку. А потому свои первые взятки он буквально вкладывал в дверь. Наличными. В двери было спрятано чуть больше 400 тысяч долларов — ровно те деньги, за которые была продана квартира, к коей прилагалась дверь с фаршем. Ящечкин забыл про деньги и про дверь — быстро обучился пилить изощренней, правильней и безопасней. Вспомнил про дверь только через месяц после продажи квартирки с фаршированной дверью. А мог бы и не вспомнить. Ой, как неудобно получилось бы.

Ручечник

В посольстве любой страны есть такой день, когда непременно надо

устраивать Большой Прием. День независимости, взятие Бастилии, день рождения королевы, Йом-Кипур, Иван Купала. Ну да не так важно в нашей истории, в честь чего Большой Прием, — а важно, что в посольствах во время такого Дня пропадали из гардероба вещи. Не то чтобы совсем пропадали, было дипломатичней, что ли. Приходит, например, на Большой Прием министр транспорта, сдает в гардероб пальто на меху, а назад по номерку получает дерматиновую курточку. Или приходит бизнесмен мирового масштаба, сдает ноутбук, а назад получает папочку с рекламными проспектами. Видеокамеры, конечно, везде есть, но работают они, прямо скажем, не точно. Да и местную — московскую — полицию привлекать интеллигентные люди почему-то не очень хотели.

Длилось это безобразие лет десять совершенно безнаказанно. На такие приемы как минимум человек 700–800 ходят — поди найди. Но в какой-то момент камеры посольства одной северной скандинавской страны зафиксировали действия очень неподозрительного гражданина. Прямо-таки Ручечник из фильма про место встречи, которое изменить нельзя. С поличным его не взяли, но бдительное посольство северной скандинавской страны разослало всем своим коллегам фото предполагаемого вора. Седой такой мужчина, полноватый, в хорошем костюме и в очках с золотой оправой. Встретишь такого в посольстве — и визитку ему отдашь, и телефон, и пообещаешь с визой помочь. В общем, мужчина министерского вида протягивает гардеробщице номерок (а на таких больших приемах в гардеробщицы мобилизуют весь младший наличный состав посольства) и говорит ей, когда она приносит ему дерматиновую курточку: “Нет-нет, любезная, вы ошиблись, голубушка. Это не мое, мое вон то, полеее, с бобровым воротником”. А выглядит он именно что на бобровый воротник. Никто и не засомневался ни разу.

В общем, наступил день Большого Приема и в посольстве крупной европейской державы. На прием явился перец, фото которого, как подозрительную личность, разослало коллегам бдительное посольство далекой северной скандинавской страны. Личность была в очках в золотой оправе, приглашение забыла дома, но она, личность, сообщила, что трудится в известной газете либеральной направленности.

Дальше все строго по фильму с Высоцким. Служба безопасности посольства была начеку и вызвала младшего консула — с целью познакомиться и расколоть перца. Младший консул ринулся в бой и пошел знакомиться с господином в золотых очках. Остальные сотрудники посольства уже были в курсе ситуации и заняли наблюдательные позиции, при случае переходящие в наступательные или оборонительные.

Ах, господин из известной газеты, а визитки позабыл, как жаль — младший консул протянул свою визитку и поинтересовался последними публикациями господина. В это время сотрудники службы безопасности посольства сделали вокруг Ручечника и младшего консула первый демонстративный круг. Ах, нет визитки? Не беда, напишите номер, я хорошо знаю вашего главреда, сейчас как раз собрался ему звонить, что-то он задерживается. На этом месте спецслужбисты, у которых только на лбу не были отпечатаны их звания, сделали второй акулий круг вокруг потенциальной жертвы правосудия. “Так как, вы говорите, назывался ваш последний материал на тему дружбы между нашими народами?” — не унимался безжалостный младший консул, пока спецслужба делала третий круг с максимальным приближением к жертве. Жертва сильно занервничала, извинилась, вышла в туалет и пропала.

Спецслужба заулыбалась и растаяла вдали.

Неопытный младший консул негодовал. Как? И это — все? Младший консул был готов к спецоперации, акции, погоне, захвату. К риску и потерям. А серийный вор просто ушел. “Почему вы его не схватили?!” — заломил руки младший консул, вызвав начальника службы безопасности на пленэр. Мудрый спеслужбист ответил: “Ты что? Ты хочешь, чтобы он сел в русскую тюрьму? У тебя нет сердца.”

Кстати, с того дня кражи в посольствах иностранных держав в Москве полностью прекратились. Ибо перевоспитать понятливого человека можно и без тюрьмы.

Смотрящий Денис

Молодой и очень разворотливый чиновник Денис служил в Росимуществе. Решал проблемы, разруливал вопросы, имел перспективы. Был он дерзок и смышлен, начальству уважение оказывал согласно табели о рангах, фонтанировал инвестиционными идеями и о себе ни разу не забывал.

В общем, завистников и конкурентов было у него немало. А насчет личной скромности и воздержания дело обстояло так, что самая поверхностная и дружественная инвентаризация выявила бы усушку и утруску.

В общем, как-то раз Дениса крупно подставили коллеги. Конечно, Денис не был ангелом, у него не было крыльев, но он был хитер — а вот в ловушку все-таки попал на ровном месте. Но вместо того, чтобы поумерить прыть, поделиться с товарищами нетрудовыми доходами, получить выговор — может быть, даже с занесением в трудовую книжку, — вместо всего это известного и полезного воспитательного набора Денис стал качать права и кричать про справедливость и всякую презумпцию. Пришлось товарищам отдать его на поруки прокуратуре и следствию. Там тоже не очень хотели связываться с чуть оступившимся представителем такого уважаемого ведомства, но Денис продолжил гнуть неконструктивную линию и накатал пару сотен жалоб на прокуратуру и доблестное следствие. В общем, те тоже не выдержали и сделали Денису красиво: в обвинении говорилось, что некая старушка божий одуванчик, проживая на четной стороне Ленинского проспекта в г. Москве на 6-м этаже, своими глазами видела, как в кабинет Дениса, находящийся на нечетной стороне Ленинского проспекта на 8-м этаже, некие неустановленные личности принесли чемодан денег в количестве 2,5 миллиона евро.

И вкатили Денису восемь лет.

Может быть, Денис и расстроился — история об этом умалчивает, а мы с мужем познакомились с Денисом в Бутырке через месяц после его ареста, когда он был бодр, светел и полон идей самого возвышенного свойства. Видимо, за тот отчетный период, что мы не были знакомы, Денис сообразил, что с карьерой чиновника и с госслужбой что-то пошло не так и надо менять сферу деятельности. К тому же в силу характера Денис быстро рассорился со всевозможным тюремным начальством и рядовым составом, и в деле у него появилась “красная полоса” — особо опасен и склонен к побегу. Сие означало, что срок ему придется мотать до “звонка”, то есть все восемь лет. И Денис принял волевое командирское решение: сделать блатную карьеру. Стать вором в законе, короноваться — чего зря восемь лет

тянуть.

Быть такого не может, скажете вы, и будете совершенно правы. Но чего только в жизни не бывает: моего знакомого предпринимателя ограбили как-то трое оборотов, клавших плитку в сортире его офиса — просто вынули из стены три сейфа, погрузили на три авто, благо дело было в автоцентре, да и уехали. Двоих тут же поймали жрицы любви на ближайшем шоссе — они врезались в автомобили подъезжавших клиентов. Сдали в полицию, а потом пользовались всеми прелестями дружбы с успешным предпринимателем и его безмерной благодарностью, да так, что он развелся. Третьего же долго не могли найти, а когда нашли — ахнули: он все похищенные деньги буквально вложил в себя. Сменил пол. Сделал операцию, кушал гормоны, отрастил грудь и назвался Снежаной. Не знаю, что стало с ним дальше — надеюсь, обошлись депортацией на родину, ибо в какую зону сажать такую красавицу, в мужскую или женскую, вопрос дискуссионный.

В общем, всякое в жизни бывает, о чем твердо помнил Денис, когда поставил перед собой высокую планку по добыче воровской короны.

И да — многое получилось, много удалось ему добиться: не забываете, парень-то молодой и очень ушлый, да и при деньгах, которыми он весьма грамотно “грел зону”, не допуская перегибов на местах. Денис довольно быстро сделался смотрящим по зоне, но застрял в этом весьма высоком статусе на несколько лет и, как ни старался, короновать его никто даже и не думал.

Путем хитрых комбинаций, интриг, подкупа, повышенных взносов и соблазнений малых сих Денис в итоге все-таки добился, чтобы его вопрос был рассмотрен на заочной воровской сходке — по скайпу, как это сейчас везде и делается. Да, не блюдет нынче никто воровские традиции — этим и воспользовался возмужавший, прошедший хорошую жизненную школу Денис.

— Дэн, — прокашлявшись, обратились к Денису участники высокого собрания, — как ты можешь ставить вопрос о вхождении в Семью, когда ты работал, да еще и на госслужбе?

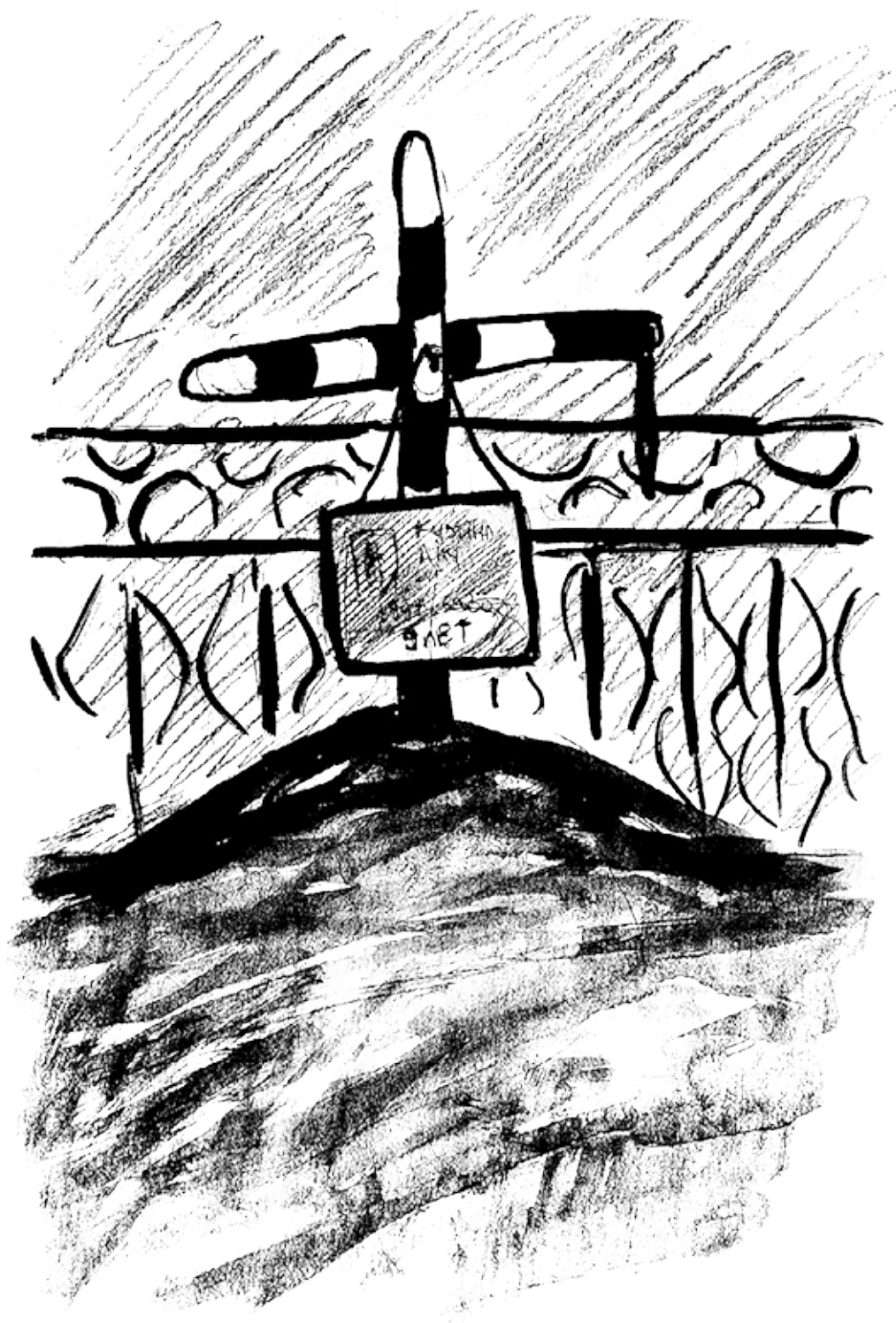
Любой бы смутился от такого вопроса — не в бровь, а в глаз. Но только не Денис. Денис ответил просто и честно:

— Так я ж и там воровал.

Надо сказать, что высокое собрание в итоге поступило точно так же, как поступили бы бывшие коллеги Дениса: пару раз успешно получив с Дениса “на насущное”, вопрос подвесили, замотали, перенесли рассмотрение, да и тихо слили под сукно. А Денис освободился, пошел

работать в средний коммерческий банк, который вскоре был поглощен банком государственным. Так что Денис опять сейчас на службе. Доволен.

Капитан Рыжов

Сережа Рыжов все понимал. ангелом он не был, постовую работу с жезлом на пыльной трассе не любил, а здесь, в МРЭО, ему было хорошо. Погоны капитанские, с хорошей перспективой на майора, начальство тщательно следит за новинками борьбы с коррупцией и веяниями Москвы в области укрепления рядов ГИБДД. Все потихоньку сделалось прилично — не так, как когда Сережа только начинал службу и ему приходилось вместе со всеми скидываться на подарки, к примеру, новому областному руководству, это ж беспредел был совсем. Однажды до скандала дело дошло: скинулись, купили вновь назначенному отцу родному спорткар мерседесовский, а он в него не влез по причине корпулентности фигуры. Конфуз вышел, пришлось по второму кругу скидываться и другой покупать, но эта сволочь и спорткар назад не отдала. Но это еще когда было, Сережа еще летехой был. Сейчас так не делают, сейчас борьба с коррупцией. Тогда, правда, вновь назначенный отец родной даже посадил участкового, который про все эти “мерседесы” в ЖЖ написал, но сам приутих, участковых не насаждаешься, кто-то и работать должен.

Сейчас, конечно, тоже по-всякому бывает. Вот с утра начальство позвонило — зайди. Значит, нетелефонный разговор с капитаном Рыжовым у начальника МРЭО подполковника Данилова.

У подполковника Данилова в кабинете сидела дама — из таких, каких подполковник исключительно уважал. Эдакая хорошо сохранившаяся ягодка опять в деловом костюме начальницы культурных ценностей или общественной приемной того, кто там не бывает. Глаз у дамы бедово горел, а ее округлые коленки произвели впечатление и на капитана, хотя этой возрастной категорией он пока не увлекался. Дама ослепительно улыбалась.

— А вот, Людмила Георгиевна, наш старший инспектор Рыжов. Сережа, надо войти в положение Людмилы Георгиевны, она тебе данные продиктует, а ты сделаешь.

Все понятно Сереже и с Людмилой Георгиевной, и с подполковником Даниловым. Права надо сделать без экзаменов. Между прочим, чистая уголовка — часть 1-я статьи 285 УК РФ, злоупотребление должностными полномочиями. Если что, Сережу просто уволят, а подполковнику условно дадут. Но это именно что “если что” — так-то Сережу подполковник прикроет, а у него своя крыша есть.

— Товарищ старший инспектор, — растеклась в патоке Людмила Георгиевна, — тут дело исключительное, я бы ни за что, но надо одному очень серьезному и занятому человеку сюрпризно помочь. Он за правами

сам придет, все сам сделает, и машину он умеет водить, но вот с экзаменами... не будет сам ходить. А у него такая дата... Сделайте, Сережа, как будто он экзамен позавчера сдавал... Диктую: Семенов Анатолий Васильевич, дата рождения 18 февраля 1978 года...

— Какая ж у него дата? — сообразил старший инспектор Рыжов, сейчас же 28 мая.

— Это интимная дата одного очень важного события в его жизни...

Ну ладно, спорить-то не будешь.

Сережа знает, как это все выглядело бы в уголовном деле: “По версии следствия 28 мая текущего года начальник МРЭО незаконно приказал подчиненному ему старшему инспектору 7 отделения МРЭО поставить жителю области, не сдавшему квалификационный экзамен на получение права на управление транспортным средством, поставить отметки в экзаменационном листе о сдаче экзаменов по теории и практике вождения транспортным средством и выдать ему водительское удостоверение без фактической сдачи экзаменов, что старшим инспектором 7 отделения МРЭО и было незаконно исполнено. В настоящее время по уголовному делу выполняются необходимые следственные действия, направленные на выяснение всех обстоятельств совершенного преступления”. Однако отвечать будет начальник МРЭО, да и не впервой, честно говоря.

И Сережа вышел исполнять, даже не покосившись на большой сувенирный пакет у кресла начальника, в очертаниях которого ясно угадывались коробки с хорошим вискарем. Как дополнение, конечно — маленький сувенир нашим доблестным правоохранителям.

Все Сережа сделал, что надо. А мужик этот за правами так и не пришел.

Но через неделю снова звонит Сереже подполковник Данилов и говорит загробным голосом:

— Старший инспектор Рыжов, зайдите срочно.

Подполковник Данилов выглядел нездоровым, бледным и сильно озабоченным. Молча протянул Сереже бумагу.

“Следственное управление Следственного комитета... Начальнику МРЭО... Запрос о предоставлении документов о сдаче квалификационного экзамена на получение права на управление транспортным средством, данных о проставлении отметки в экзаменационном листе о сдаче экзаменов по теории и практике вождения транспортным средством гражданина Семенова Анатолия Васильевича, дата рождения 18 февраля 1978 года, в рамках расследования уголовного дела №... Старший следователь Петров”.

— А что за дело, товарищ подполковник?

— Ты совсем дурак, Сережа? Я что, спрашивать буду? Чтобы все узнали, что я интересуюсь? А с какой целью интересуюсь? Иди, отвечай, документы собирай. Как приходил Семенов, как сдавал Семенов. Хорошо хоть сдал-то?

— Хорошо, товарищ подполковник.

— Ну иди, работай.

Потом вырвал листок из своего блокнота, черкнул на нем: “Записи с камеры уничтожь”. Убедился, что Сережа прочитал и кивнул, потом мелко порвал и положил в карман.

Сереже было нехорошо. Он отксерил экзаменационные карточки Семенова, написал рапорт на имя начальника МРЭО про сдачу экзаменов Семеновым, дождался окончания рабочего дня и стер записи видеокамеры в экзаменационном кабинете — на всякий случай за неделю вокруг 26 мая, когда тот Семенов якобы сдавал экзамены. Потом подумал и написал рапорт про то, что камера сломалась.

Неделю он провел беспокойно. Однажды на входе в родимое МРЭО тетка из канцелярии буднично сказала ему:

— Рыжов, тебе повестка в СК!

Сережа ее ждал.

Явился в положенное время в Следственное управление, к следователю — оказался важняком, неприметный такой, Сережин ровесник. Протокол, то-сё, Сережа все это знает, хотя сам никогда еще вот так не допрашивался.

— Сдавал Семенов экзамены?

— Сдавал.

— Какого числа сдавал?

— Согласно документам, 26 мая сдавал.

— Хорошо помнит Семенова Рыжов?

— Плохо помнит Семенова Рыжов, их много ходят и сдают.

— Сколько времени Семенов в МРЭО провел?

— Весь день провел, как положено, с 10 до 18:00.

— Экзаменационная карточка есть?

— Экзаменационная карточка есть.

— Права приходил получать?

— Нет. Причина неизвестна.

Ну и все. Вышел Сережа на крыльцо следственного управления

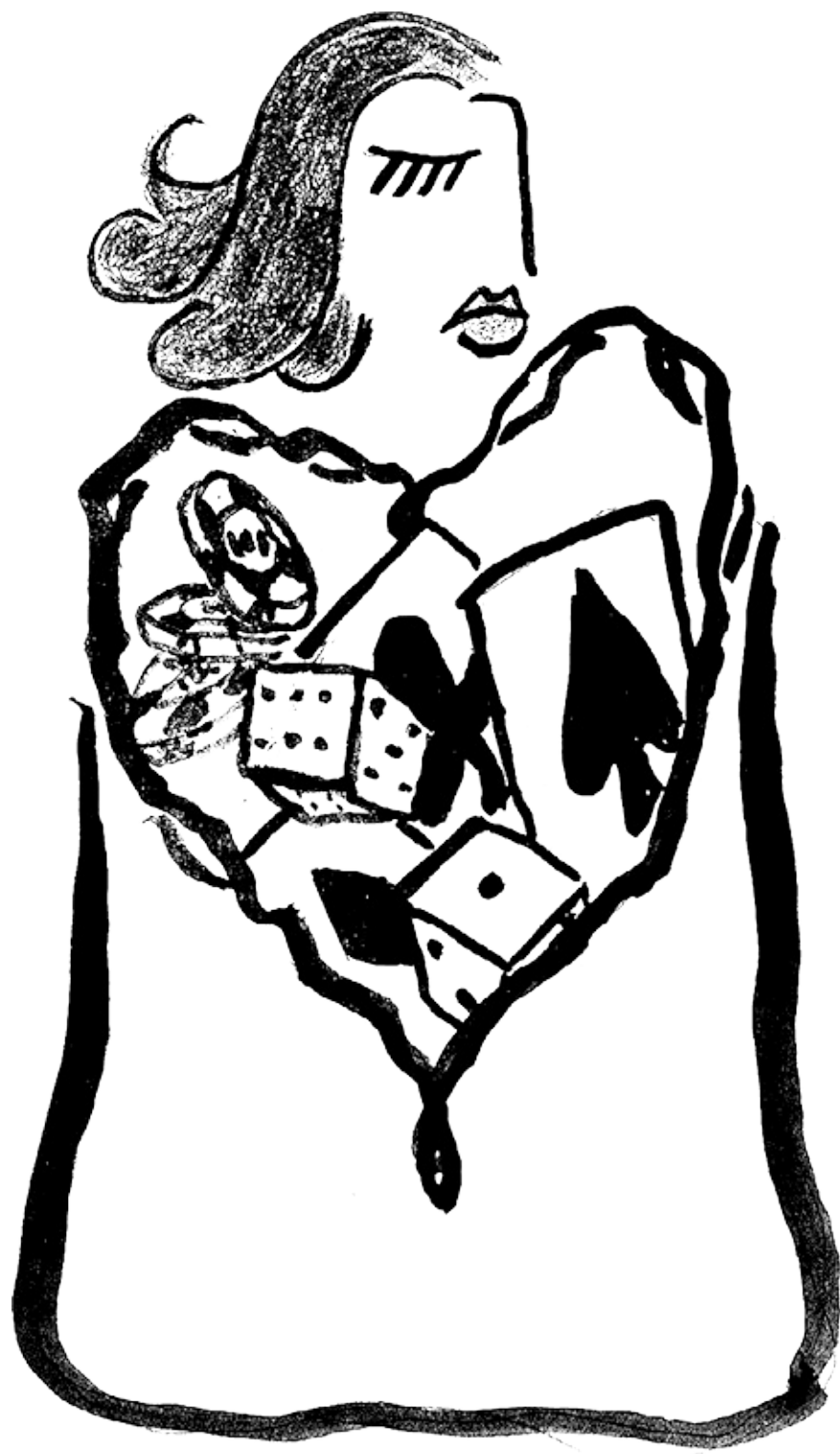
покурить, тут и следователь вышел, тоже закурил.

— А чего натворил-то Семенов этот?

— Да он у нас подозреваемый педофил, в тюрьжке сейчас. Адвокат у него сильный, Князева такая, Людмила Георгиевна, всю печень нам склевала. Отпускать сейчас будем, алиби ты ему подтвердил. А у нас висяк, стало быть. Детский труп, девочка, девять лет. Ну, будем искать.

Уволился Сережа после этого случая. Думал даже переехать, у самого двое детей, старшей как раз девять будет. Потом решил найти этого Семенова и отбуцкать как следует. Но тогда сам спалится, нет. Работает сейчас помощником адвоката по делам с ДТП. В его адвокатской коллегии Людмилу Георгиевну Князеву все знают и боятся.

Петруха и медсестра

Однажды Петруха-Семь-Ходок-Три-Побега спас девушку. Девушке казалось, что в спасении она не нуждается, поэтому Петрухе пришлось спасти ее принудительно.

Дело было так.

Обратилась к Петрухе одна знакомая (с ее бывшим парнем Петруха вместе чалился две ходки назад), подруга которой внезапно стала заочницей. Заочница — это девушка, которая на просторах интернета вдруг находит родную душу, обладатель которой пребывает в местах заключения, и по переписке из искры возгорается пламя. Заочная переписка — явление довольно распространенное, воспетое Василием Макаровичем Шукшиным в “Калине красной”, и осуждению огульно не подлежит. Встречаются в таких историях и возникающие чувства, но по большей части проистекают они от нечего делать с одной стороны и от нерастраченной женской нежности — с другой. Базара нет — бывают и счастливые истории заочных отношений, перерастающие в крепкие браки, и их немало; но чаще это разводка на деньги и продуктовые передачи с давлением на жалость и как бы любовь.

Но помнить и знать нужно: в зоне жанр любовной переписки отработан десятилетиями, лучшие образцы эпистол переходят из зоны в зону, из поколение в поколение, и устоять, конечно, перед ними невозможно. И не говорите “гоп”, пока в двадцать пять или в пятьдесят не встретите своего единственного, так тонко и точно понимающего мятущуюся женскую душу.

Мила влюбилась в Аркадия не сразу. Прошло, может быть, недели две. Аркадий не был напорист, писал все больше об окружающей его скудной природе, рассуждал немного о боге, но в основном заботился о котенке Штирлице. Фото котенка на руках у Аркадия появилось у Милы довольно скоро. Маленького серого котика крепко держал в руках персонаж, который изначально показался Миле каким-то невнятным. Кажется, котенок вырывался. Но Мила не стала обращать внимание на поведение несчастного котенка, которому срочно были необходимы лекарства, ошейник от блох и кошачьи консервы — все это такая ерунда, что Мила не дрогнувшей рукой перечислила необходимые для покупки насущного для котенка деньги на указанный скромно в переписке счет. Тем более что Мила сама настояла на помощи котенку. Аркадий вовсе не просил у нее денег, просто честно рассказал, как плохо котенку в зоне и что было бы ему хорошо для облегчения участи.

Ну и слово за слово.

Потом Аркадий прислал еще одну свою фотографию — уже без котенка. С книгой Эриха Марии Ремарка “Жизнь займы”. Мила тоже очень любила эту книгу, но Аркадию прислала свое фото с другой — “Три товарища”. Они словно поняли друг друга без слов.

Мила впервые послала свою фотографию Аркадию. Она никому и никогда не высылала свои фото. Мила знала, что она некрасивая. Большая, толстая, старомодная, не очень интеллектуальная — медсестра в областной больнице. Но многие говорили, что у Милы красивые волосы — темно-рыжие, что в книжках назывались каштановыми, но на самом деле именно темно-рыжие, потому что рыжими были у Милы еще ресницы, брови, веснушки, руки и глаза. Хотелось бы зеленые, но рыжие.

Аркадий написал: “Какие у тебя красивые волосы. Темно-рыжие, как я люблю. А еще веселые глаза, рыжие брови, ресницы, конопушки и еще руки. Как я люблю. Ты красивая”.

“Нет”, написала Мила честно. “Я очень большая”, и прислала свою фотографию в полный рост. В любимом сарафане, полупрозрачном, но с нижней юбкой и в лифе. Она стеснялась его носить, но сфоткала в нем себя сама, сильно снизу, и пригодилось. “Красивой женщины много не бывает”, ответил Аркадий. Ну и понеслось.

Она рассказала Аркадию о себе все. Как тяжело ей живется на белом свете, какие козлы окружают ее на работе, какие неблагодарные и злые одноклассники, про замученную и недобрую маму рассказала — она хорошая, но недоверчива к мужчинам и много работает в районной библиотеке, а там все старые и странные и одни тетки в чалмах и беретках. Про собачку Тяпу рассказала и прислала ее смешную фотку, и даже про свою мечту — скопить денег на операцию в Израиле, у нее уже почти получилось, она уже списалась с госпиталем Тель ха-Шомер по замене участков тромбированных артерий. И почки еще, но ей хватает на лечение, она летом уже едет туда, вернется новенькой и совсем здоровой, она копила всю сознательную жизнь. И вот еще фотография со смешным Тяпой.

И тут вдруг Аркадий замолчал. Его не было неделю. Мила сходила с ума. Мила вспомнила про одноклассницу — ее парень, кажется, сидел в той зоне, а может, рядом где. Мила списалась с одноклассницей, купила торт и бутылку мускатного и направилась на разговор.

Одноклассница сказала, что зеки народ ненадежный, обосрала бывшего парня, потом выпила и подобрела. Подумав и посмотрев внимательно на Милу, сказала, что чудеса бывают. И позвонила Петрухе. Петрухе-Семь-Ходок-Три-Побега.

Петруха задал много разных вопросов. По каким статьям Аркадий сидит? Почему в строгой зоне за растрату, которой, как говорил Аркадий, и не было вовсе? Какой суд присудил Аркадию за растрату девять лет? Сколько ему до звонка? Полгода до звонка? Очень интересно. Держи в курсе, Мила. Чмоке.

Не понравился Миле Петруха — человек он злой и циничный, сразу видно, что крепко битый жизнью, и любви, наверное, не встречал такой, как у Аркадия с Милой, вот и не доверяет никому.

Но телефонный номерок Петрухи записала. Мало ли — за советом и такому можно позвонить.

И тут вдруг приходит этой ночью Миле тревожное письмо от Аркадия. “Любимая моя Мила, мы с тобой можем и не встретиться никогда. Мысль об этом разрывает мне сердце. Администрация раскручивает меня на новый срок, я буду сидеть дальше, хоть и думал, что увидимся мы с тобой через полгода и заживем по-людски, а может, Бог и ребеночка нам с тобой пошлет. Но не суждено, видно, этим мечтам сбыться, отправляют меня на крытую тюрьму. Если сможешь — помоги мне, Мила, Милочка ты моя родная. Ради деток наших будущих помощи. Переведи 20 тысяч долларов на счет номер 987654321, выкупи ты меня у людоедов этих, а уж я тебе отпашу, отработаю, век воли не видать, только бы быть с тобой рядом, всей жизни моей любовь ненаглядная. Вечно твой Аркаша”.

Еле дождалась утра Мила, чтобы побежать в Сбербанк и перевести на этот чертов счет номер 987654321 эти несчастные 20 тысяч долларов в рублевом эквиваленте, что всю жизнь копила Мила себе на операцию в израильском госпитале Тель ха-Шомер. И побежала бы Мила к девяти утра, если бы этот Петруха не позвонил бы сам, чертов кот.

— А что, — спросил он Милу, услышал ее взволнованный рассказ, — ему сколько до конца срока-то оставалось, Аркадию твоему?

— Пять месяцев и 28 дней, — отрапортовала Мила.

— Хм. Открываем Уголовно-исполнительный кодекс, Мила. Читаем, учим. Чего так внезапно-то за полгода до звонка? Нестыковка выходит. И другие нестыковки есть. Что так внезапно? Он говорит не про новое уголовное дело, а он говорит, что уедет на крытую тюрьму. А ведь те, кто уезжает на крытую тюрьму, им просто меняют условия отсидки, а не срок. И есть другие нестыковки. Имеет место разводилово, Мила. Разводит он тебя чисто на баблос.

Мила, конечно, таким словам не поверила. Да и кто такой этот Петруха-Семь-Ходок-Три-Побега? Она его знать не знает, а Аркаша — вот, весь как на ладони, посажен нынче в строгие условия содержания, и нет у

него на свете ни одной родной души, кроме Милы.

Не то чтобы Мила задумалась, нет. Просто выбил ее из сил этот Петрухин звонок. Села, чайку свежего заварила. В конце концов, Сбербанк и в 11 утра будет работать, какая разница, через час или через два Аркашиным супостатам деньги придут.

Еще звонок. Одноклассница та, змея подколотная, позвонила.

— Петруха Аркадия твоего пробил. Он игровой пацан. Не дури, девка. Он реально вперся на деньги и на интерес. Там на зоне перед игрой садишься и говоришь: играем на столько-то денег, отдаю такого-то числа. Если не возвращаешь проигранное в честной игре, то тебя объявляют фуфлыжником и считают хуже пидора — уезжает такой в гарем и там живет. Уважительная причина — смерть. Это святое. Хоть папа римский за тебя вступится — все равно. И кто на это попал, тот всеми правдами и неправдами пытается найти деньги. Есть защита: резко переметнуться на стороны администрации, ей нужны такие чуваки, но это оттягивание решения проблемы, а не ее решение. И это совсем уж мерзкий поступок, за администрацию вписываться. За долг бросаются на запретку под автоматы. И этот твой Аркаша начал тебя, честную девушку, на бабло разводить.

Мила, конечно, ни в какую. Не может такого быть! У него ко мне реальное чувство! Он не может оказаться таким негодяем, чтоб ему только деньги были нужны!

Но в Сбербанк в тот день не пошла. С утра не успела за этими погаными разговорами, а с обеда ей было на смену заступать. Потом дежурство. Потом вырубилась намертво. Зашла в почту — еще письмо. От незнакомого какого-то человека, который пишет ей по просьбе Аркадия, как плохо ему в СУСе, как мучают его там и как деньги ему остро необходимы.

Мила пошла в магазин “Мир книги” и купила Уголовно-исполнительный кодекс. Прочитала про СУС — строгие условия содержания. Прочитала про правила освобождения. Тут опять Петруха позвонил.

— Петруха, ты не путаешь ли чего?

— Я не путаю, я разговаривал с людьми, которые с ним в одном бараке сидят. Игровой он, твой Аркаша.

В общем, поругались они с Петрухой в этот раз вусмерть. Попрощался он с ней таким макаром:

— Ты, Мила, девушка хорошая, хоть и дура. Звони, ежели чего.

А чего Миле звонить. С того первого тревожного письма уже четыре дня прошло, а от Аркадия то личности туманные пишут, то он сам, но как

будто бы под копирку, да и как из СУСа-то он пишет? Невозможно ему из СУСа писать. Да и в СУС ему невозможно, вот же в кодексе написано.

Пока Мила думала и сомневалась, Аркаша перестал писать. Мила нашла в интернете телефон исправительной колонии, где сидел Аркаша, позвонила в дежурную часть. Сообразила сказать: “Сестра звонит Аркадия Григорьевича Прозорова из восьмого отряда, хотела спросить, положены ли ему посылки, или исчерпал он свой лимит?” Ответили странное — лимит исчерпан, пришла посылка третьего дня от другой, наверное, сестры.

Что-то не писал ничего Аркадий про сестру. Напротив — писал, что никого у него нет на белом свете.

Ну ладно, сестра, может, и не считается. Написала Аркадию длинное письмо, сказала честно про Петруху и его сомнения, выразила мысль, что не верит ему, но добавила вопрос про сестру.

Ответа не получила.

Страдала.

Перечитывала письма, писала сама. Стирала. Не посылала.

За две недели до Аркашиного освобождения пришло письмо из израильской клиники Тель ха-Шомер, и пошла Мила, скрепя сердце, оформлять документы на операцию и лечение. Полетела потом в Израиль, легла под наркоз. За полчаса до наркоза не выдержала, позвонила в ИК: “Освободился ли Прозоров Аркадий Григорьевич из восьмого отряда, сестра это его звонит?”

Неделя как освободился, да.

Мила спустя три месяца Петрухе позвонила. Сказала спокойно и сухо: “Извини меня, Петруха, ты был прав. Молодец, правильно мне мозги вправлял. Извини, что я тебя не слушала”.

А Петруха сам в какой-то суете был. Ответил ей:

— Мил, нормально. Ты звони, если чо. Если опять какой петух тебе бигуди будет вкручивать и лоб тебе морщить — прямо сразу телеграфируй.

Да не будет больше никто в Милиной жизни бигуди вкручивать. Никто и никогда не скажет ей таких слов. И таких еще, про которые и рассказывать не станешь. Сволочь ты, Петруха.

Оксана

Покойный Петрович был хозяином на “трешке” под Тамбовом: ИК-3 в поселке Зеленый Рассказовского района Тамбовской области. Это была моя первая в жизни зона, куда моего мужа отправили отбывать после Бутырки. Я тогда ничего не знала про зоны, но про систему многое уже поняла: шел сентябрь 2009-го, Сергей Магнитский уже сидел на Бутырке, до его смерти оставалось два месяца, и я была уверена, что мы все в аду, вокруг кирзовые сапоги и фуражки, под которыми нет зачатков мозга, и все горит, и все

покрыто толстым слоем унылого и уже привычного горящего говна, мы все умрем в страшных мучениях и в информационном вакууме. Я не умела отличать добро от зла в системе: впрочем, это и сейчас не слишком просто делать, да и добра тогда я не видела. Петрович был первым добром, и я не сразу распознала его.

Я не знала, как ехать на первое свидание в зону, что брать, с кем общаться. На форуме зечек, коих водится много в интернетах, я познакомилась с барышней, которая ехала из Москвы на своей машине ровно туда же — замуж выходить. Барышня мне понравилась: очень самостоятельная, красивая, лет 45, хозяйка салона красоты где-то в Золотых ключах на Минке. Конечно, я ее спросила: а чего, нельзя было мужа найти в Золотых ключах? “А вот где мне его искать? В салоне у меня — женатые клиенты под присмотром клиенток, их прислуга, да парикмахеры из геев, где мне мужика взять?” — живописала картину разрушений социальных связей Оксана. В общем, познакомились они по переписке, а он такой обходительный, влюбленный и сильный, слова такие хорошие говорит, и вообще осужденный предприниматель, а их — всем известно — ни за что пачками сажают. К тому же одинокий предприниматель, в чем уже удостоверился Рассказовский ЗАГС Тамбовской области, который намерен зарегистрировать брак в зоне, где у молодых и состоится длительное свидание на трое суток, включая первую брачную ночь. Оксана в зоне уже была, ездила на короткое свидание, дабы лично познакомиться с избранником через стекло, и любовь к заочному жениху овладела ею очно в один момент.

Оксана плотно набила свою “субару” копченостями, оливье и пеньюарами, взяла меня, и мы поехали, обсудив за шесть часов дороги все актуальные женские проблемы современности. Я волновалась — пустят ли меня на свидание? К тому времени у меня уже была устойчивая репутация девушки крайне резкой в суждениях и боевых действиях, и я прокручивала в голове планы окопной войны на местности, а Оксана, человек мирный и компрадорски настроенный, металась мыслями в основном вокруг борща и пирсинга в одном месте, призванного удивить молодожена и смутить проверяющих инспекторов с металлоискателями. То, что случилось в предбаннике зоны, повергло нас с Оксаной в шок: после длительных проверок и очевидных совещаний инспекторов с дежурным, дежурного с замом по оперработе, а того с хозяином, тем самым Петровичем, меня пустили, а Оксану — нет. Причем не пустили ее, что называется, по беспределу: жестко, незаконно и без объяснений.

Меня быстро подняли в зону, а оттуда, как известно, никакого

сообщения с внешним миром нет. Оглядевшись и устроившись, пошла явить себя мудрому руководству, а заодно и поскандалить насчет Оксаны — уж очень это был чистый и незамутненный случай нарушения прав и попрания чувств. Петровича, начальника зоны, пожилого мужчину в стоптанных домашних валенках (теплым сентябрьским денечком) я застала за интересным делом: он сортировал личные карточки вновь прибывших на две кучки. “Вот здесь, — объяснил мне Петрович, показывая на большую стопку — виноватые граждане, самые что ни на есть преступные морды. А вот здесь — указал на стопку поменьше — невиноватые, эти в библиотеку и в клуб работать пойдут”. Петрович производил впечатление малограмотного человека, однако он быстро мне объяснил принцип: берет приговор, читает концовку — вот потерпевшие, вот ущерб, вот иск, вот срок. Все понятно, виноват. А вот другая концовка: потерпевших нет, заявителей нет, ущерба нет, а срок есть, лет восемь. Тоже понятно — не виноват. Скандалить насчет Оксаны стало сложно. Но он и сам все понял. И рассказал мне историю ее жениха.

Не предприниматель он и не экономический. Он — сексуально озабоченный гражданин, и у него это уже третья ходка за изнасилование. В зоне он давно и женится не в первый раз. Знакомится с дурочкой по переписке, заявление заочно подают, она приезжает на три ночи, некоторые быстро соображают, кто он, некоторые дольше. Разводятся, а он к тому времени уже с новой невестой. И все бы ничего, но гражданин этот вичевой. Инфицированный. И тут Петрович встает перед дилеммой: разглашать личные данные про характер судимости и заболевания он не имеет права, а предъявить своему зеку уголовно наказуемое деяние “Заражение другого лица ВИЧ-инфекцией лицом, знавшим о наличии у него этой болезни” и не хочет (показатели испортятся и проверками замучают), и не может — ни одна девица заявления не написала. Вот он и принял решение по беспределу: не пускать, и все. Пусть в прокуратуру идет, он хоть им расскажет, как он тут с этой дилеммой крутится.

И тут я вспомнила, что Оксана ни словом не обмолвилась мне о том, взяла ли она презервативы.

Потом я много встречала в зонах таких диагностированных любителей жениться без презерватива. А вот таких, как покойный уже Петрович, встречала мало. Обычно хозяевам зон было по барабану, кто на ком женится. Никто давно не обращает внимания на ВИЧ или СПИД в неволе. Когда в камеру заходит новенький, он обязан о себе рассказать — обычно тогда и упоминают о вирусе. Если вдруг не расскажет, это выясняется с первым приемом пищи: формально таким полагается дополнительное

питание, но ничего особенного — стакан молока или яйцо. Не разносолы. Ну вот камера или барак узнает, что к ним заехал вичевой. Никакого впечатления это не производит. Сейчас с ВИЧем и воры, и блатные, и козлы опущенные. Болезнь века. Особенно на зоне, где принимающих наркотики граждан уже чуть ли не больше половины.

Вичевые сдают анализы и им дают терапию — впрочем, это только в колониях, в СИЗО с этим туго. Поскольку ВИЧ диагностирован у самых широких слоев тюремного населения, отношение к ВИЧ-инфицированным здесь такое же, как и к неинфицированным: все вкалывают, работают на улице, выходят на зарядку, получают свидания, в том числе длительные, без поблажек и ограничений. Опытные сидельцы с ностальгией вспоминают совсем еще недавние времена, когда вичевых селили на зонах в отдельные бараки, где они успешно качали режим. Чуть что не так — они подходили к сотрудникам с угрозой вскрыться (сильно порезаться) и забрызгать их своей кровью, что отпугивало от них всех. Они получали все, что хотели. Но элементарные знания пришли и к самым отсталым слоям населения, к коим, безусловно, принадлежат и сотрудники ФСИН, и их контингент. И вичевых расселили, как всех.

В зонах и тюрьмах реально боятся туберкулеза. А ВИЧ — ну что ВИЧ. Это ж как радиация. Не видно, не слышно, ни запаха, ни вкуса.

Иваси

Колюня не был алкоголиком, даже пьяницей особо не был — так, просто иногда сильно пьющий мужчина-сорокеточка. Бывший романтик работал в большом банке, который принадлежал его лучшему другу-однокласснику, и Колюня до сих пор считал его другом, хотя тот поводов к тому давно не давал. Давно и беспощадно женатый на женщине сварливой и некрасивой, Колюня иногда вырывался на волю. Когда он был моложе, когда его очень средняя зарплата в банке хоть как-то котиновалась, он вырывался навстречу очередной голубоглазой мечте своей юности, из объятий которой через положенное время его вырывала равнодушная, но строгая жена. А когда Колюня основательно поистрепался, девушки

отошли на второй план и даже уже и вовсе норовили покинуть его мысли, зато Колюня полюбил выпить водочки и выйти в ночную Москву в распахнутой куртке и воображать себя Есениным. Впрочем, Есенин был в последней стадии его одинокого кутежа, начинал он всегда с Николая Рубцова.

Той ноябрьской ночью Колюня как раз был в переходной стадии от Рубцова к Есенину, когда у него закончилась водка. Колюня не был легкомысленным, он свою дозу знал и практически ее уже принял, но не хватило буквально пустяка, грамм еще двести, ну двести пятьдесят. И Колюня вышел на родной Щелчок. Для человека нездешнего Щелковское шоссе было бы местом в этом смысле бесперспективным, но Колюня знал места, где он мог бы встретить понимающего его продавца запретного ночного спиртного, они еще водились в этих краях, несмотря на все старания Сергея Семеновича Собянина, велодорожку ему в печень.

Колюня плохо помнил, где он чуть не погиб. Нашли его у автовокзала, истекающего кровью. Добрые таджикские гастарбайтеры позвонили в скорую, и очнулся Колюня уже в больнице. В голове вертелся какой-то помоечный калейдоскоп, мелькали рожи нетрезвых и агрессивных гопников, которые придирались к Ла-Маншу. Почему к Ла-Маншу? Ах, ну да. Колюня декламировал им “За знамя вольности и светлого труда готов идти хоть до Ла-Манша”. Вот за эту готовность они его и отбучкали, обзывая либерастом и обамовским выкормышем. А живот чего так болит и тянет? Колюня осторожно пощупал себя, наткнулся на тугие повязки и вспомнил нож. Их было несколько, они толкали его, ватного, от одного к другому, как мешок с тряпками, а у одного был в руках нож, который он зажимал в кулаке, чуток, сантиметра на два или на три оставив лезвие. Так, что резать Колюню насмерть он не мог, но в восьми местах порезал довольно глубоко, едва не задев, как потом выяснилось, драгоценную увеличенную печень. Потом им все это наскучило, они посчитали Колюню достаточно наказанным, забрали у него кошелек, паспорт, старые часы (зато любимый “Лонжин”, сейчас такие Колюня уже не купит) и зачем-то ремень — крокодиловый, но почти истершийся.

“Спасибо, что живой”, — подумал Колюня, обругал себя за штамп, но тут же простил. Вскоре настроение его сменилось на героическое, и, когда пришла кудахтающая жена с куриным бульоном, Колюня уже мужественно напевал сквозь зубы: “И как-то в оссссень, и как-то в осссень... Иду с дружкой, гляжу — стоят, они стояли молча в ряд, они стояли молча в ряд из было воссссесь!”

Потом пришла полиция. Колюня полицию уважал, однако удивился —

он вроде ее не вызывал. Лейтенант сказал, что больница при таких ранениях отбивает обязательную телефонограмму в отдел — в связи с очевидным криминальным характером Колюниных ранений. Сейчас будет розыск злодеев, Колюне надлежало являться для опознания, если поймут кого подходящего.

Колюня был удовлетворен. Рассказал лейтенанту честно все, что помнил. Зачем-то утаил про Ла-Манш — как-то Колюне показалось, что это глубоко личное, интимное переживание он унесет с собой в могилу. А может быть, когда-нибудь на корабле и в угаре он расскажет об этом одной женщине, а ей не нужна будет его маета, и сам он ей ни капельки не нужен, но она б его при этом любила б всю жизнь и тайком ходила плакать на его могилу под красивым одиноким камнем, заросшим нездешним кельтским мхом, вот так вот будет хорошо, пожалуй.

Через пару дней к Колюне в больницу пришли сослуживцы с букетом и апельсинами (и маленькой бутылочкой “Кизлярки”, которая могла бы быть и побольше), и Колюнино приключение выглядело теперь окончательно героическим. Кроме гопников, в нем теперь присутствовала одна девушка, которая слишком известна, чтобы называть ее имя, она замужем и работает отважным корреспондентом на иностранном телевидении, это не его тайна, и жене его незачем знать, так что Колюня категорически отказывается распространяться об их порочной и роковой страсти, просто когда хулиганы, вооруженные ножами, бейсбольными битами и кастетами напали на нее по политическим и идейным соображениям, Колюня разметал их, но их было восемь, так что и ему немного досталось от бандитских ножичков, но уж и попомнят они его и идеалы демократии на всю оставшуюся жизнь. А от Ордена Почетного легиона Колюня подумывает отказаться, это все же нескромно и вызовет много ненужных вопросов. А время сейчас сами знаете какое. Может быть, потом, если Колюня доживет. Что вряд ли. Ранения, знаете ли. Наверное, ему придется приобрести трость.

Шло время, Колюнины раны затянулись, он вышел на работу, похромал с тростью, купленной за хорошие деньги Колюне владельцем банка в знак их старой нержавеющей дружбы, а также из уважения иностранной телекомпании, на защиту которой встал Колюня (во что он уже и сам поверил безоговорочно), покуда он не оставил ее на кассе в магазине “Ашан” на воскресной закупке, и пропала хорошая вещь, жалко, конечно, но вот такие люди у нас, быдло и есть быдло. И вдруг Колюню послали в командировку. В Индию, на две недели.

Давно Колюню не посылали в ответственные командировки, и Колюня

отнесся к мероприятию со всей серьезностью. Вот он, карьерный шанс. Правильно говорят, что после сорока жизнь только начинается. Видимо, это не только у баб происходит.

Старый банковский кадровик, подполковник ФСБ в отставке, с которым Колюня пару раз душевно надирался безо всякого повода, подошел к Колюне в столовой и аккуратно спросил его про уголовное дело. Колюня сначала не понял. Он совсем забыл про него. Ну да, там же дело открытое про нападение на Колюню, он потерпевший. А можно ему в таком статусе покидать страну на две недели? Наверняка можно, но для порядка неплохо было бы к ментам сходить, отметить, доложить и как-то это дело отрегулировать.

Колюня намек понял.

Колюня приобрел две бутылки виски “Блэк Лейбл” и отправился к лейтенанту.

Лейтенант встретил Колюню радушно, без кокетства принял дары шотландской земли и объяснил ситуацию:

— Смотри, Николай. Если мы кого поймаем по подозрению в совершении преступления в виде нанесения тебе телесных повреждений, грабежа и разбоя, а то и покушения на убийство в составе организованной группы по предварительному сговору, что есть “особо тяж.”, то уезжать никуда ты не будешь, а будешь принимать участие в следственных действиях, а потом сидеть терпилой в суде, что есть твой гражданский долг. Тебе это не надо. Мне ты в терпилах тоже не нужен, ибо всяк всяком твое дело. Но закрыть его я не могу. Телефонграмма из больницы зарегистрирована. Значит, есть дело. Нельзя его просто так взять и закрыть. Хотя нам с тобой обоим и хочется. Давай обдумаем варианты.

Думать стали вечером, по окончании рабочего дня, когда никто думать уже не мешал, а Колюня вернулся к душевному лейтенанту уже по-свойски, с беленькой, бородинским, упаковкой пластиковых стаканов и большой банкой прекрасной сельди иваси, в этом Колюня знал толк. Здоровенную жестяную шайбу с селедкой, дар дальневосточного филиала банка, Колюня приберегал на Новый год, но чего уж там, дело есть дело. Консервного ножа в лейтенантском хозяйстве не нашлось, но кому нужны эти дамские штучки, когда серьезные парни собираются взять мозговым штурмом очередную жизненную вершину. Колюня порезал бородинский, вытер ладный и удобный хозяйственный нож и вонзил лезвие в край жестяной банки. Лезвие вошло хорошо, из разреза показался рассол, в кабинете лейтенанта пахло призывно и томяще. Колюня вогнал нож еще раз и потом еще. Лейтенант наблюдал за движениями Колюни с возрастающим

вниманием.

— Нашел. Нашел! Сейчас закроем дело.

Колюню озарило секундой позже. Он вскрыл банку так, как будто участвовал в чемпионате мира по вскрыванию консервных банок хозяйственным ножом и претендовал на золотую медаль. Селедка была переложена во все тарелки, которые только нашлись в кабинете, разложена на газетки на хлеб и рядом, банка вытерта туалетной бумагой и приложена к Колюнину животу. Окружность банки покрыла все восемь колюниных ранений, плюс-минус сантиметр, но тут погрешность была признана допустимой. Банка оставляла на колюниной голубой рубашке жирные пятна, но Колюня был счастлив. Голова, голова летеха! Да и Колюня голова! А вместе они — две головы, несокрушимая сила разума!

Выпили по первой.

— Пишем! Значит, было так. Ты, Николай, отмечал праздник — День седьмого ноября, красный день календаря. Купил водки и селедки, жестяная банка диаметром... чего там пишут? Производства г. Владивосток, ул. Карла Либкнехта. ГОСТ 3945–78. Выпив алкоголь, ты почувствовал голод. А также почувствовал опьянение и усталость. Поэтому! Ты устал и прилег. В неустановленном месте недалеко от автовокзала. Не будучи оборудованным консервным ножом, ты достал собственный складной перочинный нож, впоследствии утерянный при транспортировке бесчувственного тела. Но тогда ты еще был в чувстве. И в чувстве голода. Ты установил селедочную банку на животе, потому что не на асфальт же ее тебе класть. И произвел удар ножом в область банки. Восемь раз. Будучи в состоянии легкого алкогольного опьянения, ты не заметил, что нож прошел сквозь банку. Открыв банку и достав селедку, позже утерянную в ходе транспортировки бесчувственного тела, ты увидел кровь в области банки, испугался и потерял сознание. Хорошо, “испугался” вычеркиваем. Потерял сознание. Очнулся в больнице, где лекари-пекари приняли удары ножом в области банки за разбойное нападение. Часы и деньги ты истратил на приобретение алкогольного напитка и селедки, о чем забыл вследствие кровопотери. Врачи вернули тебе память, в связи с чем ты выразил им устную признательность. Наливай.

Домой Колюня вернулся только в воскресенье — под конвоем летехиной жены. В понедельник Колюня отнес в отдел кадров справку о закрытии уголовного дела в связи с отсутствием события преступления, а через неделю отбыл в Индию. Накануне отъезда он позвонил в

дальневосточный филиал и попросил с оказией прислать селедки с Карла Либкнехта.

Иван

Ване было чуть за 20, когда он сел в конце девяностых надолго и, что самое обидное, ни за что. Вообще-то Ване было что предъявить. Состоял на учете у несовершеннолетних, как все в Касимове называют комиссию по делам несовершеннолетних. Занимался в основном попрошайничеством — как ласково в Касимове называют промысел легкого вымогательства, без утюгов. Повзрослев, Ваня пытался удержаться в рамках, как говорится, закона, но в лесу и медведь прокурор. Рязанщина в те годы была богата на ОПГ: тут тебе и слоновские, тут и айрапетовская, и кочетковская, и архиповская банда. И грузины-апельсины заезжали в Касимов, но их культурно разоблачили и спровадили, на апельсинов у касимовских нюх, там понимают, когда вор серьезный и по правилам коронованный, а когда туфта, в смысле апельсинов. Заезжали и почтенные воры из Тамбова и из Тольятти, их встретили по понятиям, по понятиям же и проводили. Ваня во всех этих историях проявил себя честным стремягой — говоря языком милицейского протокола, стремящимся к поддержанию традиций криминальной среды. Но ничего такого страшного за Ваней не числилось, хотя и не удивился никто, когда его арестовали.

Повесили на Ваню букет душистых прерий — семь убойных эпизодов. И это, товарищи, был чистейший беспредел. Ломилось Ване пожизненное несмотря на смутное алиби — кого ты в Касимове удивишь смутным алиби — и ничего не могли с этим поделать даже такие авторитетные заступники, как Федя Лысый в Леня Пломбир. Ибо ментам-то тоже семь висяков куда-пристроить надо, а Ваня что, просто борзый пацанчик.

Ужа Ваня год в СИЗО просидел, уже и суд должен бал начаться, как внезапно в Касимове взяли настоящих злодеев, которые все эти убийства и совершали. Не то чтобы их ловили — просто с арестом Вани убийства не кончились, а однажды поздним вечером там произошло вот что.

Хулиганили на гоп-столе какие-то местные несовершеннолетние, мимо два мужичка шли. Ну мелкие возьми да прицепись к ним, типа “дядь, дай закурить”. А дядьки, недолго думая, достали два обреза да и пальнули по несовершеннолетним. Двое раненых, один убитый, 15 лет пацаненку было. Пока оглядывались, перезаряжались, набежала местная братва с одной стороны, менты с другой, и взяли их по горячим следам. Стали смотреть на оружие — ну да, из него все убийства и были совершены. И еще есть один странный момент: оружие-то это числилось уничтоженным вещдоком по другому убойному делу пятилетней давности, но уж этот деликатный штрих менты для ясности замяли, чего к людям придирааться, мент тоже крутится, как может.

По всему выходило, что Ваню-то выпускать надо. Извиняться там, неприятности всякие иметь — менты ж доказуху на Ваню насобирали, прокуратура обвинение подписала, судьи арест продлевали. Нехорошо, там можно и тринадцатой зарплаты лишиться, а то и выговор занесут. И кому это интересно? Да прямо скажем, что кроме Вани — никому. И так уж с Вани сняли шесть убойных эпизодов, а седьмой оставили. И палки свои менты в отчетность получили, и у прокурора обвинение устояло, и у судей все ок, а Ваня молодой и борзый, посидит, охолонется.

И получил Ваня одиннадцать с половиной лет. И все их до звонка отсидел.

Огорчился крепко Ваня поначалу от несправедливости такой, начал жалобы кассационные писать, как умел. Везде отказы. Пока писал, пока разбирался, что ему отвечают, литературку всякую юридическую почитал, много чего подчерпнул, укрепился умом и духом. Потом на художественную перешел, понравилось, но и юриспруденцию не бросал. Начал потихоньку права свои качать. Начал-то еще в СИЗО, что матрас ему не сразу дали. Дожал, суд выиграл и даже иск на двести пятьдесят рублей. Потом помог корешу касатку написать в надзорную инстанцию, и кассационная его жалоба частично была удовлетворена. На воду в колонии пожаловался главному санитарному врачу, мол, такая она, что мыло сворачивается хлопьями, трубы раз в полгода меняют, они намертво известью забиваются, а чтобы пить, ребята в котельной дистиллят собирают. Так на зону комиссия приехала, нарушений не нашла, а Ваню отправили в штрафизолятор отдохнуть и Ваниных жалоб с тех пор из колонии на почту не выносили. Но Ваня к тому времени вошел во вкус и ухитрялся передавать на волю весточки, которые с каждым годом все больше смахивали на правозащитные.

Ваня посидел во всех тюрьмах и зонах области, каждый начальник, познакомившись с Ваней, норовил побыстрее от него избавиться. Благо Ваня давал для этого поводов предостаточно — то он с очередной зоной судится насчет условий труда на промке и его надо в суд везти, то он свое дело заставлял поднимать в связи с вновь открывшимися обстоятельствами — опять вези его на централ, а потом на заседания.

И да, открылись Ване на одной из зон новые обстоятельства. Привезли как-то на карантин нового зека со сроком в 20 лет, в котором Ваня сразу же узнал одного из тех мужичков, что стреляли в Касимове по несовершеннолетним. Оказалось, что дали тем двоим по пыжу, то есть пожизненное, те тоже, не будь дураки, стали все это дело обжаловать, раз уж целая жизнь впереди. И одному из тех заменили пыжа на двадцатку. Он

и прибыл их отсидживать в Ванину строгую зону.

У Вани потом были с ним разговоры на локалке. Бывший пыж глумился, обозначил Ваню лохом педальным и описывал со всеми подробностями, как они с напарником то злодейство совершали, Ване в стаж записанное и на Ваню повешенное. Ваня все эти описания с подробностями и в прокуратуру отправлял, и в следствие, и в суды — вот, мол, новые открывшиеся обстоятельства, дело подлежит пересмотру. Да куда там. Если Ваню через год не отпустили, кто ж его оправдает через пять лет. Ваня это все довольно тяжело переживал, пару раз сходил в рукопашной с тем пыжом, один раз чуть с заточкой не вышел, да вовремя опомнился, но от греха Ваню в другую зону сплывили.

Много чего Ваня за эти годы повидал и пережил. Писал письма заочницам, научился рифмовать “душа — кореша”, написал стихотворение “Шарик, я как ты щас на цепи, Шарик, и жру хозяйские харчи”, и трагическое “Давай зажжем, бродяга, свечи, за тех, кто в зоне остался вечно”. А в одной из зон повстречал Ваня Шуру-Зайца, то есть Зайцева Александра Петровича хрен знает какого года рождения. Шура-Заяц с трудом помнил, какая у него по счету ходка, всю жизнь сидел, и все по мелочи. Когда он освобождался, он вешал свою робу на плечики, закрывал целлофаном и уходил. Никто не занимал его шконку и тумбочку — все знали, что Шура-Заяц скоро вернется. И вот, когда он в очередной раз вышел и уж Ваня забыл о нем практически сразу же, как это часто уже бывало с другими, в один прекрасный день Ваня обнаружил Шуру-Зайца спящего по локалке в поиске папироски у мужиков.

— Заяц! Ты как здесь? Ты ж только вышел.

— А чего? Я как из ворот пошел, сразу полторашечку взял. Дальше не помню ничего. Утром просыпаюсь, за плечо трясут: “Кипяток брать будешь?”

Ну и все. И вот тут Ваня окончательно понял, что никогда, никогда он сюда не вернется. А как выйдет, так будет помогать доходягам, вот таким невинно осужденным, как он сам. Может быть, даже станет юристом.

И не такой Ваня стал человек, чтобы слова на ветер бросать, даже самому себе сказанные.

Вышел Ваня мужчиной взрослым и серьезным. И мать, слава богу, дождалась. Поднял Ваня все старые и новые связи, смотрел только на тех, кто остепенился. Устроился на работу в небольшой хороший бизнес по ремонту промышленного энергооборудования в Рязани, сразу стал людям помогать. Кому адвоката посоветует, кому жалобы грамотно напишет, кому передачу на тюрьму соберет. Через пару лет после освобождения приехали

к Ване люди из Касимова, рассказали историю, как на двух тамошних мужиков менты девять убийств вешают, они уж в СИЗО томятся, суда ждут. Взял отпуск Ваня, поехал, научил родственников в дело защитниками войти, стал через них документы смотреть, увидел алиби, стопудовое хорошее алиби: там даты смерти убиенных по свидетельствам никак не совпадали с датами в деле, а одно двойное убийство случилось в Скопине, где те двое в жизни своей не были — запросили биллинг, да еще оказалось, что один в тот день деньги с карточки в Касимове снимал, а там еще и запись на видеокамере сохранилась. И вы не поверите — вытащил тех двоих, оправдали их! И пошло-поехало. Как выходные — Ваня людям помогает. Как будни — Ваня работает. Жалко только, что учиться некогда, но и университеты, с другой-то стороны, у Вани были такие, что зашибись.

В коллективе Ваню уважали, а директор, он же собственник, ценил Ваню и за сообразительность, и за другие редкие деловые качества — так, например, Ваня не пил. Не то, что принципиально или по болезни, а рюмку-другую выпьет, и хорош. И людям не обидно, и разору нет.

В общем, назначил директор Ваню своим замом и ни разу не пожалел. А чего? Деловой, серьезный и со связями, как говорится, в разных кругах общества, включая Леню Пломбира и Федю Лысого, которые к тому времени стали видными областными политиками, между прочим, законно избранными.

Однажды поехал Ваня — к тому времени уже Иван Сергеевич — в один ОБЭП вопросы порешать. И увидел там ее. Ошибки быть не могло, это была она, главная женщина в его жизни, а другая ему и не нужна никогда. Иван Сергеевич парень видный, рослый и на морде написано, что положительный, бабы к нему относились с большим интересом, к тому же состоял он в дефицитной для брака возрастной группе, не отягощенный предыдущими браками, алиментами и разделом имущества. И легко бы подкатил он к красотке, несмотря на нервно забившееся сердце и крупные мурашки, кабы не одно обстоятельство: девушка была в форме капитана полиции.

Ваня блатным не был, разве что стремился по молодости и глупости, ну так это было так давно, что не в счет. Однако с криминалом коммуницировал — он же на земле живет, в бизнесе работает, порядки знает. Опять же, для защиты своих подопечных по правозащитному фронту тоже консультироваться часто приходится. С другой стороны, рассуждал Ваня, менты ведь точно так же работают. И коммуницируют исправно.

Покуда Ваня рассуждал таким логическим манером, майор, начальник ОБЭП, вник в Ванину проблему и поручил ее решать капитану Светлане.

Вот так у них все и закрутилось. И развивалось стремительно.

Через короткое время пришел Ваня к своему руководству отпрашиваться в отпуск.

— В тур хочу поехать по Скандинавии. Финляндия — Швеция, есть такой.

— Ваня, хочется сильно посмотреть, как ты со своей судимостью визу будешь получать, — аккуратно попыталось спустить Ваню с небес начальство.

— А ниче, — твердо ответил Ваня и уехал на выходные в Касимов.

Со всем уважением посидел со смотрящим за Касимовым на веранде “Арт-кафе”, узнал, что в “Карамболь” на набережной они не ходят больше, менты отжали, посочувствовал, поругал ментов-беспредельщиков. Потом изложил свою проблему, отдал смотрящему свои фотографии, справки из банка и с места работы, а от котлеты денег смотрящий отказался.

Через двое выходных снова приехал Ваня в Касимов и забрал у смотрящего свой новенький загранпаспорт с финской визой на две недели.

И уехали они со Светкой в круиз.

Понравилось. А больше всего понравились они друг другу окончательно и бесповоротно.

К тому времени уж они и съехались, ну а чего, взрослые же люди.

Где-то недели через две после Швеции приходит Светка с работы, и Ваня сразу понял: будет серьезный разговор. И понял, про что. Про свой срок и судимость Ваня ей так ничего и не сказал — сначала пугать не хотел, потом к слову не пришлось.

И Светка поняла, что Ваня понял.

И молча положила перед ним зеленую пластиковую папку — прозрачную, и Ваня сразу узнал бумагу: установочная информация это, ответ МВД на запрос по Пронину Ивану Сергеевичу. Два ответа Светке пустых пришло, потому что не знала она дату рождения Вани, а как съездили, в паспорт посмотрела и запросила еще раз. И ответили, и уж чего там только про себя не прочитал Ваня: активный участник такой ОПГ и еще такой ОПГ, 11 с половиной лет за убийство, а стволы из дела еще по 15 эпизодам проходили (откуда взялись, не написали, хотя сами же менты бандитам и продали, подумал Ваня, но промолчал). При отбывании наказания был помещен в штрафной изолятор семь раз, в УДО отказано. Поддерживает связь с криминальным миром.

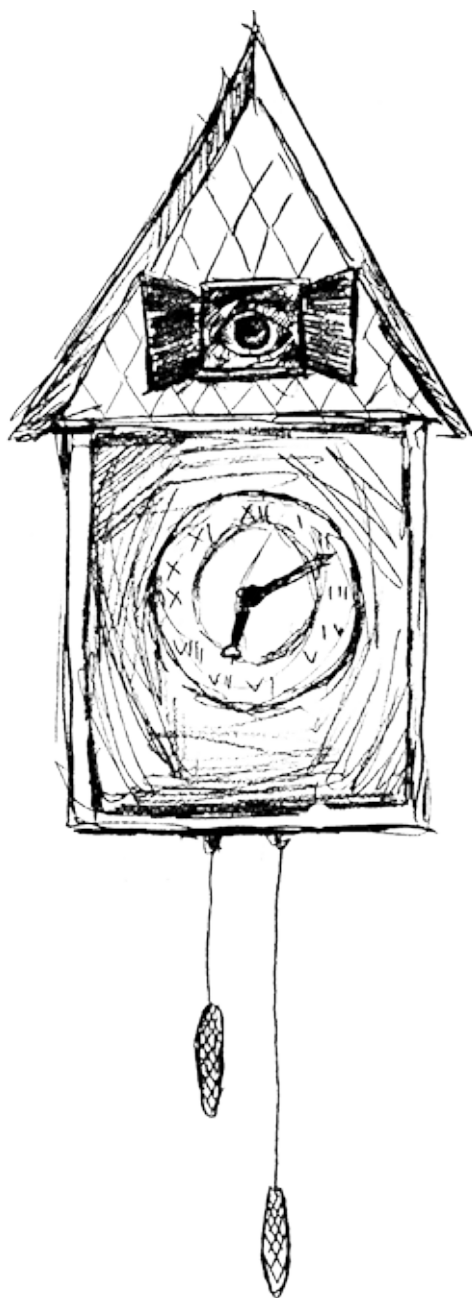
— Ну чего... — начал было Ваня, не зная, как продолжать. — Ну ты ж не с убойного отдела. Ты ж смежница. Ну чего...

— А ничего. Беременная я. Со Швеции.

И захлестнуло Ваню большое настоящее счастье, и не отпускало больше никогда. У Светки, конечно, были всякие неприятности на работе и разговоры с начальством, но обошлось, рукой махнули и поздравили молодых. Родился у них крепкий мальчик Женька, на лето он отправляется к Ваниной матери и там в Касимове никому спуска не дает. То соседских кур ощиплет, то на свинье катается — бабуля говорит, весь в отца. А Светке дали майора.

Ну а что? Всюду жизнь. Ваня сейчас защищает в Касимове в суде того смотрящего за городом, что ему с паспортом помогал, он давно уж на пенсии, ветеран, так сказать, сцены. И вот на старости лет попал под каток. Там в городе война началась за деревообрабатывающий комбинат, его от века смотрящие держали, в зоны с него грёв шел и в общак отчисляли положенное. А тут сначала менты кафе “Карамболь” на набережной отняли, а потом прокурорские беспредельно за ДОК взялись. Война была сильная, всех авторитетов пересажали. Из Москвы в итоге воры прислали молодого смотрящего, родом из-под Касимова, он поначалу комбинат на себя оформил, и тут война с новой силой пошла. Много народу потеряли обе стороны. В итоге сошлись на династическом браке: молодой смотрящий женился на дочке прокурора, и теща вошла в акционерное общество с 49 процентами акций. Не по понятиям, конечно, такое стремное дело, последние времена, видно, настают для славных воровских традиций, но уж не Ване это осуждать. Ване что — Ване бы старого смотрящего из тюрьмы достать, хороший дядька, а сидит в полном недоумении: комбинат разделили, все переженились, 74 потерпевших от первоначальных показаний отказались, три судьи в отставку ушли, разбирая все эти художества, — все ж видят, он-то за что сидит? Вытаскивать надо дядю и старость ветеранскую уважать.

Кукушечка

“Съехала кукушка” — это от часов-ходиков с кукушкой. Когда часы ломаются, говорят, что кукушка съехала, все, в домике никто уже не живет.

А также, например, у домика может поехать крыша. Или, скажем, протечь. Вот такой печальный случай и произошел как-то с арестантом в одном следственном изоляторе.

А началась эта история с того, что к нам в “Русь сидящую” пришла пара. Брат и сестра, чуть за сорок, очень тихие, образованные и к визиту подготовленные. Документы кое-какие принесли и спросили про странное. У сестры посадили мужа, мелкого предпринимателя, по обвинению в мошенничестве в особо крупном размере. Дали совсем ниже низшего, два года общего режима, что по этой статье сущая ерунда. Почти год он уже отсидел, тут про условно-досрочное подумать пора, да и на волю. А им очень нужно полное оправдание.

— Это вам зачем? — спрашиваю. — То, что муж не виноват, так это по приговору понятно. Было бы следствию и суду хоть за что зацепиться, он бы не меньше шести, а то и восемь получил бы. Сейчас потратите деньги на адвоката, отменят приговор или нет — это еще бабушка надвое сказала, а муж ваш пока сидеть будет. А так вступит приговор в законную силу, и ему на условно-досрочное освобождение можно будет пойти, скорее домой попадет, а из дома да на свободе сам бороться сможет за свое оправдание, репутацию или чего он там еще от жизни хочет.

— Нет, нам только оправдание подходит, — тихо, но твердо настаивали брат с сестрой.

— Да зачем?

— У нас такие обстоятельства. У нас сын всю сознательную жизнь мечтал поступить в академию ФСБ, и мечта сбылась, поступил. А с судимым отцом он там долго не проучится. Надо будет разводиться и от отца отказываться. Это ничего, это он откажется, но не хотелось бы.

Ой. Ну давайте дело посмотрим. А оно и правда тоненькое такое и нелепое совсем. Там мужика вообще не по подсудности судили и по делу, которое Российской Федерации вообще никак не касается.

Дали им нашего хорошего адвоката Лену.

Лена дело взяла, понравилось оно ей, и пошла в СИЗО встречаться с подзащитным. Возвращается в сильной задумчивости.

— Что там с делом, как там наш арестант?

— С делом нормально все, в апелляцию пойдем, и не сможет там такой приговор устоять, очень уж ошибок много, а если вдруг устоит, так в Верховном суда все равно его отменят. А вот с арестантом беда. Доктор ему срочно нужен.

— Что, — спрашиваем, — у него болит? Чем помочь?

— Да я, — говорит Лена, — не уверена, что могу рассказать. Похоже, это адвокатская тайна. Буду с родственниками работать и эту проблему решать. А вы тюремных общественных наблюдателей попросите присмотреть за ним.

Ну да, это мы попросим. А тюремные наблюдатели, оказывается, этого нашего мужичка хорошо знают. Да, проблемы с ним.

— Психический он у вас. Так-то тихий, не буйный, однако кукушечка у него напрочь съехала. Ему все чудится, что следят за ним. Что в стенах микрофоны, что у сокамерников вместо пуговиц тоже микрофоны, а то и видео. А еще отравить его хотят. Ест только из крайней необходимости и только после того, как от его сухарика кто откусить согласится.

— А кто следит, не говорит? Инопланетяне, рептилоиды, мировое правительство?

— Спецслужбы, говорит. Мы к доктору тюремному обращались, он сказал, что мужичка знает, психиатр к нему ходит. Но делать они ничего не будут: диагноза с воли нет, а в тюрьме он долго не задержится, его или на этап пошлют, или по УДО он сейчас выйдет, срок-то у него плёвый. А с активированием и освобождением по здоровью они дольше провозятся, да и сама знаешь, они по здоровью особо-то не выпускают.

Это да. Состояние мужичка стремительно ухудшалось, ему уже совсем какой-то Босх начал чудиться, и сокамерников он всех достал своими фобиями до белого каления, однако ж не прошло и полугода, как была назначена мужичку апелляция. На суд его от греха подальше не повезли, сиделец присутствовал на рассмотрении своего дела посредством видеоконференции.

И случилось чудо — мужичку не то что отменили его приговор, а даже и оправдали вчистую, чего по этой статье не бывает, если, конечно, подсудимый не чиновник, не родственник кого надо или не авторитетный человек, женатый, к примеру, на депутате Госдумы (такой случай был не так давно в Пресненском суде Москвы).

И хочется нам про это дело рассказать, и адвоката Лену восславить — у нас оправдательных приговоров меньше, чем полпроцента, — а не расскажешь. Тут с одной стороны — мужичок со съехавшей кукушечкой на почве спецслужб, а с другой — его семья, которая всю жизнь мечтала сына отдать в академию так самых спецслужб.

— Ну и дело! — говорила довольная результатом победительница Лена. — Само-то оно очень даже симпатичное, и выиграли бы мы его любому, но клиент тяжелый на редкость. Я, когда в тюрьму к нему ходила, несколько раз доктора в следственный кабинет вызывала, прямо беда. А когда еще в первый раз ходила, попросила его написать для меня бумагу, как и что на самом деле было — вот то, в чем его обвинили. Хотите посмотреть?

И Лена достала тетрадь, испещренную странными значками, очень

похожими на те, что мистер Кьюбит из Норфолка принес мистеру Шерлоку Холмсу в “Пляшущих человечках”.

— Лена, и как ты с этим разбиралась?

— А очень просто. Я его сыну отнесла. Он в академии ФСБ на криптографии учится. Они, оказывается, этот шифр вдвоем разработали.

Все понятно. Чего ж тут непонятного: никто не будет мужика лечить. Семье не нужен ни осужденный, ни диагностированный сумасшедший — иначе у сына в академии будут неприятности. А зачем же они нужны — неприятности со спецслужбами? Этого можно так бояться, что съедет кукушка, но лечить никто не будет, потому что замкнутый круг. Он даже не понял, что его оправдали.

Валентин и Валентина

На самом деле их зовут по-другому, но вариантов, согласитесь, не очень много: Саша и Саша, Женя и Женя, можно еще Епифан и Епифания, например. Но пусть будет, как в старой классической пьесе Михаила Роцина.

Оба классически красивые, как на рекламе счастливой семьи: он — большой, сильный, умный, с американской стоматологической улыбкой,

она — хрупкая и нежная, прекрасный тыл и красивый второй план. Встретились они далеко не юными людьми, у обоих были семьи, но захлестнувшее большое чувство шансов не оставило. Это, без сомнения, была безоглядная любовь, и все было брошено на алтарь Весны Священной.

Валентина служила в МВД, работала, я извиняюсь, на прослушке граждан. И встреча с ней перепахала мое отношение к классическим зецким байкам. Ибо в любой зоне вам при случае расскажут одну и ту же историю (с вариациями): вот здесь, вот только что, вот недавно освободился, сидел зек. А на самом деле он был драматургом, олигархом, физиком-ядерщиком. До посадки его долго вели, всяко следили и прослушивали. А прослушивала его генеральская дочь неописуемой красоты: русая коса до пояса, глаза голубые, как озёра... Год она его слушала, все про него знала, а он-то и не чуял. Потом взяли его. И она, голубица непорочная, вдруг поняла, что нет и не будет другого такого мужчины в ее жизни. Сорвала она тогда с себя погоны, бросила их в морду отцу-генералу, пошла в тюрьму, во всем зеку призналась и ждала его. И замуж вышла, а теперь у них дом на Ибице — полная чаша, борщ три раза в день и четверо детей.

Это классическая байка, призванная дать зеку мечту: мол, есть где-то на белом свете башня из слоновой кости, а в ней сидит прекрасная девица, заточенная туда генералом, и ждет тебя, все глазки проплакала, а ты и не знаешь. Должна же быть у человека мечта и надежда.

Когда Валентина пришла ко мне с этой историей, я долго отказывалась верить. К тому же она и умница, и красотка. Правда, другая — скуластая, худая, вся точеная, темно-рыжая, а глаза здоровенные и фиолетовые.

И да — мужа посадили, муж хороший и ни в чем не виноват, и вот ребеночек у них недавно родился. А из ментов Валентина ушла.

Стали дело смотреть. Мама дорогая! Кого в нем только нет. И ФСБ, и погранцы, и железные дорожники, и всякие банкиры, и большой международный аспект. Дело громкое, в телевизоре все время показывают, лично Путин ногами топал. Одна беда — основные фигуранты все в бегах, а посадили стрелочников. Наш Валентин даже и на стрелочника не тянет, мимо проходил по касательной, ему вменяли неправильно составленный договор на сумму аж в 30 тысяч рублей. Но ногами топотали, организованное преступное сообщество налицо, так что светило ему от 15 лет в строгой зоне самым решительным манером.

Уговорили пойти работать на это дело одного из лучших наших адвокатов, к тому же человека душевного и совестливого. Он сходил в

первый раз к своему новому подзащитному Валентину в тюрьму, вернулся вдохновленный.

— Ну и парень! Ну и красавец! Здоровенный такой, бывший офицер, с понятиями о чести. Он смотрящего за тюрьмой под шконку загнал, два ребра ему сломал, когда тот что-то попытался ему предъявить. И на безопасное содержание потом отказался переводиться. Сказал, что сам разберется.

Работали они втроем просто отлично и душа в душу. Валентин держался хорошо, Валентина все дело в порядок привела, на любой следственный или прокурорский чих был у нее приготовлен документ, все подшито, даром что бывший мент. Я часто заезжала к ним в штаб-квартиру командования боевыми действиями и видела, как живет Валентина, а до того — Валентин и Валентина. Малюсенькая двадцатиметровая квартирка на окраине Москвы, диван, детская кроватка, стол и две табуретки. Вот уж поймали расхитителей капиталистической собственности, зашибись. Главные фигуранты дела скрылись на виллах в разных странах и континентах, а здесь, у Валентина и Валентины, царили скромность и достаток очень среднего класса. И это при том, что Валентину и Валентине было уже к сорока. Зато любовь у них неземная.

Любовь любовью, но бились они, бились и добились: перевели Валентина на домашний арест, изменили, значит, меру пресечения. Взяла тортик, поехала к нему знакомиться. Эх, девушки, а он и вправду красавец редкого мужского типа: большой такой, мускулистый, но подтянутый, морда такая интеллектуальная, однако нервный после тюрьмы, и сильно. Да оно и понятно, и объяснимо: пятнашечка его никуда от него не делась, суд-то впереди. Хотя на такую жену срываться — грех это, девушки.

Оказалось, что он совсем не может бороться системно. Сидеть на попе ровно, методично читать юридическую литературу с комментариями и всякие пленумы Верховного суда — это вообще вещь полезная, если тебя сажают. И только поначалу кажется скучно, потом вчитываешься и томами глотаешь истории всяческой судебной практики, это ж детектив, который к тому же напрямую тебя лично касается. Это работа, между прочим, довольно тяжелый труд. И конспектики, батенька, не забывайте писать, пригодятся. А для смены видов деятельности можно Чехова про каторгу почитать, или вот Достоевский в таких случаях хорошо идет. Еще можно скачать “Побег из Шоушенка”, “Зеленую милю” или любой из многочисленных “Экспериментов”, не говоря уже про бесконечный сериал “Побег”, вот он тоже методически неплохо готовит к нашей зоне, хоть и из американской жизни.

Но нет. Валентин метался в малогабаритной бетонной клетке домашнего ареста, требовал внимания, которое ему быстро надоедало, придирался к борщам и смотрел телевизор.

Валентина у нас в “Руси сидящей” почти не появлялась: она взяла на себя тонущий бизнес мужа, как-то вырулила, прошла пару кризисов, но корабль на плаву держала и даже через какое-то время занялась развитием женских образовательных направлений, и они очень неплохо у нее пошли. Заезжала к нам страшно уставшая, но по-прежнему чертовски красивая: фиолетовые глазищи на пол-лица, кожа спелого абрикоса, талия балетная, пальцы — веточки, щиколотки японские, не женщина — мечта.

Однако по-женски совершенно не счастливая. Кое-что прорывалось: деятельный на свободе муж оказался запертым в двадцати квадратных метрах быта, и это был, конечно, тигр в клетке, со всеми побочными явлениями по отношению к тигрице. Тигр в двадцати метрах одиночки. Точеную Валентину с огромными фиолетовыми глазами и с маленьким и тоже деятельным по возрасту сыном, похожим на него как две капли воды, он в расчет не принимал. А если и замечал, то в раздражительном смысле.

Через положенное время, когда прошли все процессуальные сроки, сменили Валентину меру пресечения с домашнего ареста на подписку о невыезде. И Валентин с Валентиной совсем пропали из поля зрения. Заходил их чудесный адвокат, рассказывал о развитии дела — а оно вовсю развивалось, — немного сетовал, что они перестали ему платить, но он продолжал работать *pro bono*, бесплатно то есть, я ж говорила уже, что он у нас совестливый и вообще молодец. Тем более что безденежье — это наш типичный случай, к нам в основном приходят люди, у которых вообще ничего не осталось.

Но ведь Валентина — вы же помните еще? — вырулила тонущий корабль бизнеса. Значит, что-то случилось.

И да, случилось. Валентин, обрета свободу, свою Валентину из бизнеса подвинул жестко, разогнал все женские направления, сказал еще, что она загубила все дело, весь его бизнес, и взял бразды правления на себя полностью. Бизнес немедленно захирел. Фиолетовоокая Валентина молча ушла в домашнее хозяйство.

Продолжалось все это долго и скучно, пока однажды Валентина не написала мне короткую записку: Валентин принял решение, сейчас к вам едет советоваться. Ну хорошо, мы всегда рады. Тем более что я догадываюсь, что он там себе принял. Многие на его месте сделали бы так же. Хотя лично я не одобряю.

Валентин начал с места в карьер.

— Пойдемте, прогуляемся вокруг вашей клумбы.

Ну, пошли. Все так делают.

— Я принял решение уехать.

— Вы же понимаете последствия? Да, если вы уедете, всем будет удобно: и следствию, и суду, и прокуратуре. К тому же отъезд — это отказ от борьбы и косвенное признание вины. Вас объявят в розыск. Навсегда. Вы никогда не сможете вернуться. Языков у вас нет, связей нет, денег нет — не факт, что там вам будет лучше, чем на зоне с понятным сроком, который можно и нужно оспаривать. А если биться — всегда можно чего-нибудь добиться.

— А я смогу попросить политическое убежище?

— С чего? Вы давно политический? Насколько я помню, действующие порядки до ареста вас вполне устраивали.

— Кто может дать мне гарантии, что меня примут?

— Никто.

Нет, таких отъездов я не одобряю. Хотя, конечно, все понимаю. Если рассуждать логически, получается такая вот вещь: всем фигурантам дела светит от 15 лет, но вот конкретно Валентину при его роли больше семи никак не ломится, если повезет, будет пять, из которых два года он отсидел, включая домашний арест. Потом еще апелляция и кассации, да с хорошим адвокатом — года через два максимум выйдет, как в армию сходил. Невинным и непричастным хорошие судьи у нас обычно стараются много не давать. Плюс остается возможность бороться дальше. На родной земле, с родной женой, сыном и родителями, на родном языке да с действующим бизнесом — если жена, конечно, опять подымет, — это ж не самый тяжкий случай. Ладно, и не такие сроки видели, у любого срока конец есть, в отличие от бегства. Был бы политический — все ясно, вопросов бы не было, а тут просто попал парень в чужой замес. Таких случаев — тысяч пятьдесят за год, более или менее.

Опять же — я понимаю отъезды из-под суда. Я сама все время хотела, чтобы уехал мой муж и не садился бы в тюрьму. Но мой муж осознавал, что это билет в один конец. И это билет на одного. И я осознаю, что может наступить момент, когда мне надо будет уехать. В один конец, одной. А вот что будет дальше, зависит от меня сейчас, задолго до того, как решение будет принято. Валентин же ни слова не говорил о Валентине. И об их сыне. Он говорил только про себя, и было ясно, что никого он в расчет не принимает.

Да ну. Грустно все это, а также безответственно.

И вот наступил тот день, когда было объявлено о дате начала судебных

слушаний по громкому делу Валентина. Накануне к нам приехала Валентина, и такой счастливой я не видела ее никогда.

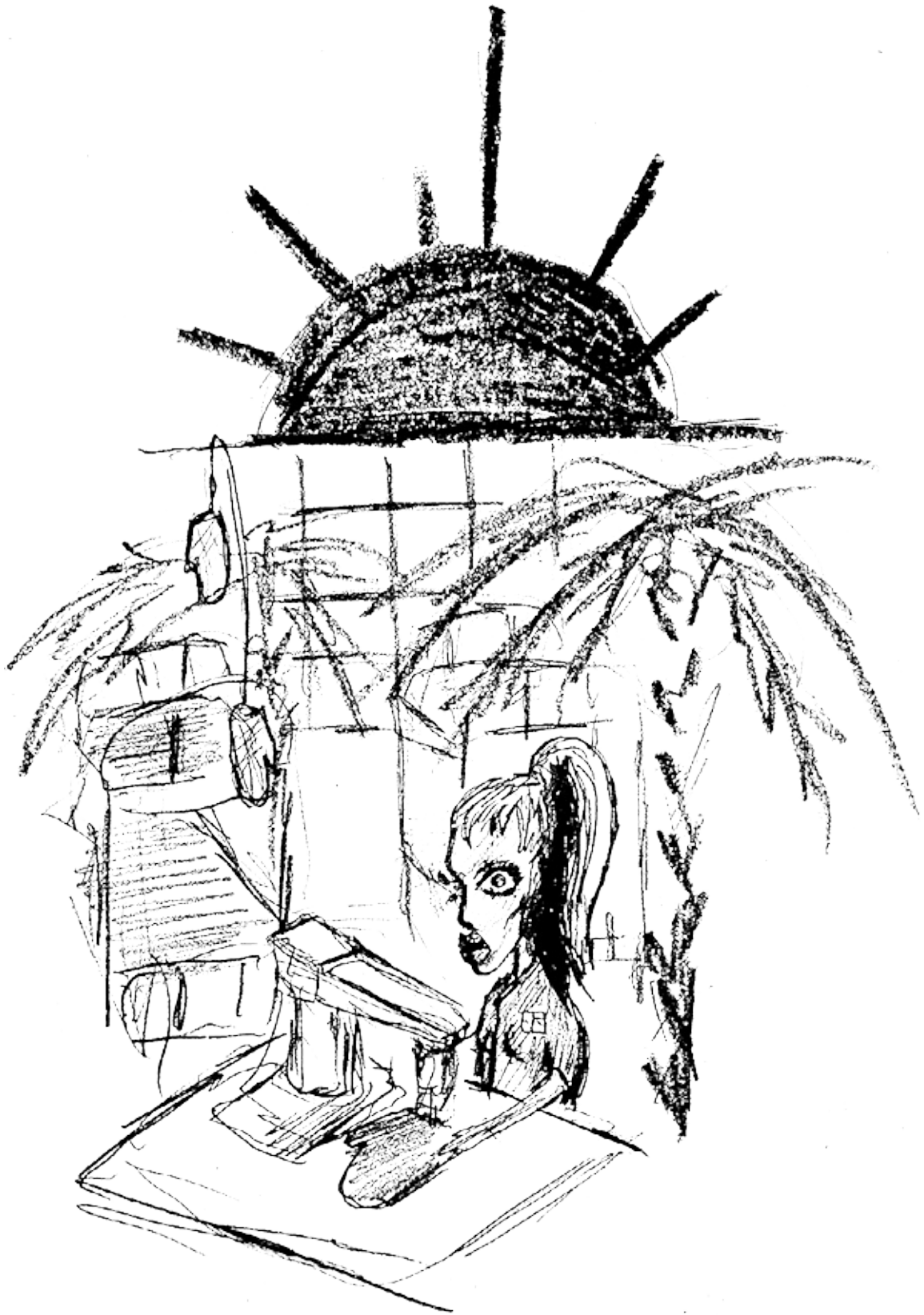
— Оля, он меня послал! У нас был огромный разговор, переходящий в скандал, и он меня жестко послал! Ну наконец-то! Послал и уехал с таджикским паспортом, я не знаю, куда и через что! Он уехал! Я свободна!

Потом был сложный разговор с хорошим совестливым адвокатом, был суд, на который не явилось еще несколько подсудимых. Их выделили в отдельное производство и дали в районе пятерки. Но они не смогут больше никогда вернуться, они в розыске. Если Валентина не захочет, она больше никогда его не увидит. Да и он, кажется, тоже не хочет. Никому не известно, где он. Он не пишет и не звонит. Известно лишь, что по паспорту его сейчас зовут Дододжон.

Валентина снова подняла паруса на упавшем бизнесе, теперь полностью переориентировав его на женские проблемы. И похоже, что эта история двух красивых любящих людей закончилась тихим пшиком.

Парень, который так отважно и так правильно вел себя в самых сложных условиях, не выдержал маленького быта — он оказался для него сложнее, чем тюрьма. А Валентина, чья жизнь и судьба не предполагала высоких материй, с тех пор помогает девочкам и женщинам, попавшим в тюремный переплет. Растит сына, вламывает на работе и, кажется, совершенно счастлива. Мне немного жаль, что Валентин оказался не тем парнем. Не потому, конечно, что уехал — это не осуждаемо. Он не брал ее в расчет. Ни мозг ее, ни деловую хватку, ни громадные фиолетовые глаза. А такому человеку, девушки, уже и пожелать-то нечего. Ну, удачи.

Лето

Имена героев этой книги изменены — не меняла в редких случаях, когда сами герои давали на то согласие или когда не считала это нужным из вредности. Сейчас другое.

Горисолет Ривьера — настоящее имя, настоящая фамилия. Если вы нечаянно знаете дочь Горисолет или ее маму — пожалуйста, передайте им, что Горисолет молится о них каждый день, уже много лет. Если вы сможете перевести эту историю на португальский — пожалуйста, сделайте это. Если вы сможете опубликовать эту историю в Бразилии — пожалуйста, сделайте это. Горисолет жива, она сидит в русской тюрьме, ей долго сидеть — но она всей душой стремится к своей дочке и маме.

Ее дочь была очень мала, когда все это случилось. Ее мама была парализована. А больше у нее никого нет.

В русской тюрьме ее зовут Лето. Она маленькая, как куколка. Очень худенькая. Такая худенькая, что совершенно непонятно, как в ее желудке мог поместиться контейнер с полкило чистейшего кокаина. То есть Лето сама была контейнером. За провозку ей обещали заплатить полторы тысячи долларов, и для нее это были очень важные деньги. Просто нечеловечески важные.

Она давно уже поняла, что с ней случилось на самом деле. Что никто ей платить не собирался, что ее сдали с самого начала, еще в Бразилии. Неопытная, маленькая, пугливая, не знающая языка и страны России, окончательно насмерть испугавшаяся в самолете — решила, что ей плохо не оттого, что желудок у нее очень маленький и все давит, а оттого, что лопнул контейнер. Она сама начала искать в Домодедово, кому бы поскорее сдаться, но ее уже встречали люди в “цивиль”, как говорит Лето. Они уже ждали ее. Они уже знали. Думаю, что люди в “цивиль” тоже все прекрасно понимали — что они возьмут сейчас мелкую Лето, которая только отвлекает внимание своей очевидной лохучестью, а крупная и опытная партия настоящих матерых перевозчиков пройдет спокойно мимо. Все всё понимают. Когда это дошло до Лето, было слишком поздно.

Когда ее из больницы, где доставали контейнер, привезли в “шестерку” — женскую тюрьму в Печатниках, смотреть на нее было страшно. Она плакала каждый день, она все время плакала, она не знала языка, она не понимала правил, но все сорок сокамерниц сообразили все быстро. Вот Лето показывает, что у нее маленькая дочка в Бразилии. И вот парализованная мать. Ну, девка, у всех так, разве что поближе.

Шконку Лето получила на пальме — на втором ярусе. Не очень, конечно, удобно, если ты корпулентная дама, а с ее-то сложением и ловкостью — сущая ерунда. К тому же, когда в камеру заходил шмон с

собаками, Лето быстрее всех забиралась на свою пальму и помогала жопастым сокамерницам с нижнего яруса забраться к ней как можно скорее: собаки в тюрьме — вещь серьезная.

Лето жалели, в том числе и за помощь с пальмой. Обучали потихоньку языку, делились передачами и при случае шмотками. Взяли-то ее в шортах, а тут ноябрь. Можно было бы и посерьезней ее нарядить, но детских размеров в тюрьму не завозили.

Лето плакала и просила консула. Из посольства к ней так никто и не пришел. Лето плакала и просила телефонной связи с дочкой, но на тюрьме дурных не нашлось — международные тарифы оплачивать, да если б кто и сжалился, так все равно нельзя. А запрещенный мобильный телефон в женской тюрьме большая редкость, тут вам не мужская понятийная мишпуха.

Однако Лето не тупо рыдала, но старалась принести пользу тюремному обществу. Она оказалась безотказной, доброй, чистоплотной, по-дикивинному хозяйственной. Но главное — она оказалась гениальной массажисткой. Как в таком тщедушном тельце помещалась такая умная и чуткая сила, науке неизвестно, но поправила она многих: и спинку, и шейку, и ручку, и ножку. Тюремные барышни очень ценили редкое дарования Лето, старались подкормить, а главное — не давали в обиду. Коблов (активных лесбиянок, не скрывающих своей ориентации и склонных к насилию) в СИЗО нет, они проявляют себя позже, уже на зоне, а вот просто стерв, которые ищут, на кого бы зло спустить, — вот таких навалом, и старосидки выстроили вокруг Лето систему защиты. А когда у Лето начался суд и ей предстояли долгие путешествия по заснеженной Москве, ей соорудили кое-какой костюмчик. Главная рукодельница камеры, старосидка Инна Борисовна, связала Лето варежки. Обточили об кафель зубную щетку, изваяли из этого вязальный крючок, распустили чей-то розовый свитер, добавили разноцветных полосочек, даже веревочки соорудили, чтоб через шею перекидывала и не потеряла, — и на тебе, Лето, варежки.

Лето была в восторге. Лето никогда не видела варежек. Лето в них спала, а днем аккуратно заворачивала в полотенчико и убирала под матрас.

Лето не могла запомнить слово “варежки” и называла их “бориськи”. Мол, Инна Борисьевна мне их соорудила, бориськи, стало быть.

Однажды Лето вернулась из суда сама не своя. Она ни с кем не разговаривала, а особенно избегала Инну Борисовну. Слезет с пальмы, сидит, как статуэтка, едва дышит, да и все, даже почти не плачет.

Через пару дней бабы, конечно, выяснили, что случилось.

Лето потеряла варежки. Оставила где-то в автозаке. И в душе ее сложился триумвират страшных потерь: дочка, мама и бориськи. Они к тому времени стали для нее тотемом, даром что никогда в жизни она не видела старого трогательного советского мультика про варежку, которую маленькая девочка одушевила и сделала щенком, — но вот как-то так.

Бабоньки быстро поняли, что никакие другие варежки ей не нужны, а уж те-то ищи-свищи.

Дали Лето 12 лет и отправили в Мордовию. Она теперь там на швейке производит варежки, в смысле строительные рукавицы, выдает две нормы за смену. В обиду ее там не дают.

Будете в Бразилии — скажите там кому: жива Горисолет Ривьера и по-прежнему молится каждый день за свою маленькую дочку и парализованную маму.

Как Витуся вышла замуж

Витуся работала младшим инспектором в черной зоне в Талицах, что в Ивановской области. Талиц у нас много, так вот эти — Ивановские, надо доехать до райцентра Южа и оттуда километров 25 трактором по лесной дороге мимо заброшенных и заросших бурьяном деревень, вот и будут Талицы. В Талицах несколько зон, они здесь основа жизни. Весь поселок существует только потому, что работает на зонах. Однако работает со знанием дела, от души — некоторые сельчане даже не держат курицу и козу, ибо зачем доить козу, когда можно доить богатого зека.

Витуся работала в черной зоне, а это не очень хорошо. На черной зоне порядок устанавливается понятиями и поддерживается блаткомитетом. То

есть сотрудников тут и в ломаный грош не ставят — ну, кроме тех, с кем блатные в доле в карточной игре и через кого идет алкоголь и наркота для блаткомитета. Витусю все эти материи никак не касались.

Витусю на зоне жалели. Девка-то хорошая, безвредная, да больно уж страшная: высоченная, ногастая, худющая, скуластая, а хоть и блондиночка, но такая конопатая, что спасу нет. Даже зеки Витусей не интересовались. Но одна приезжая столичная штучка, жена архитектора, он тут по мошенничеству срок отбывал, про Витусю говорила, что у нее типаж Натальи Водяновой. Парни-инспекторы полезли в интернет посмотреть, кто такая эта Водянова (фамилию на бумажке записали, москвичку переспросив), но не очень поняли: тоже баба некрасивая, но какая-то вроде заграничная и там в журналах ее печатают, но кто их там, пиндосов, разберет.

Витуся всю жизнь свою сознательную знала, что отчаянно некрасива. “Лядащая”, — со вздохом говорила про нее бабка; не таких внучек она ждала: нормальных хотела, жопастых, в перетяжечках, краснощеких. Но где ж их взять-то: мамаша Витусина при родах Витусиных же и скончалась и унесла с собой в могилу тайну Витусиногo отцовства. Говорили, это зек был, валютчик или спекулянт, срок мотал, вот как-то и случилось — бывает, недоглядели, это в зоне называется “внеслужебные связи” и карается всячески. Кто ж теперь разберет. Докторша, которая закрыла глаза Витусиной маме, сказала потом убитой горем новоиспеченной бабуле:

— Девочка слабенькая. Может не выжить. Назовите ее Витой, от латинского *Vita*, что означает “жизнь”.

Умная была докторша, она быстро в облцентр в больницу перебралась. Стало быть, выжила Витуся. На лето бабуля отправляла ее на Волгу, в Плес, где в Витином детстве не было никаких крутых дачников, резиденций, яхт и горнолыжных спусков. В Плесе жила бабулина сестра, тетя Катя, большая мастерица насчет маленьких пирожков, из тоненького-тоненького теста, с разными начиночками. Тетя Катя Виту любила, своих детей у тети Кати не было — вернее, был сын, но утонул в Волге по едва ли не первой своей взрослой пьянке в 15 лет, и тетя Катя уж после этого вложила в Витусю всю свою большую и теплую душу. Вите не нравилось работать младшим инспектором в черной зоне в Талицах, она хотела бы перебраться в милый Плес к тете Кате, тем более что и тетя Катя этого хотела, и работу бы себе Вита там нашла, благо Плес внезапно стал модным и богатым дачным местом. С начала века там стали стремительно возводить грандиозные причалы, отели, дачи, рестораны и магазины, понаехали чьи-то надменные жены, город поначалу захлестнула волна

нового русского разгула, но потом качество нуворишей сменилось, и Плес облюбовали разного рода силовики с семействами.

Тогда же в Плесе на козырном месте открылся моднейший французский ресторан. Его держала настоящая француженка Елена Вячеславовна, а почему француженка, Вита в подробности не вдавалась. Елена Вячеславовна имела французского мужа и несколько французских детей, была предприимчива, разворотлива, умела понравиться надменным женам и приватно поднести лишнюю рюмочку перепившемуся генералу, вовремя исчезнув, когда того вдруг начинало тошнить или когда к нему опасно приближалась помощница в полурасстегнутой прозрачной блузке.

Тетя Катя устроилась печь в это заведение свои знаменитые пирожки. Витуся помогала ей в выходные, и отпуск она тоже проводила в Плесе, у тети Кати. С тяжелым сердцем возвращалась она в Талицы, но характера она была легкого, тоску ее никто особо не замечал — впрочем, как и ее саму. С бабулей о своем возможном переезде в Плес она даже не заговаривала. Для их маленькой ячейки общества была жизненно важна Витусина колониальная зарплата, это было понятно, и нечего тут обсуждать.

Но однажды к Витусе пришла любовь — как и положено. В том, что однажды она полюбит, Витуся не сомневалась. Скорее всего, доходягу, как мать. Всех остальных она слишком хорошо знала, вохру бы она не полюбила, а новые люди встречались ей нечасто. Но о том, что кавалер воспыхает первым, да вроде как сильно, страстно, с букетами и безумствами — до этого, конечно, даже в мечтах не доходило.

Однажды на дежурстве Витусю затошнило. Может, съела чего. Девочки, коллеги по работе в ИК, даже и не усомнились — съела что ни попадя. Но Витусю упорно тошнило неделю, потом другую. Девочки засомневались. Не заболела ли? Может, гастрит или еще хуже? Конечно, сильно похоже, что девка беременная, но кто ж на нее покусился-то? Местные парни на нее не глядели, даже зам по оперативной работе, который трахал все, что шевелится, на нее и по пьяни ни разу не взглянул. До зекон она не допущена, да и заметили бы и пресекли.

Хотя это мог бы быть, например, загулявший в Плесе и заливший зенки до полного ослепления чей-нибудь денщик.

— Витуся, а ты, часом, не в положении? — спросила ее напрямую колониальная фельдшерица.

— Месяце на четвертом, — зарделась Витуся.

— И кто этот подлец?

— Он не подлец. Он мне предложение сделал.

— И где же наш счастливый будущий папашка? Когда свадьба?

— Он уехал. Но скоро вернется.

Понятно, чего ж тут непонятного. Дура, конечно. Но хоть ребеночек будет. Не померла бы. А с другой-то стороны — ну чего, уйдет в декрет, родит, будет пособие получать, все в семью. Бабка у нее еще молодая и правнука вынянчит, а там на работу выйдет. Бабуля в сельпо вот точно так же трезво рассуждала. Мужа Витусе все равно никакого не светило, а тут хоть ребятишек. Может, родит и потолстеет, хоть, может, сиськи отрастит, а там, глядишь, и позарится какой вдовец или разведенный. С сиськами, а то, может, и с жопой замуж как-то сподручнее.

Шло время, Витуся отрастила небольшое аккуратное пузечко, оформляла какие-то бумаги, справки с работы, потом ушла в декрет и уехала. Девчонки с КПП, Витусины коллеги, спрашивали бабулю, встретив ее в сельпо, куда ж это укатила беременная Витуся, но та загадочно говорила только, что Витуся рехнулась совсем.

Месяца через два Талицы потрясли два известия.

Во-первых, Витуся родила девочку. В Париже. Столице Франции.

Во-вторых, на почту в Талицах пришло толстое письмо из Парижа. Его вручили бабуле Марии Семеновне и тут же на почте оно было торжественно вскрыто. В конверте содержался скупой Витусин рассказ о муже, свадьбе и новой семье, а также большие красивые фотографии свадьбы. Это были ошеломляющие картинки. На них была запечатлена Витуся в умопомрачительном белом платье и в пышной фате на затылке — не на наш манер. Большой живот скрыть уже было нельзя, но выглядело все шикарно. А главное — мужчина рядом, с бутоньеркой, в красном жилете, был француз, тут сомнений быть не могло. И какой, девочки. Вылитый парень из кинофильма “Ягуар”, где актер Жан Рено вывозит в джунгли на борьбу с наркомафией шалокая, а возвращается он героем. Кудрявый, чернявый, молодой, красивый, с глазом такой. И влюбленный по уши, прямо видно. В Витусю влюбленный. И еще какие-то люди, наверное, друзья и родственники, и все как один — французы.

— И что ж, Мария Семеновна, она и не говорила про это ничего?

— Да говорила что-то. А я и не слушала. Мало ли кто в таком положении чего рассказывать будет. Сестра моя, Катька, из Плеса, говорила, что ее повар из ресторана обхаживал. А этот вроде на повара не похож.

Пьер. Он оказался — Пьер. Повар, даже шеф-повар из парижского ресторана, в названии что-то автомобильное, как шины. Повар ездил в Плес за рецептом малосольных огурцов и всяких там пирожков, за

изготовлением которых он и повстречал Витусю. И прямо потерял покой и сон. Уж как-то они столковались, и торжественное предложение руки и сердца ему изобразил в транскрипции сын Елены Вячеславовны, французской хозяйки.

Повар — это хорошо, постановили в Талицах. Все девка ближе будет к котлу. Может, и жопу отрастит. Хотя, может, французам жопа и не нужна. Извращенцы же.

А через год Мария Семеновна продала дом соседу и уехали они вместе с Катериной Семеновной в Париж. Катерина потом вернулась вроде в Плес пирожки печь, а Мария Семеновна прижилась. Кто-то из Талиц встретил Катерину в Плесе, она рассказывала, что Витуся еще мальчика родила. Загадочный они народ, французы. Вон Танька с почты, ну всем хороша, пикантная такая дамочка в лосинах, а все никак замуж не выйдет, не везет ей с мужиками. А эта, лядащая-то, вон как.

Будни бухгалтерии ЖЭКа

Если отсчитывать да вспоминать, как все это случилось, то следует, конечно, начинать с года, когда Вике исполнилось 19 лет. Вика была хорошей девочкой — училась на экономиста на вечернем и работала. Работу Вика нашла по объявлению в интернете, но все в порядке, никакого обмана, организация серьезная. Вика собиралась стать хорошим бухгалтером, а потому все сто раз перепроверяла. Это была большая управляющая компания — то, что теперь на месте ЖЭКов и управдомов. Руководили организацией солидные мужчины, в основном военные, все больше полковники в отставке. Это все были родственники или близкие знакомые застройщика — понятно, конечно, что все по закону, всегда объявлялся конкурс на управляющую компанию, но выигрывали наши brave полковники с завидным постоянством. Как везде, в общем. Бухгалтерией руководила опытная дама Маргарита Николаевна, любившая свое дело, к тому же тяготеющая к педагогике: она набрала в бухгалтерию молодых девочек, и лепила из них настоящих бухгалтерских зверюг.

Хорошая тетка. И вообще все было тогда хорошо.

Однако все когда-нибудь кончается. Самый главный полковник в отставке засобирався на пенсию, уже по возрасту. Главбух — я ж говорю, опытная она была, — сказала: нет, я только с ним работаю, только ему доверяю, особенно в области этого вашего ЖКХ. И ушла на пенсию вместе с ним.

И вот, стало быть, в ЖЭКе сменился и директор, и главбух. В молодой задорный коллектив пришла тоже молодая бухгалтерша, ей не было тридцати. А директором стал другой отставной полковник, Евгений Петрович, что никого не удивило. Но вот с этого рокового момента что-то пошло не так.

Новый молодой главбух проработала несколько месяцев и внезапно, резко, безо всяких отработок ушла. Маргарита Николаевна уж нашла бы, что сказать на это молодому коллективу, уж посоветовала бы, на что обратить внимание. В крайнем случае, всегда можно соорудить внезапные именины или помолвку, принести крепленого и пригубить по окончании рабочего дня в обществе внезапно увольняющегося бухгалтера — ой полезное это дело, а кто им пренебрегает, тот в бухгалтерии долго не живет. Маргарита Николаевна очень давно жила в волшебном мире бухгалтерии и всегда имела что-нибудь про запас на случай внезапной помолвки, в крайнем случае и сама бы сошла за невесту, лишь бы узнать — что так напугало стремительно увольняющегося бухгалтера, бросающего неплохую работу, стабильную зарплату и дружный коллектив единомышленников.

Но не было рядом опытной и живучей Маргариты Николаевны, и молодой коллектив бухгалтерии в полном составе шагнул в пропасть.

Впрочем, паденье в пропасть началось с подъема по службе — кстати, это нередко встречающийся казус. Евгений Петрович, директор, разочарованный уходом главбуха, предложил эту должность и высокое звание Викиной подруге Ире. Ира с Викой вместе учились, вместе здесь уже два года работали, дружили, и вот же им уже исполнилось по 21, взрослые совсем — можно и о карьере подумать, а то ведь декрет вечно наступает незаметно, уж где, как не в бухгалтерии, об этом знать.

Ира согласилась. А Вика поднялась на ступеньку выше, на место Иры, и стала зарплатным бухгалтером. Правда, не осталось бухгалтера-расчетчика, но функция эта совсем простая, две кнопки нажимать в программе “банк-клиент”. И новоиспеченный главбух Ира позвала в расчетчики своего двоюродного брата Мишу, ему как раз исполнилось 19 — нормально, Ира с Викой тоже в 19 сюда работать пришли, не боги

горшки обжигают. И стали они все работать в таком вот бухгалтерском составе. Что позже будет квалифицировано как создание организованной преступной группы с вовлечением родственников.

С полгода все шло хорошо. Директор Евгений Петрович издавал приказы, исправно их подписывал, направлял куда-то на важные нужды деньги, принимал кого-то на работу, назначал зарплату, и из отдела кадров в бухгалтерию приходили бумаги: вот, гражданин Пупкин принят на работу в качестве техника-смотрителя с окладом. Никаких наличных денег бухгалтерия в глаза не видела, а видела приказы Евгения Петровича, которые и исполняла, благо ничему они вроде как не противоречили. А работает ли Пупкин техником или за него работают трое граждан солнечного Таджикистана, нелегально пробравшиеся на территорию РФ и довольствующиеся четвертью зарплаты Пупкина на троих, — это никак не дело бухгалтерии, исполняющей письменные приказы.

Жаль, что этих приказов потом никто не сможет найти.

Однажды вечером в ЖЭК пришли три борзоватых молодых человека и сунули в нос бухгалтерии раскрытые красные книжечки.

ОБЭП.

К директору они не пошли, и Евгений Петрович к ним тоже почему-то не вышел, хотя был на месте. ОБЭПовцы изъяли у всех мобильные, запретили звонить по стационарным телефонам, забрали флэшки, что-то из личных вещей, а главбуха Иру закрыли отдельно и изъяли у нее то, что называется 1С, то есть бухгалтерскую программу со всеми данными. И часа через три со всем этим богатством ушли, разве что телефоны вернули.

Тут как раз и Евгений Петрович из своего кабинета вышел. Всех успокоил, по плечам похлопал — это ж обычное дело, проверка. Так бывает, сказал Евгений Петрович двум девочкам и одному мальчику. А те, конечно, поверили. Даже родителям не сказали — чего говорить, ничего интересного, обычная проверка. Сильно, сильно позже Вика узнает, что это был обыск, и научится себя правильно вести — например, требовать постановление об обыске, понятых, брать себе копию протокола обыска и вызывать адвоката. Но тогда никто из будущих троих подельников правильно себя вести не умел, а потому в материалах большого уголовного дела этот вечер никак не фигурировал. Не было его.

И каким образом у следователей оказались документы из бухгалтерии Иры, Вики и Миши, никто потом не спросил — ни в прокуратуре, ни на суде. Все всё понимали.

Кроме этих троих, помеченных уже мелом судьбы крестиком в графе

“лохи мелкие на корм прокурору, 3 шт.”.

Дня через три после явления троих борзоватых сотрудников с книжечками Вике позвонили из ОБЭП и попросили зайти к ним на Люсиновскую. Вике хватило ума попросить прислать повестку. Ее долго отговаривали — мол, по почте долго, а тут такой пустяк. Но Вика настояла. И молодой сотрудник ОБЭП Максим довольно поздно вечером приехал на мотоцикле к Вике (и ее родителям), вошел такой красивый, со шлемом в руках, вручил повестку. Потом они все вместе на кухне пили чай, и улыбчивый Максим объяснял Викиным родителям, что повестка — это так положено, надо сходить, но это все чистая формальность. Родители постановили: обаятельный, воспитанный юноша, надо сходить, что ж.

Утром Вика с мамой пошли в ОБЭП к Максиму — по повестке. Максима было не узнать. Максим взял в оборот Викину маму. “Вы, Алла Степановна, кого воспитали? Вы ведь воровку воспитали! Вы как людям в глаза смотреть будете, а?”.

Эх, если хотя бы на этом месте в Викиной жизни случился кто понимающий — хотя бы на предмет допроса без адвоката — все опять могло бы пойти по-другому.

Максим сказал, что Евгений Петрович написал на Иру, Вику и Мишу заявление: он раскрыл банду проклятых расхитителей. Заведено уголовное дело, хищение крупное, теперь будет занимать ГСУ Москвы.

И эти три юных дурака пошли увольняться — обиделись они. Вместо того, чтобы пойти на рабочее место и снять все копии всех документов, а уж потом дожидаться увольнения по статье — если найдется статья. И только после стремительного и самостоятельного увольнения три дурака пошли искать адвоката. Ну и нормального ни разу не нашли.

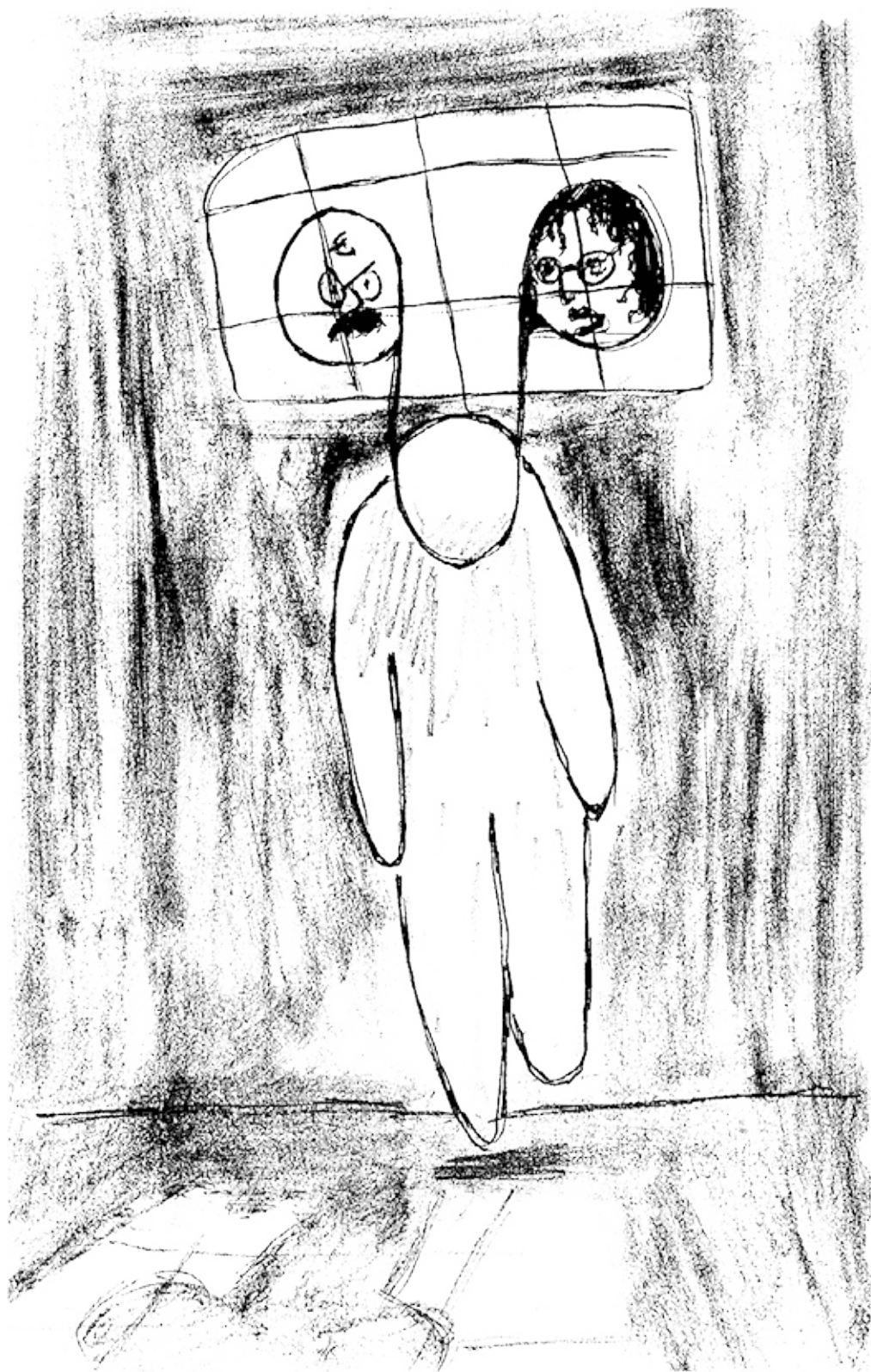
Их обвинили в хищении денег управляющей компании, добавили еще двух инженеров (они, кстати, до сих пор в розыске). Дали по два года каждому, взяли под стражу в зале суда, вдогонку — многомиллионный иск. Молодец Евгений Петрович — он там и обналом хорошо занимался, и всякими зарплатными схемами, но вышел из ситуации потерпевшим. Следователи потом откровенно Вике говорили: да везде так, схема известная, просто он первым на вас заявление написал, а могли бы и вы на него.

Сейчас, уже после отсидки, Вика сильно поумнела, она понимает, что Евгений Петрович дружил не только с застройщиком, но и с ОБЭП, без доверительных, теплых отношений такие номера не проходят.

Дело было в Западном округе Москвы, но я уверяю вас, что таких дел — десятки за год только на Москву. Так работает ЖКХ, золотое дно для

разворотливых людей. А Вика отсидела до звонка, год социализировалась, вышла замуж, родила прекрасного мальчика и в бухгалтерию больше — ни ногой.

Костик

Костик — обыкновенный положительный юноша, из хорошей рабочей

семьи. Голубоглазый блондин невеликого роста, subtilный такой. Родился, чему-то там учился, работал на заводе, не пил и даже не курил. Встретил Таню — subtilную голубоглазую блондинку, закрутилось там у них, завертелось, решили жениться.

Вот тут-то и выяснилось, что Костик попал в высшее общество. Папа Тани оказался ректором негосударственного университета финансов, профсоюзов, юриспруденции, управления и туризма, а также главой отделения партии КПРФ крупного уральского города, где и проживали все герои этой истории. Мама Тани была профсоюзным деятелем и деканом негосударственного университета финансов, профсоюзов и туризма, а также прочих примкнувших полезных специальностей. А Таня в этом университете возглавляла учебную часть.

Таня была единственной дочерью ректора и декана. И да — не о таком они мечтали зяте. Но люди воспитанные, к тому же дело молодое, наживное, и уж не коммунисту воротиться от рабочей семьи. Приняли, приласкали, купили молодым малогабаритную двушку.

Костик поступил в негосударственный университет, и вскоре у него было уже несколько дипломов о высшем образовании: в области финансов, юриспруденции, управления и профсоюзов, а туризмом решили манкировать, не век же ему учиться.

Костик оказался хорошим зятем, внимательным и послушным. А Танюша всем на радость быстро родила двух деточек-погодков, мальчика и девочку. Костик остался работать на родном заводе и, как человек непьющий и отягощенный несколькими высшими образованиями, дослужился до начальника цеха и быстро шел в гору.

Все кончилось в один день. Наверняка это была пятница, 13-е, хотя история о таких подробностях умалчивает.

Костик пришел с работы домой странный. И купали вместе с Таней детей, уложили, сели пить чай перед телевизором. И тут Костик сказал Тане, что встретил и полюбил другую женщину. Да так полюбил, что вскоре у них родится ребеночек. Прощай, Таня. Я буду помогать и тебе, и детям.

Ааааааах. Уууууух, что тут началось. Буря, скандал, сервиз, валидол, звонок папе. Мы проклинаяем тебя, неблагодарный. Не смей являться.

В общем, ожидаемо в такой ситуации. “Мы его, можно сказать, на помойке нашли, а он теперь нам фигамы рисует”, как сказал классик.

Костик ушел налегке и предпочел переждать бурю в новой гавани.

Новая гавань звалась Дианой, и была она subtilной голубоглазой блондинкой. Многие удивлялись, зачем Костик сделал такой решительный

выбор — внешне Таня и Диана были похожи, как башни-близнецы. Диана была разведена, воспитывала двоих детей и вот теперь была беременна третьим, от Кости, который собирался развестись с Таней и жениться на Диане. Как-то, значит, он их различал. Диана трудилась заместителем начальника цеха, то есть Костика, это был производственный роман: “Дело было на заводе у прядильного станка, где родную песнь заводит зов привычного гудка”.

Но семья Тани оказалась оскорблена не на шутку. Все последующие годы прошли под знаком вендетты.

Бытовые подробности вендетты с выбрасыванием чемоданов и запретом общаться с детьми живописать скучно — на любой лавочке любая пенсионерка расскажет вам детали и не ошибется ни на йоту: вот он, жизненный опыт. Однако кое-какие штрихи борьбы с бывшим зятем были новаторскими — ректор с деканом (особенно декан) твердо решили Костика посадить.

Почти десять лет длилась эта канитель. И прокурор уральского крупного промышленного центра, и все судьи уже знали ситуацию с Костиком наизусть. Бывшая теща писала на него заявление за заявлением. То обвиняла его в вымогательстве, то в нанесении побоев, один раз дело даже дошло до заведения уголовки и суда над Костей, обвиненного на сей раз в мошенничестве, но Костик был далек от сфер денежных потоков, как от луны, так что его даже оправдали прямо в зале суда за отсутствием события преступления. Ну чего к парню пристали — и так всем все ясно.

Пока однажды не случилось настоящей беды. Таня принесла в полицию заявление о педофилии. Так, мол, и так, дорогие товарищи: десять лет назад, когда нашим детям был годик и два годика, папа показывал детям писю.

Полицейские вздохнули и пошли в цех задерживать Костика.

Прокурор вздохнул и поддержал арест Кости.

Судья вздохнула и санкционировала арест Константина.

А тюремщики не вздохнули, они и не такое видали — приняли Константина Николаевича, выдали баланды, сиди жди судебного следствия.

Весь цех в полном составе вместе с заводоуправлением пришли к популярному мэру крупного уральского промышленного центра и рассказали ему эту историю. Популярный мэр вник, взял юриста, уполномоченного по правам взял и пошел к городскому прокурору. Прокурор сразу сказал:

— Тут дурных нет. Все всё понимают. Однако ж заявление про педофилию безотзывное. Если я ему ход не дам — мне ход дадут пинком

под жопу с ускорением.

Ну, понятно. Собрали денег на лучшего адвоката, из Москвы выписали. Правда, поздно сообразили, дело к концу шло. На суд ходила и Диана, когда маленький Константин Константинович в школе был. С другого конца лавки для слушателей сидела Таня, выглядела несчастной, часто и декан и ректором захаживали — постаревшие, но довольные. Их внуки специальным образом допрашивались, ничего интересного и сногсшибательного не сказали, ну так и понятно. У них начались проблемы в школе, особенно с общением, перевели в другую, по психоневрологическим докторам их сейчас водят.

Костику дали 14 лет строгого режима. Московский хороший адвокат сильно впрягся, и на апелляции снизили срок до семи лет. Так всегда бывает, когда судьи видят невиновного по такой статье осужденного: отпустить не могут по причине, сформулированной емко прокурором, но в два раза снижают.

Костик всего этого не выдержал и повесился в тюрьме сразу после апелляции. Отец Кости уехал за правдой в Москву, обивает пороги всяких серых учреждений. А мать ушла в монастырь.

Бывшая теща Костика и ректор негосударственного университета финансов, юриспруденции, управления, профсоюзов и туризма зациклились на фразе: “Будет теперь знать...”

Саша и Даша

Сан Саныча давно уже не звали Сашей. Сан Саныч мужчина солидный, за полтинничек, плотный такой, сильно лысоватый, крепкий, как малосольный огурчик. Сан Саныч происходил из хорошей семьи высшего руководства Минсредмаша СССР, его славные предки крепили обороноспособность, а потому наследство у Сан Саныча тоже было солидное — помимо хорошего образования, еще и старые связи, еще и всякие квартиры-дачи в самых изумительных местах столицы нашей Родины и прилежащих к ней академических поселках. Сан Саныч удачно женился на красивой и умной министерской дочке, а сам занимался бизнесом, связанным со всякими прекрасными технологиями. Этот бизнес все больше и больше курировался околосиловыми структурами, никак Сан

Санычу не чуждыми, где встречались ему в основном дети папиных коллег, да и уважаемый тесть помогал. Но все мы стареем, конечно, и страна меняется, и нет уже былого уважения к ветеранам Минсредмаша СССР. В общем, однажды на Сашин бизнес наехали.

Люди, надо сказать, наехали серьезные — действующий полковник со связями, герой первой чеченской кампании, у него потом при обыске половину коллекции Грозненского музея найдут и картину Тропинина под диваном. Люди хотели понятного — денег за крышевание, и Сан Саныч накатал заявление про вымогательство. Полковника взяли с поличным, вот тогда и случился у него обыск. Арестовали, посадили в тюрьму, дело к суду шло, и тут Сан Саныч легкомысленно вообразил, что проблемы у него закончились. А если не закончились, то он ход дела вполне себе контролирует, пользуясь своими старыми и новыми надежными связями.

Зря Сан Саныч расслабился и не напрягся даже тогда, когда добрые люди из Следственного комитета рассказали ему, что провели оперативно-следственные мероприятия, в результате которых на свет появилась некая запись разговора двух мужчин, оба посредники, один от полковника, второй от прокуратуры, причем генеральной, и в разговоре этом один обещает другому два с половиной миллиона долларов за то, что полковника отпустят на все четыре стороны, а Сан Саныча на его место посадят.

Сан Санычу даже подарили диск на память с записью этого разговора.

А Сан Саныч не понял, что это был не подарок, а деловое предложение: мол, люди суетятся, хорошие деньги предлагают, а ты перекупил бы, мил человек. Может, кстати, и понял, но не внял: решил, что есть запись, есть оперативно-следственные действия, кто ж его теперь тронет.

Наивность, неопытность, легкомыслие и вера в логику и факты сгубили Сан Саныча так, как это и случается с людьми, далекими от ежедневного будничного труда работников правоохранительного фронта.

Полковника после года в СИЗО выпустили под подписку о невыезде, да он и был таков, проживает сейчас в Португалии, открыл супермаркет в хорошем месте.

А дело немыслимым для Сан Саныча образом возбудили уже в отношении Сан Саныча.

Сан Саныч был единственный, кто не верил в возможность такого — и еще худшего — поворота событий. Сразу поверили в худшее жена и деловые партнеры. Жена быстро подписала с Сан Санычем кабальный брачный контракт (“на всякий случай”), и не успели высохнуть чернила на контракте, как она ушла, забрав все движимое и недвижимое имущество.

Примерно так же поступили и деловые партнеры. И довольно быстро Сан Саныч обнаружил себя подозреваемым, к тому же довольно бедным человеком, приехавшим на грязный строительный рынок в Подмоскowie с целью приобретения дюбелей и побелки для ремонта на скорую руку снятой скромной квартирki.

Кредитные карточки продавцы дюбелей и побелки не принимали, и Сан Саныч отправился искать обменник.

Миловидная юная блондинка в окошечке обменника подняла на Сан Саныча прозрачные серые глаза и спросила:

— Вам купюры помельче или покрупнее?

И Сан Саныч, крупный мужчина за полтинник с пузечком и лысиной, понял, что погиб. Нищий, обвиняемый, сильно немолодой, совсем еще недавно верный муж утонул в серых прозрачных глазах, не сделав попытки поискать спасателей.

Даша.

Через несколько лет, собираясь навестить Сан Саныча на зоне, я просила Дашу показать мне его фотографии. Даша мило смущалась. Достала телефон, протянула мне и сказала:

— Он только на вид такой вот. А на самом деле он восхитительный, тебе он очень понравится, ты же любишь умных и веселых.

Даже не то слово. Но тогда фотографии меня смутили. А встретила я потрясающего парня, да, умного и веселого, тонкого, делового, такого, знаете, надежного и непотопляемого. И неважно, сколько лет такому парню, есть ли у него пузечко и золотые кудри до плеч — ну хорош, прямо коллекционно хорош.

А Даша-то наша далеко не дура. Даша, маленькая девочка из южной провинции, без образования, денег и музеев Прадо в анамнезе, работавшая в обменнике на строительном рынке, — она его разглядела и оценила, и молодец.

Даша тоже втрескалась. Он, надо сказать, делал попытки ее остановить: мол, деточка, я же нищий. Я скоро сяду лет на пять. И вообще я формально еще женат, а ты дочка моей моложе. Но Даша была непреклонна.

Так Сан Саныч впервые за долгие годы стал Сашей и даже, я вам скажу, Санечкой.

Любовь на свободе была короткой. Саше дали семь лет строгого режима и отправили сидеть на север Урала. Запись разговора про подкуп прокурора подшили аккуратно в дело, но никакого впечатления она не произвела.

Уже на зону Саше пришли документы о разводе с женой, и Даша отправилась на краткое свидание делать Саше предложение руки и сердца. Саша был строг.

— Давай, девушка, ты будешь учиться, а не жениться.

А не на ту напал. Она ему — раз! — и два документа показывает: водительские права (пока он по этапам ездил, она школу вождения окончила) и студенческий, поступила девушка на вечерний в финансовый институт. Да, ростовские — они такие.

Женили их на далекой северной зоне долго и мучительно, расписали-таки в Касьянов день, 29 февраля. Котенка потом из зоны приволокла, воспитывает, белая такая кошечка с прозрачными серыми глазами.

Саша сидел до звонка, все семь лет, копейка в копейку. И было понятно, что никто его ни на какое условно-досрочное не отпустит. Такого зека поди поищи: он им там все хозяйство наладил, пруд выкопал, карпов развел, улья-пчелы-мед, передовая зона стала, на экспорт из кедрача евродрога гонит, за ними очередь стоит. Краса, гордость и передовик производства.

А Дашка окончила вуз, параллельно бизнесом занялась. Сняла сначала маленькую комнатку в парикмахерской, мелкую починку гардероба народу предлагала, дело пошло, потом парикмахерскую выкупила, потом еще одну и сеть салонов по мелкому ремонту всего на свете по всей Москве, все наши у нее и стригутся и ремонтируются. Маму из Ростова перевезла, а под конец купила небольшую квартирку — чтобы было, куда мужа привести, как откинется. И все у них хорошо. Смотрят друг на друга голубками, воркуют. А не было бы счастья — да несчастье помогло.

Танечка

История Танечки началась давным-давно, в позднем СССР. Танечка тогда была нежным подростком, читала хорошие книжки, благо в доме они водились — во времена всеобщего дефицита им с мамой жилось полегче, и книжки были, и сапоги, мама была директором универмага в Одинцово. Тогда в Одинцово и не думали о том, что вскоре городок станет Рублевской столицей, как и Танечка никак не могла предположить, какой зигзаг готовит ей судьба.

Танечка была девочкой умной, красивой и серьезной, готовилась поступать на филфак в МГУ, ее заботливая мать уже организовала снабжение усиленным питанием репетиторов и приемную комиссию, но товары повседневного спроса — это группа риска, и он дал о себе знать. Ревизия, уголовное дело, поиски хорошего адвоката. Такого, чтобы не по объявлению, а по знакомству, чтобы все понимал и чтобы положительный опыт был решения торгово-ревизионных вопросов. И таковой нашелся.

Владислав Валерьевич Лопатин оценил ситуацию дорого. Но больше всего оценил он Танечку.

Танечка не проходила по рангу педофилической мечты зрелого адвоката — десятый класс, семнадцать лет, да бросьте. Конечно, Лопатин наметил себе Танечку на перевод из эротической мечты второго плана в категорию юной спутницы, но вполне мог позволить себе не форсировать события и на всякий случай подождать с полгода, чтобы Танечка отметила свои восемнадцать — без острой необходимости хороший адвокат Уголовный кодекс нарушать не будет. Дело Танечкиной *taman* обещало быть тягомотным, года на два-три, все заинтересованные лица (кроме *taman*) были настроены потянуть подольше, чтобы сдоить с такой сдобной универсамовской коровки баблосика до последней капли. И конечно, для Танечки вопрос с МГУ был закрыт — торговая *taman* под судом за растрату никогда не приветствовалась в главном вузе великой страны. Танечка смиренно поступила в сельскохозяйственный институт.

Тем временем краткую андроповскую борьбу с работниками советской торговли, утаивающими от прогрессивного человечества финские сапоги, венгерских кур и индийский чай, сменила перестройка, и вот уже они, лихие девяностые, нарисовались — фиг сотрешь. Танечка окончила свое сельское хозяйство, познала первого мужчину — разумеется, Лопатина, — и начала работать секретарем в его все более процветающей адвокатской конторе. *Maman* счастливо ушла на пенсию с закрытой уголовкой, благословляя мезальянс.

А Лопатин пошел по дороге, единственно ведущей тогда к большому

успеху, — стал работать с коптевской ОПГ или с ореховской, а может, даже с люберецкой, что за давностью лет забылось, хотя скорее всего это были подольские. Только не подумайте, что группировка крышевала адвокатский бизнес Лопатина — Владислав Валерьевич стал адвокатом дьявола, а вот крышу обеспечил себе другую, прокурорскую, что было исключительно разумно. Первоначальное сращивание бандитов с властью и превращение выживших в олигархов, депутатов и чиновников с одновременной легализацией капиталов шло именно по этому пути. Лопатин исправно заносил прокурорским долю, решал с ними вопросы и тер терки, договариваясь о закрытиях и открытиях уголовных дел, добиваясь оправдания виноватых и осуждения непричастных, и вскоре приступил к перекрестному опылению в кадровых вопросах. Он взял в свою контору нескольких прокурорских сынков, положив им прекрасные зарплаты и не обременяя обязанностями и время от времени подкладывая под них Танечку, которая прекрасно справлялась с жизненными уроками, пройдя хорошую школу, в которой не было про любовь и вздохи на скамейке. Здесь она была просто отличницей — умницей, красавицей, комсомолкой в душе, умела не задавать лишних вопросов и не трепаться в курилке с подружками, коих по мудрому совету Лопатина она так никогда и не завела.

Прокурорские сынки, постажировавшись в лопатинской конторе и покувыркавшись с красавицей Танечкой, уходили работать в прокуратуру, их папашки помогали им продвигаться по службе, а ОПГ обеспечивала бытовой комфорт. Однако народом они оказались капризным, неблагодарным и ненадежным, быстро меняющим хозяев и масть и забывающим кормившую их руку. И Лопатин сделал ставку на Танечку. Умна, послушна, цинична. Неразборчивая в связях тихушница, прекрасно осознающая, сколько тайно записанных порнографических пленочек с ее участием хранит в сейфе Лопатин. Не ее, конечно, писал — но вот и она пригодилась. И Лопатин решил двинуть Танечку в прокуратуру.

Сказано — сделано. Имея уже одно высшее образование — сельскохозяйственное, да природный ум и смекалку, да сына ректора юридической академии в качестве коллеги по работе в адвокатской конторе Лопатина и в качестве партнера в дружественном переписке, Танечка легко поступила в юридический и уже устраивалась на стажировку в прокуратуру, как случилось страшное.

Погиб Лопатин.

Его джип взорвали, когда Лопатин вместе с водителем выезжал со двора старого московского дома, где была адвокатская контора. Водитель погиб на месте, а Лопатин дожил до приезда скорой и умер уже в больнице.

Из конторы тогда выскочили все, кто там был — кроме Танечки. Мужчины сразу начали куда-то звонить, кто-то бегал с огнетушителем, женщины смачивали конторские полотенца водой и прикладывали к лопатинскому лбу, он сидел на заднем сиденье, весь белый и рваный, был в сознании, зажимал двумя руками разорванный живот и что-то пытался сказать. Танечка стояла у окна и не слишком потрясенно курила, наблюдая за суетой. Ей казалось, что Лопатин видит ее в окне, худую шатенку в кипенно-белой блузке, и пытается показать на нее глупым конторским курам, и сказать что-то, что до него, быть может, дошло. Танечка не слишком волновалась о том, что сможет сказать Лопатин перед смертью, и что до него наконец дошло, и дошло ли. Кому поручат расследовать нападение на Лопатина, Татьяна знала и не сомневалась, что сможет урегулировать проблемы, если они возникнут. А если Лопатин выживет, то быстро и с концами уедет или солнцевские взорвут его еще раз. Лопатин идиотом не был — хотя и проморгал ситуацию с происками конкурирующих ОПГ, а главное, с Танечкой; если выживет, второго шанса ждать не будет, свалит.

Но он не выжил. А у Танечки одной проблемой стало меньше. Все-таки, когда вырастешь, находишь свое место в жизни и собираешься достичь карьерных высот в прокуратуре, не стоит полагаться на молчание старых знакомых, в сейфе которых лежат порнографические пленочки с твоим участием. Они, кстати, потом исчезли куда-то совершенно бесследно, как не было.

А Танечка вскоре вышла замуж, и очень неплохо вышла. Мужа из балетных, заслуженных и орденосных, подбирал ей авторитетный коптевский жиган, который разбил бы ей сердце, если б она давно и прочно не взяла сферу “любовь” на жесткий контроль. Впрочем, нет, к Клычку — Володе Клыкову — она тянулась с какой-то липучей бабьей страстью и тоской, но осознавала это и не давала никому увидеть и почувствовать свою зазнобу. Вова был серьезным вором, готовился к легализации первичных капиталов и эмиграции, и Танечка понимала, что в его жизни места ей нет — если он когда-нибудь и пойдет под венец, то это будет династический брак с юной дочкой “Газпрома” или с депутатшей из хорошей семьи и с капиталом. Поэтому Танечка сама попросила Вову подобрать ей хорошую партию, когда поняла, что беременна. Клычок тоже все понял и оценил, а потому отнесся к подбору мужа ответственно.

Танечка хотела человека из мира искусства, но не голодранца, известного и неженатого, чтобы не связываться с младенцами от предыдущих браков и не уводить мужика из рыдающего стойла. Механизм

она себе примерно представляла: при подборе подходящей кандидатуры у нее — кандидатуры из шорт-листа — появляются проблемы с бандитами или с прокуратурой. Проблемы будут решены прокуратурой или бандитами соответственно, гонорар за решение вопроса — брак с Танечкой. Не то чтобы Танечка сама не могла выйти замуж — могла, однако круг ее ежедневного общения не выходил ровно из того же бермудского треугольника прокуроров, бандитов и адвокатов (то есть либо бывших бандитов, либо бывших прокуроров), а ей, во-первых, хотелось прекрасного, а во-вторых, в ее бермудском треугольнике все хорошо были знакомы с Танечкой и многие знали ее углубленно, что браку не способствует.

Клычок подобрал Танечке балетмейстера из Большого театра, человека заслуженного, возвышенного и убежденно неженатого по причине нетрадиционной сексуальной ориентации. Клычок был прогрессивным человеком, лишенным мелких тюремных предрассудков, к тому же он совсем не хотел, чтобы его женщину трахал какой-то хрен, которого он сам должен ей подобрать. Танечку такой вариант тоже устраивал, дело осталось за малым — собственно, за балетмейстером Юриком, который ни сном ни духом не подозревал, что судьба уже стучится в его дверь.

...Однажды рано утром Юрику позвонил Рафик, текущая любовь всей его жизни. Рафик всхлипывал и захлебывался, сказал, что у него обыск, нашли в холодильнике амфетамин и сейчас его забирают в тюрьму, где будут нещадно мучить, он там не выживет, он же красавчик, он открытый гей, его будут юзать вонючие грязные бандиты, по много раз, его надо спасти любой ценой. Юрик быстро проснулся и стал решать вопрос. Всего через месяц Рафика выпустили целым, невредимым и страшно запуганным, прокурорские жены, дети, тещи и любовницы поднасосались культурки и приобщились к волшебному миру искусства Большого театра, а понятливый Юрик подал с Танечкой заявление в ЗАГС.

Танечкина *tataп* была счастлива. Юрику тоже очень понравился новый статус и Танечкины возможности в прокуратуре. Рафик подружился с Танечкой, оценив ее ум, деликатность и красоту, а также полное непосягательство на интим в балете. Клычок наблюдал за идиллией издалека.

Танечка родила сына, которого чадолюбивый Юрик признал своим, равно как и Рафик. Разве что на берегу договорились: Юрик — папа, Рафик — дядя. Клычок в семью не лез, занимался своими делами, однако материальную часть вопроса поддерживал исправно.

Вскоре Танечка перешла из прокуратуры в федеральные судьи, а это

всерьез увеличивало возможности. Коптевская группировка к тому времени оказалась разгромленной, Клычок уехал в Испанию, но времена наступили новые, интересные, и грамотный уголовный судья в Москве имел дело не с бандюками и хануриками, а с предпринимателями, чиновниками, писателями, депутатами, блогерами и политиками. Танечка продолжала решать вопросы, когда надо — была беспощадной, вовремя проявляла гуманизм, перед лицом начальства вид имела скромный и послушный, поддерживала ровные отношения с коллегами, а также смежниками из прокуратуры, СК и ФСБ. Смежники Танюше доверяли безраздельно: однажды Танечке надо было судить одного бизнесмена, за которого, судя по всему, хорошо занесли — не Танечке, нет, она не брала так по-глупому, да и хватало ей на жизнь с Большим театром и переводами из Испании. Занесли, как видела Танечка из дела, прокурорским. Смежникам. А в деле, как назло, оперативная аудиозапись — это конкурирующая фирма постаралась: следователи вели прокурорских, вот и попала запись в дело, а там, в записи, один арестованный полковник ФСБ через посредника договаривается за два миллиона долларов заноса заместителю прокурора поменять его, полковника местами с потерпевшим. Танюша судила строго по закону, а решение вынесла по понятиям. Аудиозапись аккуратно в дело подшила, а бизнесмена на семь лет в лагеря отправила. То есть семь лет дала от смежников, а строгость от себя добавила: очень ее девочка юная раздражала, которая к бизнесмену на суд приходила, смотрела на него влюбленными коровьими глазами, а ведь Танечка дело читала, видела — женат парень, и не меньше чем вдвое старше, и разорен дотла. Иди, девочка, не жди его, потом мне еще “спасибо” скажешь. Сейчас-то ты судью проклинаешь, а потом поймешь, детка, что Танечка, бизнесмена посадив, тебя освободила.

Но вообще Танечку раздражали картины чужой любви. Не то чтоб она на это специально внимание обращала, но раздражало.

Однажды ей позвонили сверху, из Мосгорсуда, и сказали, что расписали на нее дело — сложное, но она справится. Запрос на экстрадицию, не отдавать — за человека высшие силы хлопочут. Не отдавать так не отдавать.

Когда пришло дело, Танечка не ожидала, что чуть не вскрикнет. Сдержалась, конечно, но внезапно полоснуло сталью где-то внутри, там, где горячо и живо. Клыков В. В., 45 лет, арестован по запросу Испании, содержится в Бутырском следственном изоляторе, обвиняется в вымогательстве, мошенничестве, отмывании денег, полученных преступным путем.

Потом ей позвонили из центрального аппарата “Единой России”, какой-то секретарь, просил выписать разрешение на свидание жене Клыкова В. В.

— Да вы ее знаете, Татьяна Вячеславовна! Она наш депутат в Госдуме, солистка Большого театра!

— Балет? — сухо спросила Танечка.

— Ну что вы, Татьяна Вячеславовна! Вы, наверное, давно в Большом театре не были. Но это дело поправимое, вот пообщаетесь с Марьей Николаевной, нашим депутатом и солистом, нашей во всех отношениях дивой, она вас с удовольствием пригласит. Наш депутат Марья Николаевна человек известный, она же еще дочка актрисы Аксаковой — помните, она в “Щелкунчике” мышь играла? Очаровательная семья, они вам очень понравятся! И потом, войдите в положение! У Марьи Николаевны двое маленьких деток от Владимира Владимировича!

— Простите, от кого?

— От Клыкова, конечно, от кого же еще? — хохотнули в трубке, пока Танечка все больше деревенела, как девочка в какой-то страшной сказке, которая то ли нагрубила старушке, то ли еще что, но постепенно деревенела снизу вверх, вот как Танечка сейчас.

— Брак оформлен? — спросила Танечка голосом треснувшей березы верещавшего секретаря центрального аппарата “Единой России”.

— Татьяна Вячеславовна, ну мы же с вами современные люди! Нет, не оформляла Марья Николаевна брак, но ведь любви это не помеха... Неужели для того, чтобы женщине сходить на свидание в тюрьму к отцу своих детей, надо обязательно сходить в ЗАГС?

— Закон один для всех. Всего хорошего.

И нажала отбой. Идиоты. Как они там у себя в Думе ложку мимо рта не проносят? Почитали бы законы для разнообразия. Депутату для прохода в тюрьму не нужно разрешения судьи. Если, конечно, они и в самом деле за разрешением звонили, а не показать лишний раз, что дело у них “на контроле”.

Танечка заварила себе растворимого судейского кофе и открыла дело Клыкова В. В. Холост. Безработный. Имеет на иждивении двух несовершеннолетних детей. Год рождения старшего совпадал с годом рождения сына Танечки. Только у Танечки в апреле, а этот в июне.

Танечку затошнило. Резануло в желудке, потом защемило где-то в груди, ровно посередине, где у птиц и лодок киль. Танечка согнулась пополам и поняла, что тоскует. Что ей очень нужен обвиняемый Клыков В. В. немедленно и срочно, ей надо его увидеть, удержать, вернуть,

показать сына, он будет гордиться, она же лучше, чем оперная дива, знает она этих див из Большого по 10 копеек пучок. Нажарить котлет, отрастить жопу, гладить ему рубашки, засыпать на плече, ворчать на непарные носки. Пошли бы они все к чертям собачьим, разве не заслужила она, не отработала, разве не выстрадала простого? Она еще молода и лет 10 еще будет, они смогут. Она все сделает, она сильная. Он захочет, он оценит. Она бросит всё и всех. Сын поймет. Он так похож на отца.

И Танечка назначила судебное слушание. Как можно скорее. Увидеть его. Она как-то не подумала про нее — про Марью Николаевну Аксакову-Гольденбраун, депутата Госдумы и оперную приму. Когда Танечка вошла в зал суда, оперная прима, яркая красивая блондинка с очень полными губами, всем своим богатым телом прижималась к клетке, в которой спокойно стоял подсудимый Клыков В. В., положив протянутую сквозь решетку руку на картинно опущенную голову депутата Аксаковой-Гольденбраун. Танечке подсудимый слегка кивнул — как старой знакомой, как занятые люди кивают в ресторане знакомой приятной официантке: “Деточка, рад тебя видеть, но не до тебя”.

Танечка сухо призвала в порядку и провела процесс в одно заседание. Первым делом она освободила из-под стражи подсудимого, страдающего тяжелым заболеванием верхних дыхательных путей — хроническим тонзиллитом. Пусть звучало это нелепо и издевательски над здравым смыслом, но Танечка знала, что опротестовывать ее сегодняшних решений никто не будет. Подсудимый вышел из клетки и сел рядом со своим адвокатом, напротив прокурора. Несколько раз он оборачивался и смотрел долгим взглядом на депутата. Аксакова-Гольденбраун млела. Танечка оттарабанила процесс быстро и безошибочно, почти не включая органы чувств. Вынесла ожидаемое решение: “В экстрадиции отказать”. Закрыла заседание, ушла к себе под бурные овации Аксаковой-Гольденбраун. Вскоре к Танечке зашел адвокат бывшего подсудимого, а ныне свободного человека Клыкова В. В.

— С вами приятно иметь дело, дорогая Татьяна Вячеславовна.

Танечка жестко отрезала:

— Вам нельзя здесь находиться.

Адвокат удивился и вышел. Они были хорошо, а однажды даже близко знакомы еще со времен начала право-пацанского бизнеса покойного Лопатина. Танечка ничего не чувствовала, совсем ничего. Ее это не пугало. Впереди была долгая понятная жизнь. Через год с небольшим ее назначили председателем суда, впереди маячил Мосгор. Пару раз безо всякого энтузиазма переспала со своим вялым предшественником на ответственном

посту — безо всякого удовольствия; от него пахло домашними варениками со шкварками, и это многое объясняло. Ее муж Юрик получил предложение возглавить труппу Донецкого театра оперы и балета и уехал с любимым Рафиком еще до Майдана и войны. Потом ему даже предлагали стать министром культуры ДНР, но Юрик с Рафиком предпочли перебраться в солнечную Камбоджу. Марья Николаевна в свете изменившихся политических обстоятельств оставила Клыкова В. В. и вышла замуж за разворотливого депутата из КПРФ. А Клыкова В. В. окончательно посадили лет через пять, в рамках расследования приключений Шакро Молодого. К Танечке он не обращался, но алименты все это время поступали на счет Танечкиной мамы — менялись банки и номера счетов, менялся курс рубля к доллару, но деньги приходили исправно, по фиксированной ставке, трешка у. е. в месяц одной суммой раз в год. Разные мысли приходили Танечке в голову про происхождение и назначение этих денег. Если они не перестанут приходить после того, как Танечкиному сыну исполнится 18 — значит, это не алименты. Но спросить Танечке все равно не у кого, да она бы и не стала.

Геройский Егор

В отделении полиции, где служит лейтенант Егор Коровин, все было как у всех. Ни хорошо, ни плохо, без фанатизма и особенных извращений — никто бутылок в задницы задержанным не засовывал, но на растяжке

пару граждан подвешивали морской звездой, было дело: один попался просто буйный, а другой жену увел у начальника отделения, ну и повисел три дня в рамках семейной драмы, потом майорова жена скандалила, вызволяла любовничка, а майор Луценко успокоился с паспортисткой.

Егор же готовил себя к подвигу. Ментом себя даже по пьяни не называл — он полицейский, и профессию свою уважал. Часто представлял себя в перестрелке с бандитами, и как потом он в Кремле, и показывают в программе “Время”, как у него рука на черной перевязи, и он, чуть прихрамывая, с прямой спиной, подходит к президенту, и тот прикалывает ему на грудь орден, а сам так улыбается отечески, и морщинки солнышком вокруг мудрых серо-голубых глаз. Или вот разоблачение шпионского гнезда на заводе Дегтярева — тоже хорошо. Вот бьется местное УФСБ, чует, что уходят военные секреты из города Коврова, с оборонного завода имени Дегтярева, прямиком в пиндосское посольство, а накрыть с личным не может. И вот Егорово дежурство, и тревожный звонок, он едет на вызов, и накрывает посла с заводским инженером, а в руках у них чертежи и шпионский камень, например. Потом приезжает съемочная группа Аркадия Мамонтова, и он так все рассказывает, и рукой так красиво покажет, а у них потом еще будет документальная реконструкция, а он подпишет контракт — мол, разрешаю использовать свой образ. Ну еще, конечно, можно девочку на пожаре спасти. С котенком. Тоже неплохо, хотя и немного местечково, ну да лиха беда начало. Можно с котенка начать, а потом пиндосского посла взять.

В жизни всегда есть место подвигу. А также кто ищет, тот всегда найдет. И однажды Егор Коровин сделал это.

Дело было в марте, у Егора был законный выходной. Егор пригласил девушку в кафе-пельменную “Агора” у вокзала — приличное заведение, днем детские праздники, семейный досуг, вечером тоже в основном отдыхают пары и дружеские компании, не без водки, но без мордобоя. Девушка Егору нравилась, но пока без фанатизма, он подбирал себе вторую половину осторожно, без ненужных обязательств. Искал такую, чтобы хорошо смотрелась женой героя в Кремлевском зале, чтобы смотрела влюбленно, была одета прилично, чтобы в документальном фильме про героя с улыбкой варила борщ на чистой кухне, чтобы сзади занавесочки в клетку — мол, хоть и Ковров, а вот лучше, чем в Европе живем, можно к тому времени чтобы пухлый младенец сидел на стульчике и умильно улыбался в камеру. Девушка Катя из цветочного салона “Флора” подходила под образ отчасти: во-первых, курила, а в кадре это нельзя, а во-вторых, у нее были ногти. Знаете, такие, каких Егор внутренне как-то побаивался:

длинные, блестящие, на них всякие сложные рисунки, которые ни фига не повторяются. Насчет курения некурящий Егор пока не определился. С одной стороны, ему нравилось, когда в старых фильмах красивая актриса в минуту душевного волнения закуривает тонкую сигарету, это смотрелось изящно. С другой стороны, сам он таких женщин пока не встречал, а местные курящие девушки отчего-то казались ему, как говорила его мама, задрыгами. А вот ногти точно не предполагали ни борща, ни умильного младенца. Однако перед свадьбой можно поставить условие: или я, или ногти. Если любит — сострижет.

В общем, это было первое оценочное свидание с Катей, которое могло оказаться и последним, у Егора уже было такое раз десять. Она могла некрасиво напиться, или начать рассказывать матерные анекдоты, или, например, она могла оказаться матерью-одиночкой, чего никак не одобряла мама Егора, да и сам он как-то не очень представлял себя в роли отца совсем чужого незнакомого ребенка. Впрочем, у вечера могло оказаться и чисто постельное продолжение, чего Егор тоже не исключал, а потому рассматривал ужин как инвестицию, с потребностями молодого мужского организма тоже надо как-то справляться.

Катя пока держалась. Говорила мало, улыбалась скупой, Егор даже занудливо к этому привязался, мол, отчего это девушка не улыбается, и ему дали понять, что это девушка из высшего общества, которой просто не повезло родиться в Коврове; Егору это понравилось, не балаболка какая, не будет призывно улыбаться кому попало и вообще девушка с амбициями, как и Егор. Но разговор не клеился, Катя не хотела пельменей, а хотела суши и коктейль, и Егор туманно намекнул Кате на Москву — мол, прокатимся как-нибудь на “Стриже”, Егор и сам любит хорошие московские суши. Еще в музей можно сходить и в мультиплекс.

На улице что-то зашумели. Для субботнего вечера нормально, к тому ж дверь с дверью рядом с “Агорой” аптека, а там алкаши настойку боярышника берут, кто совсем уже синий, тут всякое бывает. Но шумели сильно, и к порядку можно было бы призвать, Егор хоть и не в форме, а корочки всегда при себе, к тому же на Катю хотелось произвести впечатление. Егор галантно извинился и вышел на крыльцо.

Крик стоял не у аптеки, а рядом во дворе. Судя по звукам, это был сильный семейный скандал, перенесшийся из квартиры во двор. Орала несколько женщин и агрессивный пьяный мужик. Егор завернул за угол. Картина была эпической: по двору бегал расхристанный здоровенный парень в одном изодранном тряпочном тапке, изо рта капала пена, переходящая в слюну, в руках у него был топор. Парень вращал глазами,

нечленораздельно вопил, отчетливо выговаривая только “С-с-с-сука, мля!” и кого-то искал. Искать активнее ему мешали штаны, мотней болтавшиеся ниже ягодиц, парень наконец от них избавился, оставшись в несвежих семейных трусах. У подъезда выстроились несколько бабок, издали утешавшие парня: “Коль, да посодют же тебя! Иди проспись, Коль!” Всмотревшись в темноту, Егор увидел что-то белое на грязном мартовском снегу. У гаража, вжавшись спиной в стену, за которой ее не видел Коля, сидела полная женщина, вроде молодая, тоже босая, в одном коротком халате, в каких работают в Коврове парикмахерши, ее очень белые ноги почти светились в темноте. Егор услышал, как она громко всхлипывает. Коля с топором тоже это услышал и рванул к гаражу, заноса по дороге топор.

Бабки истошно завопили, обозначая кульминацию. Егор ринулся с места — “бросился наперерез убийце”, почему-то мелькнул у него в голове дурацкий газетный заголовок с собственным портретом под ним, но с траурным перечеркнутым углом, что в его планы не входило, — но остановиться было почему-то невозможно. И ни фиги не “наперерез”, подумалось Егору, если б “наперерез”, то он бы не успел. Он кинулся к тетке с белыми ногами и чуть правее, потому что тетка тоже поняла, что к ней несется Коля с топором, сорвалась с места и побежала не на улицу, вон со двора, а в угол между соседней гаражной стеной и забором, будто там была норка, а она мышка. Но норки не было, тетка заголосила, задрала ноги, забившись в угол, выставив вперед руки, защищаясь от Колиного топора, а тот уже замахнулся, готовый превратить все это в крошево, которое облегчит его белогорячую душу. И тут Егор прыгнул. “Как в замедленном кино пронеслась перед ним его молодая жизнь”, опять газетной строчкой подумал Егор, осознавая, что ничего она и не пронеслась, а все эти секунды он помнил про новые свитер и джинсы, джинсы отстираются, а вот свитер за три косяра точно сядет, если стирать, надо в химчистку нести, да и не факт, что возьмут.

Егор повалил парня и тут же осознал, что траурная рамка сильно приблизилась к послезавтрашней газете. Коля был сильно больше Егора. К тому же Егор успел за вечер выпить стакан пива, а Коля явно принял что-то необычное и возбуждающее. Коля лягнул Егора, Егор ухватился за Колину ногу, Коля повернулся, и обрушил топор на Егора. Егор осознал это позже, а в тот момент он воспользовался Колиным промахом, повалил его и схватил руку с топором. В горизонтальном состоянии Коля внезапно затих и засопел.

Давид поборол Голиафа.

Вскоре бабки приволокли Егору полотенца, Егор связал руки Коле, вызвал патрульную машину, составил рапорт, и Колю отправили отдыхать до утра в обезьянник.

Егор взял объяснительную с тетки в парикмахерском пеньюаре, из которой следовало очевидное: сожитель откинулся, совместное распитие, потом загул, потом ссора и примирение, еще выпили, внезапно вот это вот все, потом топор и героический Егор.

Когда Егор вернулся в пельменную-кафе “Агора”, Кати уже не было. На звонки она не отвечала, но Егор не стал отвлекаться на пустяки, выпил чаю и лег спать. С утра нужно было ехать в отделение. Каким-то неизвестным чувством Егор понимал, что передовицы в “Ковровской правде” не будет, да это, может, и к лучшему, но на благодарность от начальства он твердо рассчитывал и хотел достойно нести свои маленькие, но заслуженные лавры.

Родимый околоток встретил Егора вяло. Ничто не отличало это утро от сотен других. Егор чувствовал себя тайным именинником и прикидывал, как будет себя вести после того, как начальство перед строем объявит ему благодарность, а то и скажет о представлении к премии или даже награде: как скромно будет молчать, вытянувшись в красивую струнку, как в наступившей тишине отчетливо, не очень громко и не очень тихо, весомо и с небольшой паузой в середине произнесет “Служу... России!” Как будет отмалчиваться и отмахиваться от просьб сослуживцев рассказать подробности, а потом тихо даст денег сержанту, чтобы он сбегал в магазин за скромной выпивкой-закуской: никакой водки, немного игристого вина, колбасная и сырная нарезка, батон, виноград и конфеты. Нет, без сержанта, он сам тихонько отлучится в обед и сам все сюрпризно купит. А уже потом, после первого бокала (вот, и надо записать себе: купить одноразовых бокалов на ножке) станет рассказывать, как оно все было: сначала скупыми словами, потом добавлять подробностей, но одергивая себя, чтоб не вышло, как у капитана Семенова, когда он про рыбалку или про баню с девками рассказывает.

Время медленно текло к обеду, Егор пытался особенно сосредоточенно занять себя текущей бумажной работой, и не показать никому, что он чего-то ждет. И вот оно, раздалось: начальник отделения майор Луценко лично позвонил лейтенанту Коровину с коротким “зайди-ка”.

Коровин встал, поправил бумаги на столе, надел фуражку, почувствовал, что ему мешают руки и надо бы взять, что ли, планшет, но это как-то совсем глупо, пошел так, сам на себя удивляясь, что идет строевым шагом и выглядит это глупо. Надо было отрепетировать

“деловую походку лейтенанта Коровина”. Не забыть бы про это и уже потом, через недельку, приступить к репетициям, отработать выход — пригодится.

— Разрешите войти? — скромно, но четко произнес Коровин и сам на себя залюбовался — вход получился у него хорошо, это твердая пятерка.

— Ну заходи, каратэ-пацан... — довольно мрачно ответил майор Луценко, и Коровин удивился.

— Что, лейтенант, доволен? Покрасовался перед бабками? Вмешался в семейный конфликт, спас гражданку от топора? Тебя в участковые перевести, дядя Степа хренов?

Егор Коровин не верил своим ушам. Он почувствовал, как к голове прилила кровь и в висках что-то запульсировало.

— Ты, лейтенант, когда работать научишься? Все отделение вниз тянешь, показатели срываешь. Какой у отделения главный показатель? Какой, спрашиваю?

— Раскрываемость... — Егор уже почти что лепетал, хотя все еще не мог взять в толк, чем провинился и куда клонит начальство.

— Тяжких и особо тяжких преступлений! Убийств! Изнасилований! Тяжвреда здоровью! — майор Луценко негодовал и начал покрываться испариной, со всей очевидностью собираясь багроветь. Егорушка вжался спиной в стул и впервые в жизни заметил, что у него маленькая костлявая задница, которая, кажется, уменьшается в размерах прямо здесь и сейчас, ему уже больно сидеть на жестком стуле.

— Чего елозишь? Что б тебе вчера так не елозить? А поелозил бы маленько, подумал бы о показаниях отделения — и раскрыл бы на месте преступления по горячим следам убийство с особой жестокостью гражданки... как ее? ... сожителем Николаем Свиридовым, рецидивистом. Ну нет! Мы не будем думать о показателях, мы не будем думать об отделении, о товарищах своих! А будем думать задницей о своем героизме! Герой — жопа с дырой! Свиридов все равно по пьяни грохнет кого, не сегодня, так завтра, иди лови его с поличным. А тут все тебе на блюде: и на тебе, Коровин, топор. И на тебе, Коровин, свидетели. И на тебе, Коровин, жертва. И вот он злодей стоит, кровь с топора каплет. И тут ты героически его крутишь, преступление раскрываешь, показатели отделения расцветают, всем награды и премиальные. Но нет! Не таков лейтенант Коровин! Он из раскрытого убийства нам семейную драму в обезьяннике устроил! Вон же живая гражданка... как ее?... с утра за рецидивиста Свиридова пороги обивает, невиноватый, говорит, Николай Свиридов, претензий не имею, и вообще вмешался лейтенант Коровин в

нашу, говорит, частную жизнь. Ты видел когда, Коровин, чтоб жертва с топором в башке на тебя жаловаться в отделение приходила?

Егор все понял. Вот так, значит. Не учел. Вот что значит — опыт, молоток майор Луценко, здраво рассуждает. Да, мог же Егор вчера и убийство по горячим следам раскрыть — не дотумкал. Виноват. Майор увидел, что лейтенант соображает, смягчился.

— И вот еще что, лейтенант Коровин. На, почитай.

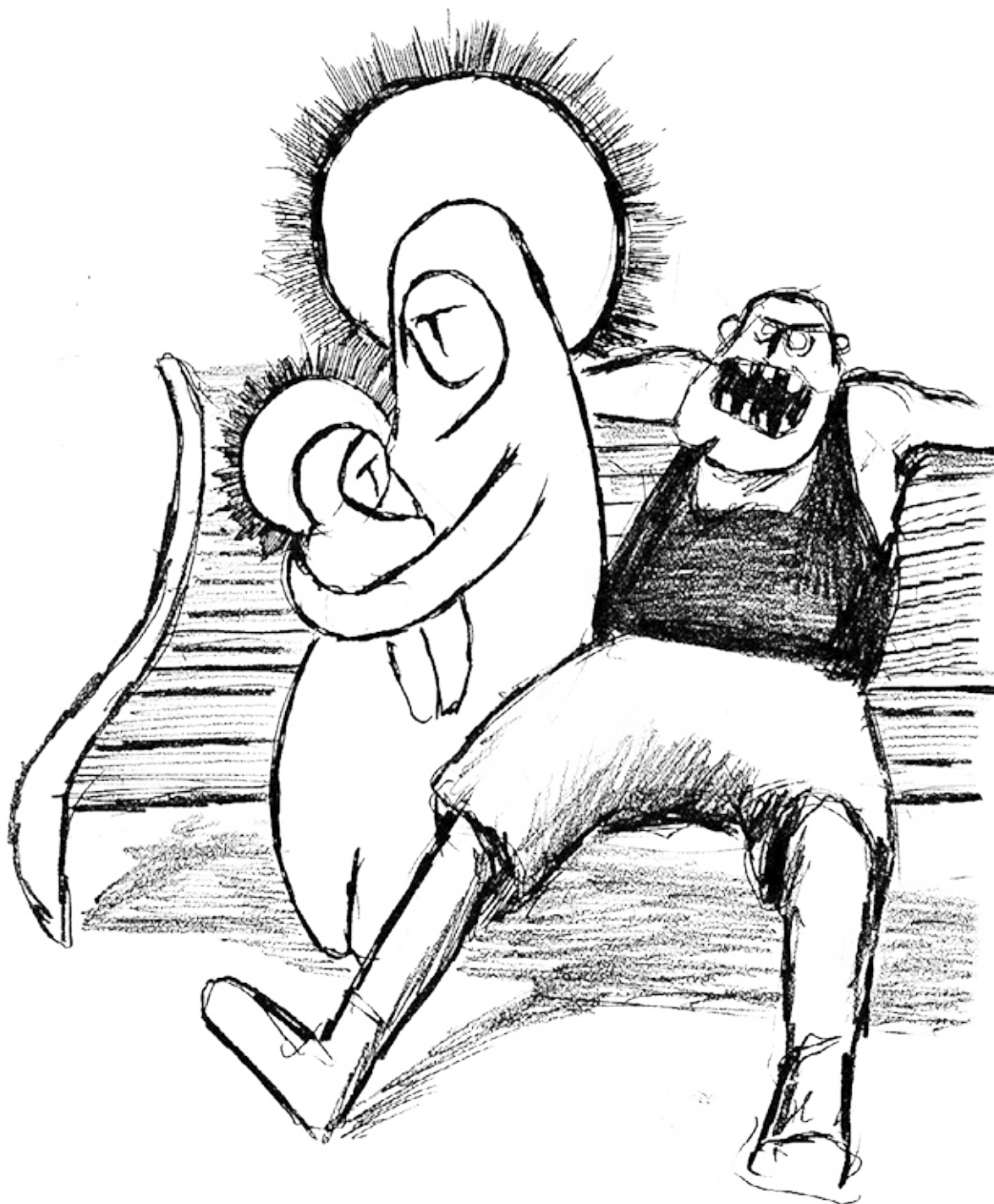
Майор Луценко протянул Егору тетрадный листочек в клеточку. Красивым девичьим почерком с завитушками там было выведено: “Заявление. Прошу принять меры к лейтенанту Егору Коровину, который мошенническим образом, прикрываясь служебным положением, пригласил меня в кафе “Агора” и скрылся, мотивируя ложной служебной необходимостью, принудив меня оплатить счет в размере 1264 руб. Потерпевшая Колесова Е. В.”

— Извините, товарищ майор, опять маху дал. — Егор уже повеселел, поняв, что на первый раз прощен.

— Ты парень холостой, всякое бывает, но там поаккуратней. Нам, служителям, так сказать, правопорядка, лучше из своих брать. Чтоб не было, так сказать, инсинуаций. Я в этой сфере и сам, так сказать, потерпевший. Ты вон к паспортисткам присмотрись, или в канцелярии у нас девки с понятиями. А то женятся на шалавах и начинают потом, так сказать, с топором бегать...

Хороший он мужик, майор Луценко. И смотрит уже на Егора так потечески, и лучики, как от солнышка, вокруг серо-голубых строгих и внимательных глаз.

Максим и Мадонна

Адвокат Лев Вячеславович страдал. Лев страдал душевно и

физически: душевно начал страдать, когда понял, что ему пора уходить из следственных органов, нехорошим это стало занятием, далеко не всегда честным и безукоризненным, а его знания и опыт — все ж дослужился до особо важных дел — всегда пригодятся в адвокатуре. А физически стал страдать после двух инфарктов, очень уж близко к сердцу принимал несправедливость и страдания невинно осужденных, для которых он ничего не мог сделать, как ни старался. Так Лев Вячеславович пришел к Богу, воцерковился, все хотел душу очистить, помогая несчастным, часто бесплатно, а груз на сердце и на душе все не уменьшался.

Однажды пришло к нему дело через НКО — чистая благотворительность. Обвиняемый — бывший профессиональный боксер Максим Губахин, ранее судимый за причинение вреда здоровью средней тяжести: драка, стало быть, из которой Максим вышел победителем, а к побежденному приехала скорая. Сейчас обвиняется в убийстве. Убитого Максим знал, когда-то вместе тренировались, находились друг с другом в неприязненных отношениях. Лев Вячеславович за такое дело и не взялся бы, здесь бы и государственным защитником обошлись бы, кабы не один малозаметный фактик, наличие которого мало кого в нашей системе спасало. У Максима Губахина было алиби: сам он утверждал, что был за пару сотен километров от места убийства, он в отпуск в девушкой ездил, которая может подтвердить и даже подтверждает, но девушка, конечно, не считается. У нас и не с таким алиби сажают, особенно после рецидива, и уж кто-кто, а Лев Вячеславович понимал это лучше многих.

В общем, надо было посмотреть на алиби, с девушкой поговорить, а там уж и понять, браться ли. Почувствует Лев Вячеславович, что есть алиби — возьмется, а на нет и суда нет. То есть наоборот.

Созвонился с девушкой, договорились о встрече. И вот в назначенный час она приехала в адвокатскую контору.

Когда она вошла, Лев Вячеславович оторопел. Нет, вы не подумайте — Лев Вячеславович вовсе не был охотником и ценителем женской красоты, он был глубоко, верно и преданно женат, да и вошедшая девушка не была красавицей в привычном смысле слова. Она была Девой Марией. Такой чистый собирательный образ Мадонны, Богородицы, Пресвятой Девы, Праматери Человеческой. К тому же, вспомнил Лев Вячеславович, он обращался к ней по телефону — Мария.

— Здравствуйте, Мария.

— Здравствуйте, Лев Вячеславович.

Тут Лев Вячеславович разглядел, что Мария беременна. И как-то окончательно разволновался, хотя помнил, что волноваться ему нельзя.

Мария была тиха, приветлива, на вопросы отвечала прямо и немногословно. И картина вырисовывалась простая и понятная: некий гражданин был забит до смерти в Подольске, подозреваемый Максим, ранее судимый, ныне содержащийся в СИЗО, имел с убитым давний конфликт, однако в день убийства находился с девушкой Марией в Минске, откуда к тому же много звонил (то есть надо запрашивать биллинг), где ходил с паспортом в обменный пункт (надо запрашивать банк) и покупал с паспортом билет на поезд. В Минске проживал у родни, чьи показания могут пригодиться, но их вряд ли посчитают объективными, зато у этой самой родни была большая пьянка с вызовом соседями милиции и проверкой паспортов у всех, включая Максима. Работы много, но оно того стоит: алиби получалось таким железобетонным, что дело могло и до суда не дойти.

Однако ж надо и с подозреваемым познакомиться. И Лев Вячеславович отправился в Можайск, в СИЗО.

— Здорово, дядя, — входя в следственный кабинет, весело сказал Льву Вячеславовичу некрасивый здоровенный детина с несоразмерно длинными руками.

— Что-то не припомню племянничка, — сухо отрезал Лев Вячеславович. Начало ему очень не понравилось. Но Максим Губахин на ходу переобулся, почуяв внутреннюю силу бывшего следака-важняка, и дальше вел себя более или менее прилично. Что Льву Вячеславовичу безусловно понравилось, так это то, как Максим спрашивал о Марии. Лев Вячеславович отметил, что ни Максим, ни сам Лев Вячеславович не называли Марию Машей. Не Маша она была, совсем не Маша. Мария. И Максим, хоть и показался Льву Вячеславовичу гопником натуральным обыкновенным, в собственном соку, все-таки смягчил немного Льва Вячеславовича. Если Мария любит Максима, значит, есть в нем что-то хорошее. Надо отбросить все сомнения и раздражения и вытаскивать парня, который попал в крупную переделку. Может, он и гопник, может, он и ошибался в жизни не раз, но убивать точно не убивал, в этом сомнений нет.

Лев Вячеславович впрягся в работу серьезно — впрочем, он всегда отличался въедливостью, скрупулезностью и почтением перед буквой закона, доводившими следователей, прокуроров и судей до нервных срывов. Он делал запросы, ездил в Минск, мотался к следователям, разговаривал с прокурорскими, доказывая, что дело Максима в суд отдавать нельзя, опозорятся — вот же у парня алиби. Следователь, молодой, упрямый и сильно неопытный, к общению с сильными и честными

адвокатами не привык и никак не мог взять в толк, чего ж Лев Вячеславович так за Максима хлопочет, какая ему разница, посадят его или нет. Посадят, как не посадить, никогда такого не было, чтобы после ареста и СИЗО отпускали просто так — да еще такого, без ресурса, без денег, без связей. Что ему, адвокату? Родственничек он ему? Вроде нет. Денег он точно ему не платит. Чего пристал?

Да, редкой птицей был адвокат Лев Вячеславович.

Тем временем обвинение Максима поступило от следствия в прокуратуру, прокуратура обвинение утвердила, и оно в итоге ушло в суд. Назначили предварительное заседание, и Лев Вячеславович позвонил Марии. Дескать, вот, Мария, приходите.

Ну да, мужчина есть мужчина. Лев Вячеславович не посчитал. Мария пришла в суд с младенцем. Не с кем оставить. Сикстинская Мадонна. Мадонна с цветком. Мария с младенцем, и так далее. Мальчик.

Обычно нельзя. Но Марию с младенцем до начала суда допустили к клетке, где сидел Максим. Грубый неандертальский мужчина с несоразмерно длинными руками обнимает через клетку Марию и младенца, Мария чуть прижимается к прутьям, чтобы отцу было удобней обнять сына. Все рыдают. Приставы отворачиваются и не видят вопиющего нарушения порядка. У кого-то чешутся глаза.

Кто-то деликатно закашлял, Мария с младенцем вышли из зала, вошел судья, ну и понеслось. Лев Вячеславович был в ударе, он был очень сильно вдохновлен. Судья по какой-то причине тоже заинтересовался делом, но на допрос не отправил. В другой раз Лев Вячеславович увидел бы здесь дурной знак, но не сейчас. На суд тоже сошло откровение, и Максима Губахина торжественно оправдали — в связи с отсутствием состава преступления, и вообще, алиби у человека. У дверей суда встречает Мадонна с младенцем, все обнимаются и поют осанну. Ну, почти поют и почти осанну.

Да вот, казалось бы, и все. И стали они жить-поживать да добра наживать. Ну да, конечно.

Максим так и не появился у Льва Вячеславовича, даже не позвонил с формальным “Спасибо, дорогой адвокат, что спасли меня”. Лев Вячеславович, собственно, и не ждал от Максима просветлений, но все же ему хотелось бы, чтобы муж Мадонны и отец младенца переменялся после темницы. Хотя по правде, конечно, его не отпускала тема Марии: очевидно же, кто она на самом деле, но что она здесь делает, для чего и для кого послана? Что должен усвоить он, адвокат Лев Вячеславович, который так ищет Бога, так желает очистить от скверны душу, замусоренную былыми

грехами, — не зря же ему послана Мария? Может, не настал еще конец его испытанию?

И Лев Вячеславович позвонил Марии.

Лев Вячеславович сказал почти все, что думал. Не позволяя себе, конечно, ничего личного. Что, мол, Максим больше года провел в тюрьме. И даже суд признал его невиновным. Что никаких доказательств по делу не было с самого начала. И что надо подавать в суд на реабилитацию и компенсацию. И что он, Лев Вячеславович, готов продолжать. В конце концов, в молодой семье деньги не лишние.

Мария выслушала отчего-то волнующегося Льва Вячеславовича спокойно и внимательно. Поблагодарила за участие в их судьбе теплыми простыми словами. Сказала, что попытается объяснить все это Максиму и он, Максим, перезвонит.

— А что, Максима нет дома? — удивился Лев Вячеславович, время-то он выбрал для звонка вечернее, чтобы наверняка была в сборе все семья, как полагается.

— Нет, его нет, — Мария явно не хотела вдаваться в подробности.

На следующий день сильно заинтересованный Максим перезвонил, и Лев Вячеславович снова взялся за дело. Собрал справки, написал запросы, составил исковое заявление, и в суд. Сам отслеживал движение дела по канцеляриям, поскольку на Максима и его оргспособности больших надежд не было. Лев Вячеславович, конечно, мог дать поручение Марии ходить на почту и проверять, не пришла ли повестка из суда, но обременять ее лишний раз не хотелось, ей и так досталось в последний год. И вот день судебного разбирательства по реабилитации Максима Губахина был назначен.

Максим явился в сопровождении какого-то хмыря вполне бандитской наружности.

— Другалёк мой, Костян, вместе на предварилровке парились, ща бизнес затеваем, — пояснил Максим.

Льву Вячеславовичу не хотелось связываться с идиотом из-за ерунды, в конце концов, он все это проделывал не для него. И даже не для Мадонны с младенцем, просто так надо было, Лев Вячеславович это твердо знал.

Процесс был тяжелым. С реабилитацией прошло нормально, а вот по сумме компенсации незаконно арестованному пришлось пободаться. Но в итоге Лев Вячеславович одержал полную победу: суд постановил выплатить Максиму 963 тысячи рублей.

Вышли из суда. Максим с Костяном уже тихонько терли свои какие-то терки. Опять же, обошлось без “спасибо”. Но как-то надо было

напутствовать на прощание остолопа.

— Ну что ж, Максим Павлович, поздравляю вас с очередной победой в суде. Постарайтесь больше не попадаться в поле зрения наших правоохранительных органов и поводов вами интересоваться им не давать. Надеюсь, что вы используете значительную сумму, которую вам сегодня присудили, прежде всего для нужд вашей семьи, вашего сына и Марии.

— А ты на что, дядя, намекаешь? — внезапно снова переобулся на ходу бывший подозреваемый, бывший обвиняемый, а ныне истец Максим Павлович Губахин. — Или ты, дядя, гонорару захотел? Эт мои деньги, так что варезку-то закрой. Или ты, дядя, на Машку глаз положил? Не Машкины эти бабки, она в тюрьме не парилась, но ты к ней подвали, дядя, шансы есть, от меня она свинтила с вещичками на выход. Адресок сказать?

Лев Вячеславович поставил на асфальт портфель и с оттяжкой и наслаждением, красиво отведя руку, сильно съездил Максу по морде. Макс остался недвижим, но откуда-то закапало красным. Мелкий Костян отскочил в сторонку и визгливо заматерился. Лев Вячеславович чуть помедлил, полюбовавшись на изумленную рожу Макса, и съездил ему еще разок. Не торопясь наклонился за портфелем, сказал: “Счастливо оставаться”, развернулся и пошел к автобусу. По дороге остановился, вытащил из кармана пиджака настоящий носовой платок, заботливо положенный любимой женой Олей, тщательно оттер правую руку. Увидел, что содрана кожа, поморщился. Только дня через два он вспомнил, что у него больное сердце и два инфаркта. И еще душа болела. А тут как рукой сняло.

Хадижат

Она вошла очень уверенно, как генерал в гарнизонный дом офицеров, где его не ждали. Мы в “Руси сидящей” с утра были в полном комплекте: какой-то был пересменок, кто-то вернулся из командировки в зону, кто-то монтировал большие съемки, кто-то закончил судебный процесс — и вот тут-то она и ворвалась в нашу жизнь. Уже потом, хорошо ее зная, мы все понимали: конечно, по-другому она явиться не могла. Ну разве что на грозовом облаке, с двумя-тремя молниями в руке.

Небольшая такая крепко сбитая бабуля. Причем с портфелем.
— Кто тут старший?

— Я старший. — Надо признаваться. — Хотите кофе? Или чаю?

— И кофе, и чаю, но в разные чашки.

Примерно через неделю выяснилось, что на самом деле она пьет кипяток. Но это уже совсем потом, когда она стала нашей бабушкой.

— Бери ручку, записывай. Меня зовут Хадижат Омарова. Теперь давай по слогам: Ха-ди-жат, с “т” на конце, как ваша “Тамара”. Омарова — как рак, это лангуст, но большой. Ты на Кипре была, лобстер знаешь? Вот как лобстер, только омар. Омарова.

Неплохое начало, я вам скажу. Хадижат пьет чай с кофе и уверенно раскладывает у меня на столе бумаги. Много бумаг, она очень хорошо в них ориентируется, хотя все они сложные — следственные, судебные, прокурорские, а вот целый том судмедэкспертизы. Дело об убийстве: убита молодая женщина, красавица на выданье Саида, много хороших женихов к ней сваталось. По подозрению в убийстве задержан, а потом осужден пастушок из села Геба. Это Дагестан.

Убитая красавица Саида и осужденный за ее убийство неграмотный пастушок — односельчане. И в селе Геба мало кто верит, что убил пастушок. И вот скинулись, послали Хадижат расследовать. Я вот почему пишу — “неграмотный”? Потому что время такое. Нельзя написать “деревенский дурачок” — засудят деревенские дурачки. И нельзя написать “юноша с особенностями развития” — засудят особенности развития. Пусть будет, как все — неграмотный.

А еще нельзя написать, почему для села Геба так важно выяснить, кто убил юную красавицу Саиду. Хадижат долго не хотела нам говорить, потом сказала. Это дело кровной мести. Пока пастушок сидит, нужно выяснить, он ли убил Саиду. Если он — горе его семье, горе его роду. Родня убитой Саиды должна вырезать родню пастушка. А родня пастушка... ну, вы поняли, и так до конца без конца.

Поэтому село должно доподлинно знать, кто убил Саиду, чтобы не было ошибки. Что там решил прокурор-шмокурор, никого не интересует — важна правда.

Пока я пытаюсь все это уложить в голове, Хадижат рассказывает мне фабулу дела и раскладывает бумаги. Очень грамотно излагает пока фабулу обвинения: вот место убийства, вот тело, вот нож, этот нашел тело, это следователь пришел, вот признательные показания пастушка.

— Стоп. Так он признался?

— Признался. Вот бумага. Сейчас закончу с фабулой обвинения и перейду к защите. Я сейчас покажу тебе, почему это не он сделал.

Так. Очень толково разбираем все-все-все. И что-то я не вижу, почему

бабушка Хадижат так уверенна, что это не он.

— Ай, ты не видишь! Ну ничего, ты же первый раз это дело читаешь. Видишь, как я его изучила? — А там на каждой странице много рукописных замечаний, это бабушка Хадижат писала). — Сейчас я покажу тебе. Вот смотри — ножик. Тут раны какие, смотри, судмедэксперт пишет: четыре сантиметра. А вот в вещдоках ножик — он больше двух сантиметров не сделает, видишь? А вот смотри, здесь они кровь брали: почему через четыре дня кровь свежая на одежде пастушка? А вот, видишь пятно на ковре? Это кровь. А девушку мертвую в подъезде нашли, там нет ковра. Этого человека, чей ковер, спрашивают, вот читай показания: откуда кровь? Он говорит — собака поранилась. И они не проводят экспертизу!

Да, действительно — косяков в деле много. Можно попробовать и взяться, но у нас и не с такими нестыковками закатывают. Вот у нас Вася есть Андриевский, его обвинили в убийстве, а в милиции (тогда еще милицией они назывались) трубу прорвало и вещдоки смыло; и даты не совпадают, убитая женщина еще два дня, судя по показаниям, в магазин ходила, по телефону звонила, но тогда у Васи было бы алиби, и потому по милицеским документам ее убили на всякий случай на два дня раньше. И посадили Васю, хотя и ЕСПЧ на его сторону встал, а все равно Вася 13 лет отмотал. Хороший, кстати, парень, чистое золото.

— А что, бабушка Хадижат, как с признанием-то пастушка быть?

— Так смотри. Мы даргинцы, у нас мягкого знака нет. Меня почему село Геба послало с этим делом в Москву? Потому что война была, большая война, великая, я сиротой осталась, и меня русские воспитали, Марья Семеновна и Василий Петрович, светлая память. Меня даже в селе русской звали. Я слышишь, как говорю хорошо? Я сорок лет старший экономист села Геба. А пастушок наш неграмотный совсем, а признание ты видишь, как написал? Везде, где надо, мягкий знак поставил. Видишь? “День”, “согласилась”, “изменилось”, “получилось” — у нас даже я не всегда так напишу, а мои отчеты ревизоры на ВДНХ посылали! А теперь смотри, вот это в протоколе пастушком написано “согласен” — ты же видишь, это другая рука?

Да, действительно. И много чего еще бабушка Хадижат в деле показала. Надо братья, конечно. Тем более с такой бабушкой.

— Скажи, Хадижат, а это первое твое дело?

— Э! Конечно, нет! У меня много было дел. Я тебе сейчас свое любимое расскажу. Это в чеченскую войну было. Спустился на нашу сторону ваххабит, встретил нашего односельчанина и убил его. Поймали, начали судить. На суде ваххабита спрашивают: “За что ты убил Магомета?”

А ваххабит отвечает: “Я такой иду, а этот Магомет меня встретил и сказал плохие слова на матерном языке про маму, про сестру, про женщин всяких, я не смог слушать — убил”. Прокурор встает и говорит: “Нельзя плохие слова говорить, так что ты убил Магомета в аффекте и давай садись на шесть лет”. Село зашумело — как на шесть лет за убийство Магомета, у него пятеро детей, почему шесть лет? Тут я встаю и говорю прокурору: “Прокурор, я маму твою, и сестру твою, и женщин всяких”, вот прямо на этом матерном языке прокурору это говорю. Прокурор как закричит: “Выведите эту женщину, она меня оскорбляет!” А-а, значит, вот как? Я тебя оскорбляю, а ты почему в меня не стреляешь, а? Ты стреляй давай, как тот ваххабит! А судья сказал: “Тетя Хадижат, нельзя в суде такие слова говорить!” — и дал ваххабиту 14 лет. И иск еще за потерю кормильца. А прокурор ушел из нашего района.

В общем, с Хадижат мы надолго. Дагестанская мисс Марпл, 80 лет красоте, удивит нас еще не однажды. Пришла тут сентябрьским утром, нас еще не было никого, ждет у порога. Первым комендант наш пришел, Вова-Жиган.

— Здравствуй, Жиганчик, дорогой! Список мне сейчас скорее давай.

— Какой список, бабушка Хадижат?

— Список всех евреев.

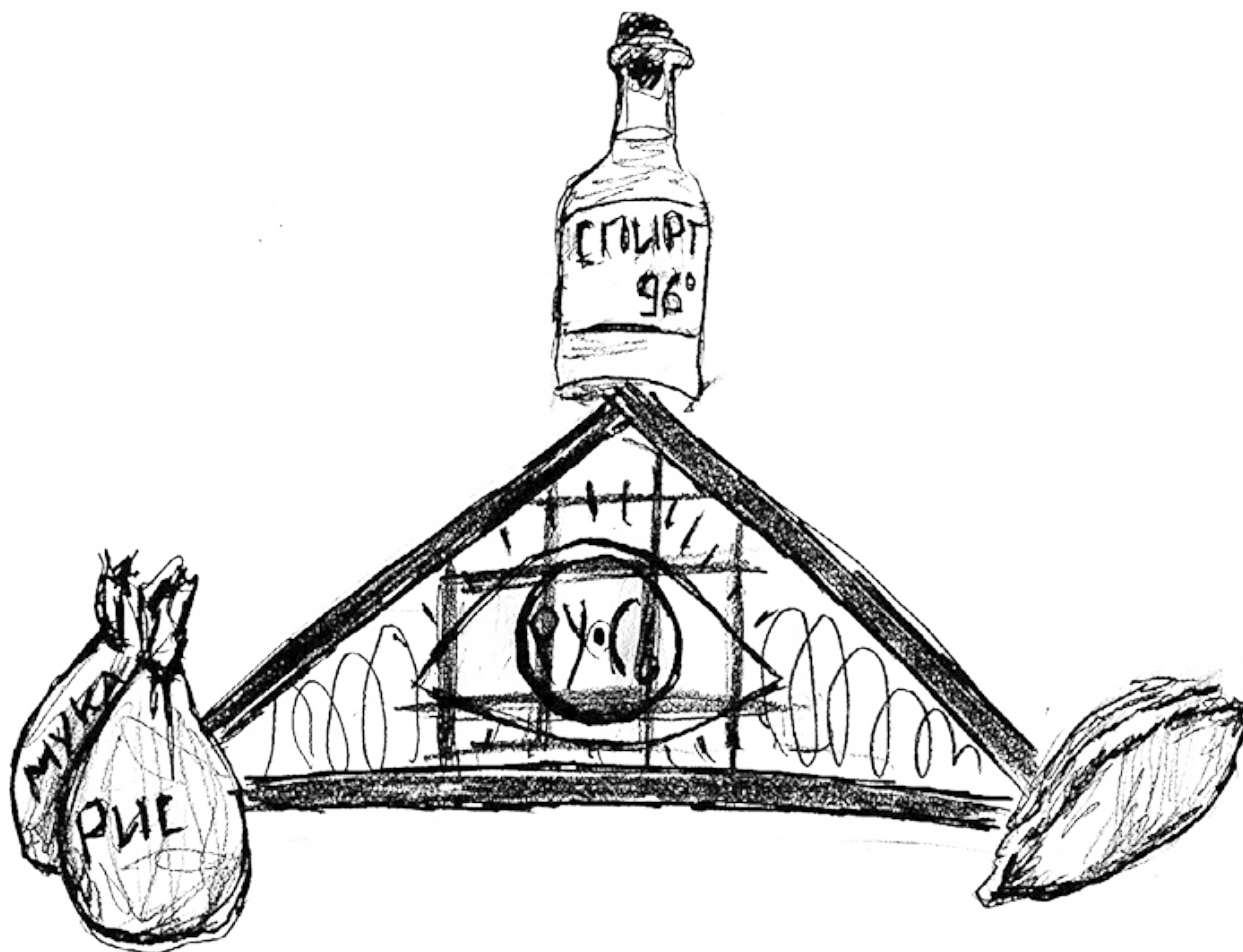
Тут даже Вова-Жиган растерялся, посадил бабушку Хадижат кипяток пить, а сам давай всем звонить: бабушка Хадижат пришла, требует список евреев.

Оказалось, бабушке Хадижат сказали, что все правозащитники — евреи. Хадижат запомнила. А потом прочитала на отрывном календаре: сегодня Рош ха-Шана, еврейский новый год. Ой! Большой, наверное, праздник. Бабушка Хадижат пошла в синагогу — спросить, что подарить на новый год правозащитникам. Ей в синагоге дали бесплатные билеты на новогодний еврейский концерт, и она пришла с ними к нам. В итоге в концерт с бабушкой Хадижат пошли Вова-Жиган с Ирой Шигабутдиновой, вот такое наше еврейское представительство, но всем понравилось, душевная, говорят, была музыка, жалостливая. А бабушка Хадижат даже плакала:

— Совсем как наши песни! Еще там парень был из Дагестана, совсем молодой — может, ему 70, а может и 80, как мне, красивый такой. Я его спрашиваю: “Ты зачем здесь?” А он говорит: “Я иудейского воспитания, я тат”, вот телефон мне на бумажке написал. Ты как думаешь — позвонить? Может девушка первая звонить парню? Нет, конечно. Ну ведь тат — еврей? Девушка, конечно, может первая звонить правозащитнику. Пусть меня

защищает. А я его с праздником поздравлю. Скажи, когда у евреев Рождество, если Новый год был три дня назад?

Валька

У Вальки два состояния: она либо рыдает, либо поет песни. Рыдает Валька в голос, с подвоем, разбрызгивая слезы, как крокодил в мультике. А вот песенное состояние у Вальки вариативное: она может мурлыкать себе под нос еле уловимое легато или стаккато, а погружаясь в мысли, она раскачивается на стуле и издает что-то буддийское, типа “Ом-м-м-м”, но может легко и с места уйти в надрыв “Ой на что ж ты, маменька, да ж меня ж рожала!!!”, или набуровить себе чайковского, прикусить калачиком, повести спелым плечиком: “А я сяду в кабриолет, и уеду куда-нибудь!” У Вальки вообще все спелое, кроме мозгов. Но это в хорошем смысле слова — баба-то она хорошая, добрая, и не шалава какая, а женщина с пониманием и статью.

— Валь, тут лифчики для женских зон привезли, твой размер есть,

тебе оставить?

— А красивые?

— Красивые, Валь!

— Нельзя мне красивые, у меня муж ревнивый... Ты посмотри, может, некрасивые есть?

Валька — наш контингент. У Вальки все вокруг сидят — сын сидит, племянник сидит, и пришла она к нам за помощью, мы адвоката ей для деток оплачиваем, их посадили, а они не виноваты, хоть и остолопы. Мы оплачиваем Вальке адвоката, но не целиком, а в доле, целиком не можем, потому что мы не понимаем, почему у Вальки нет денег. Вальке сорокет, она задорная справная баба, все может: парикмахер она хороший и маникюр-педикюр тоже может, но не работает. И мы никак не можем понять — почему. Валька говорит: как вы не понимаете? У меня сын и племянник невинные в тюрьме сидят! Я не могу работать. Я в переживаниях.

— Так у всех так, Валь. Все работают, тюрьма — дело дорогое. Да и отвлечешься от своих страданий заодно, очень трудотерапия помогает.

У Вальки большая семья. У Вальки есть, стал быть, ревнивый муж, он дальнобойщик, но не работает, ему что-то как-то ставки не нравятся. Дома сидит — дешевле на диване, чем по таким ставкам корячится. Вот еще брат имеется, ему сорока нет еще, он тоже дальнобойщик, временно не работает, а также временно разведен. Жена ему редкая стерва попалась: прямо из дома выгоняла — иди, говорит, в рейс на работу, а сама куда намылилась? Известно же — куда. Прямо и двое детей ей не помеха, лишь бы мужа с рук сбить. Бывают же такие корыстные бабенки. Оль, вам там никому жених непьющий не нужен? Да, а еще была сестра, вот чей сын вместе с Валькиным в тюрьму сел, но сестра от рака померла, очень мучилась. Совсем не было денег ей лекарств купить и на памперсы под конец тоже не было, жутко умерла она, вся в дерьме по пояс. Муж-то был у нее, конечно. Хороший мужик, ветеран Афганистана. Нет, не работал. Ну сама посуди, он же в Афгане воевал, у него травма. Ну и что, что тридцать лет, как война кончилась? Это ж война. А потом, у них еще дочка, ей 14 лет, а с подростками трудно, мать-то померла. А еще у меня дочка, тоже подросток, боксом в секции занимается, мне ж ее на секцию отвезти-привезти надо? Ну вот, а ты говоришь — работать. Когда работать-то?

Валька при этом безотказная и работающая. И без дела сидеть совсем не может. То придет — окна помоем, то увяжется с нами в пять утра в приют для бездомных и останется там на сутки, пока всех не перемоем и не перестрижет.

— Валь, а живете-то вы на что?

— На кредиты. То я возьму, то муж, то брат. Вот еще квартиру заложили два года назад, а теперь продать не можем.

— Валь, а как же вы заложенную квартиру продаете? Или вы кредит выплатили?

— Да как же его выплатить-то? Не, нам его никак не выплатить.

— Валь, а много кредитов-то у вас?

— Да я и считать-то боюсь. Все одно не выплатить никогда, и чего считать-то?

— Валь, может, вам всем работать пойти?

— Да зачем же нам работать? Тогда все, что заработаем, на кредиты и проценты пойдет — нет нам никакого смысла работать.

Валька не может думать про завтра. Даже не про то завтра, которое через десять лет, а про то, которое наутро. Валька не ходит в магазин, но дом у Вальки — полная чаша. Вот сегодня опять с пирогами пришла, сама испекла: половина с капустой, половина с рисом, луком и яйцом.

— Валь, а продукты ты где берешь? Ну вот яйца там, муку, рис...

— Так в деревне же.

— Валь, ты в Электростали живешь, там рис не растет.

— Так я ж на спирт меняю!

— Валь, а спирт где берешь?

— Так из Орла мне со спирзавода приносят.

— Валь, а в Орле у тебя кто?

— Так нет у меня никого в Орле, оттуда спиртовозы идут и нам завозят.

— А ты им что?

— Так пироги же.

И как-то все у Вальки нараспев выходит. Ну, конечно, если там про сына спросишь, или про кредиты, или про сестрицу покойную — тут Валька, ясное дело, принимается рыдать. Тогда ей чайку хорошо подсунуть — она отхлебнет разок-другой, да сразу окна мыть принимается, или бомжей стричь, или раковину тереть до блеска рекламной стоматологии, и вот уже мурлыкает под нос: “Быыыывааает все на свете хорошо, в чем дело, сразу не поймешь...”

И не знаешь, что с Валькой делать. То ли дрына ей вдоль спины, то ли поставить в уголок и любоваться на красоту, характер и смекалку. И пироги, конечно, у нее чудо как хороши.

Вовка-Клуни

Никогда не забуду, как с ним познакомилась, — до сих пор как

вспомню, так вздрогну. Это была зона для БС, для бывших сотрудников, значит — ментов, фсиновцев, прокуроров и прочей провинившейся публики, которых к нормальным зекам нельзя сажать, порвать могут. Стою у входа на КПП поселка, беседую с местным летехой Мишей про дела наши скорбные; грязища вокруг, лужи и прочие атрибуты октябрьской глубинки, сдобренной бардачной спецификой мест не столь отдаленных. Вдруг чую, что внизу, вот прямо у моих ботинок что-то происходит, будто бы собака прибилась. Я глаза вниз — о ужас, там возле моих ног не собака, а человек в робе копошится и что-то с ними делает странное, тихонько-тихонько, практически нежно. А я от потрясения даже взвизгнуть не смогла.

— Петров! — заорал Миша на странного гражданина. — Ты совсем ополоумел? Иди отсюда!

Человек поднялся, мелко закивал нам, улыбаясь и кланяясь, и попятился куда-то за КПП, приговаривая: “Зато ботиночки у Ольги Евгеньевны протер, вот она в чистых ходить будет, Петрова вспомнит...”

Это он своим ватником мне ботинки чистил.

— Что за новое извращение? — спрашиваю Мишу. Миша раздосадован. Он хороший сотрудник, прямо редких качеств, он искренне радуется за своих подопечных, а уж если огорчается, то вот сразу с нахмуренным лбом, типа “как же нам искоренить этот беспорядок и привить культуру массам?”

— Да он не извращенец. Он искренне вам ботинки чистил. Ссучился совсем.

— А откуда он знает, как меня зовут?

— Да черт его разберет, у него свои методы. Полковник ФСБ у нас Петров, большой был начальник. А я давно заметил: чем выше был начальник, тем хуже он сидит и тем сильнее ссучивается.

Осужденный Петров кидается к любому заезжему с целью быть отмеченным. Чтобы запомнили. Мало ли — пригодится кому такой человек, как Петров. Вот мне, например, уже пригодился — я его в книжку вставила.

— Миша, а ваших, бывших фсиновцев, много сидит?

— Много. Сами знаете, работа какая. Начальству не брать нельзя, все берут. Опера запрещенку в зоны тащат, тоже дело обычное, сами знаете. Кто под проверку попадает, кого подставляют — опасная у нас работа.

— Тоже ссучиваются?

— Так тоже закон один: чем выше был, тем больше упал. Хотя вот у нас Вова-Клуни есть, начальником большой зоны был, попался на взятке.

Все берут, и он брал, не отрицает, и нашему брату вола вкручивать, что, мол, не брал, беспонтово. Но вот Вова достойно сидит, сильный мужик.

— А почему Клуни?

— Да у нас тут бабы все по нему с ума сходят. Говорят, на актера похож, прямо один в один. А сам разведенный и положительный, так что тут у нас дамский ажиотаж наблюдается, но мы пресекаем, да и Вова не поддерживает легкомыслия.

Владимира Сергеевича Кольцова до посадки никто Вовкой не звал, даже когда маленький был, или когда женился — тогда благородно Володей звали. А уж тем более когда до хозяина дослужился. Тут уж никто и пикнуть не смел, даже супруга перешла на “Владимира Сергеевича” — сначала вроде бы в шутейной форме, а потом привыкла. Еще в период следствия Владимиром Сергеевичем звала, тогда у нее это тревожно как-то выходило, а после Вова ее больше и не видел никогда: он пока сидел, она не пришла ни разу, на развод подала, а потом замуж вышла за Вовиною бывшего коллегу из управления. Вова понимал, что там теперь его между собой зовут Вован, вот так они между собой в разговорах его и именуют.

Да и ладно. Уж где-где, а у них в управлении лучше всех знают, что от Вовкиной судьбы никто не застрахован. Все берут, тут нельзя белой вороной быть, быстрее сожрут.

Берут за условия — за перевод на хорошие или, наоборот, на плохие. Тут все от обстоятельств зависит: договорился коммерс осужденный заводить клубом, да там же шконку себе отдельную поставит, да электроплиточку, сидит тихо, котлетки себе жарит, внимания не привлекает — это все можно устроить. Плата абонентская, ежемесячная, переводом на карточку подруге жены, она себе тоже 10 процентов оставляет, всем хорошо: и Вове, и подруге, и коммерсу, и родственникам его спокойно. И кому плохо?

Или случается, что тому же коммерсу надо сильно усложнить жизнь — с воли партнеры, например, просят, чтобы поговорчивее был, делят они там что-нибудь ценное. Тут, конечно, хорошо бы узнать своими путями, что делят. А то возьмешь какую-нибудь сраную пятнашку в месяц за помещение несговорчивого коммерса в ШИЗО с петухами, а там на миллионы у коммерсов спор. Те-то на воле свои миллионы твоими пыточными стараниями получают, а ты останешься как дурак с пятнашкой.

Берут хозяева денег за дополнительное поощрение, а это путь к УДО, плюс дополнительная посылка таким орлам положена или свидание. Поощрение может и начальник отряда за недорого выписать, но если каждый месяц хочешь посылку или свидание, то это надо с хозяином

договориться.

За УДО, конечно, все берут. Или за перевод с зоны на поселок. Это тоже дело понятное и нехитрое. Осужденный знает, что начальник пишет на него характеристику, и платит за положительную — мол, исправился. Но начальнику платить за это дело бесполезно, решает-то суд, а судьи, даже самые замурзанные, начальников зон откровенно презируют. Зато начальник обычно в хороших отношениях с прокуратурой, он их любовно выстраивает, потому что это надежное партнерство. И зек, платя за УДО, должен понимать, что тут и прокуратура в доле — начальник хорошую характеристику напишет, прокуратура поддержит, и куда судье деваться? Отпустит, хоть и будет зубами скрежетать. Это, конечно, если со сроком не нагнать. Три-четыре года скинуть не получится, надо судью в долю брать, а это совсем не каждый потянет. А год-полтора — это проходит нормально. Твердых тарифов нет, тут все от статьи и положения зека зависит, вопрос это торговый и обсуждаемый.

Если до УДО далеко, с хорошим хозяином можно и про отпуск договориться, по кодексу зекам отпуск положен. Но никому не дают, побегов много и нарушений всяких. Если уж в зеке уверен, можно и дать, но с неформального разрешения Управления, пусть тоже на себя обязательства примут. И здесь, конечно, сколько Управление скажет, столько и надо за отпуск принести и свое накинута не забыть. И гуляй, зек Вася, в отпуск к семье и дамам.

Но самый стабильный внесезонный заработок — это промка. Промзона. Здесь несколько вариантов есть. Первый — простой, как мычание. Объявляется вольный коммерс, проверенный пацан, желающий заработать на зеках и дать заработать товарищу начальнику. Проверенный пацан инвестирует баблосик в швейку, например, и оговаривает с хозяином стоимость рабсилы. Договаривается, конечно, сколько сверху будет ежемесячно отстегивать хозяину как благодарность за дешевую рабсилу, которая к тому же может работать семь дней в неделю без выходных по 12 часов в день. А кто манкирует трудом — того в карцер. В руках хозяина — составление табелей учета рабочего времени. И он дает указание составлять другие табели: мол, работают граждане осужденные пять дней в неделю по восемь часов с перерывом на обед. Это удобно и не очень хлопотно. Если вдруг жалобы из зоны пойдут в прокуратуру или трудовую инспекцию — значит, сам виноват, не доглядел, придется рублем отвечать и брать в свою долю прокурорских, местное управление или бездельников из трудинспекции. За тем, чтобы зеки не жаловались, присматривают зеки из блаткомитета. Кто пытается жаловаться, того бьют смертным боем.

Блаткомитет за поддержание порядка получает от хозяина стабильный гонорар — не трогает блаткомитетский общак, мобильные и наркоту.

...Все это, конечно, Владимир Сергеевич Кольцов хорошо знал и проделывал, а как же? Понимай систему, и тогда система поймет тебя. Сбой случается при столкновении с другой системой, что и случилось с Вовой-Клуни. Пищевая цепочка грызуна редко доходит до конечного пункта в виде последнего зернышка перед кончиной от старости; рано или поздно с линией жизни грызуна сталкиваются гастрономические потребности хищников.

Таких людей, как Владимир Сергеевич, ведут обычно следователи ФСБ. Фейсы же Кольцова и брали, причем с поличным. У этих ребят своя отчетность по раскрываемости преступлений, им тоже надо доказывать, что они полезные. Управление ФСИН они в известность не ставят, держат в неведении до конца, чтоб не могли предупредить. Спасти его мог только тесть — генерал ФСБ или брат — судья облсуда, но, во-первых, в наше тяжелое время этого ресурса может и не хватить, а во-вторых, у Вовы не было ни тестя, ни брата.

Когда его брали со спецназом в рабочем кабинете, да с поличным, да светили пальцы с помеченных купюр, которые принес ему дружок-коммерс, с детских лет вместе, Владимир Сергеевич сразу смекнул, что дружок его особо ни при чем. Сказал ему, конечно, в сердцах про суку-падлу-provokatora, но понимал, что искать слабое звено надо не здесь.

В СИЗО, знакомясь с материалами дела, Владимир Сергеевич — уже почти просто Вова — открывал для себя новый мир. В деле был подробно и довольно честно описан последний год Вовиной жизни. Как Вова хотел детей, а почему-то не выходило. Как уговорил жену на оплодотворение из пробирки. Как ему счет выставили, 350 тысяч при его зарплате в сотку с премиями. Деньги, конечно, у Вовы были, но платить самому не хотелось. И он отдал счет торговой бабенке, хлопотавшей за УДО мужа-мошенника. Бабенка, фигуристая аппетитная блонда, принесла Кольцову оплаченный медицинский счет, а потом как-то так вышло, что слились они в экстазе в том самом кабинете, в котором через год взяли Вову с поличным. Не то чтоб Вова был ходок — искусственное оплодотворение жены предполагало Вовино воздержание, и та же беда случилась у бабенки в связи с временной утратой дорогого супруга. К тому же блонда явно имела в виду себя как довесок к взятке и отдавалась особо истово. Впрочем, интимный эпизод в деле отсутствовал, в связи с чем Вова перекрестился.

Но с УДО не заладилось. Районная судья ознакомилась с делом по УДО мошенника, поняла, что с ней никто не поделился, и отказала. Блонда

пошла в ФСБ и написала заявление. Потом в ФСБ вызывали Вовину жену, о чем та Вове ни слова не сказала. Вова читал протокол допроса, много она чего на него наговорила. То ли от расстройства, что завязь с эмбрионом не прижилась, то ли блонду там увидела и оценила аппетитность леопардового декольте. Год Вову писали и прослушивали, материала особо не набрали — Вова был осторожен, — но при неосторожной передаче доли от дружка-коммерса и повязали. Прессанули того немного, тот и согласился. Правда, его сразу же из промки выкинули, прикрыли его бизнес и оборудование его собственное ему не отдали, так что он сильно огорчился и сдал назад: мол, это заставили меня, а вообще я старому своему другу Вове деньги в долг давал, ничего такого. А по эпизоду с оплодотворением Вова спорить не стал, взял особый порядок, чистосердечно признался и раскаялся, и не сдал никого из подельников, что прокуратура оценила и запросила легкий пятерик. Нормально, ниже низшего, могло быть куда как хуже.

Сел Вова достойно и сидел так же. Ни с кем не связывался, ни на кого не стучал, ботинки никому не чистил, и в зоне его уважали. Дернулся было на УДО, да попадал все время на ту же судью, что УДО леопардовому коммерсу не дала, которому он случайно рога наставил. Ну и ладно, он особо и не настаивал, понимал, что за свое сидит.

Пока сидел, нового мужа его старой жены приняли за превышение служебных полномочий, пытали там кого-то на зоне неудачно, шум пошел, пришлось жертвовать. Так что его Людмила бывшая Кольцова теперь уже дважды соломенная вдова. А Вова вышел по концу срока и работает теперь экспедитором на химкомбинате. Работой доволен, а вот баб сторонится. За пять лет отучился бухать, зато пристрастился к чтению. Смешно сказать — начал с “Незнайки на Луне”, понравилось, увлекся. Сейчас Шаламова читает. Очень, говорит, за душу берет.

Краткий тюремный глоссарий^[1]

Активировка — освобождение от отбывания наказания по решению суда на основании перечня заболеваний, утвержденного правительством РФ. Как правило, легче умереть, чем получить активировку.

Актив — прямые помощники сотрудников колоний из числа осужденных. Часто именно актив (**активисты**) осуществляют прямое насилие в отношении заключенных. Это заключенные, занимающие определенные должности: дневальный, завхоз, а также члены разнообразных “секций”, например пожарной. Они же — “шерсть”.

Баланда — тюремная пища. **Баландер** — работник хозотряда, раздающий баланду.

Беда — статья Уголовного кодекса РФ. Обычно под вопросом “что за беда?” подразумевается вопрос о статье, по которой сидит заключенный.

БМ — безопасное место. Как правило, это одиночная камера. Там содержатся заключенные, которые написали мотивированное заявление об угрозах со стороны других заключенных.

Больничка — тюремная больница.

Бродяга, блатной — профессиональный преступник, постоянно занимающийся преступной деятельностью.

Бродяжня, братва, босота — сообщество бродяг, определенная масть (категория заключенных) в тюрьме и в лагере, к которой относятся блатные.

Брос — метод доставки в лагерь или на территорию СИЗО запрещенных предметов, когда их забрасывают на территорию СИЗО или лагеря с воли. Обычно заключенные договариваются с кем-то с воли, чтобы те купили необходимые предметы, упаковали их, подъехали к территории лагеря и в установленное время забросили эти предметы через забор. Заключенные же ловят эти предметы и прячут их.

БС — безопасное содержание бывших сотрудников правоохранительных или судебных органов, осужденных к лишению свободы.

Важняк — следователь по особо важным делам.

Воздушка — вентиляция в СИЗО. Часто воздушка используется для переговоров между камерами; для дорог, поскольку она соединяет разные камеры; в качестве курка (тайника).

Вор (жулик, урка) — криминальный авторитет, находящийся на

вершине преступной иерархии.

Генка — Генеральная прокуратура РФ.

Груз — предмет, проходящий по дороге: сигареты, продукты питания, телефоны, свертки с документами, наркотики и т. д.

Дальняк, дальний — туалет в камере.

Дачка — передача продуктов питания и предметов гигиены (**мыльно-рыльное**) для заключенного. Она же **кабанчик**. **Загнать кабанчика** — занести передачу. Элементарные продукты питания, чай, сигареты и мыльно-рыльное — это **насущенное**.

Дорога — межкамерная связь. Осуществляется посредством коня. **Конь** — это сплетенное из подручных средств веревочное приспособление для передачи маляв и разных предметов. **Малява (мулька)** — послание. Может быть просьбой прислать сигарет, а может быть прогоном по тюрьме. **Прогон** может быть только воровским. От положенца обычно может идти только **курсовая**. **Прогон по тюрьме** — распоряжение. Например, “Иванов совершил гадский поступок, при встрече плюнуть”. **Гадский поступок** — не **людское**. То есть подлое, гнусное, нарушающее внутренние устои (понятия). Есть еще **бл...ское** — это когда напрямую идут против воровского. Прогон может быть на тему “**спросить как с понимающего**” — то есть по всей строгости. Спросить как с понимающего случайный человек не может, для этого должны быть серьезные основания. Вопросающий и отвечающий должны понимать криминальную культуру и разделять воровские ценности.

Дубок — стол.

Жилка — жилая зона в колонии, где располагаются бараки для проживания осужденных. Банно-прачечный комбинат и столовая, как правило, находятся в жилой зоне.

Заморозка — предмет, при помощи которого “замораживается”, то есть блокируется дверь в камеру. **Заморозить хату** — заблокировать вход в камеру.

Заочница — ранее незнакомая девушка, с которой переписывается заключенный. Чаще всего подразумеваются любовные отношения в ближайшем будущем, возможно с применением мошенничества. Трогательные стихи и особо завиральные письма пишутся по заказу, например за пачку сигарет. Хорошо действующие на девушек эпistolы используются годами самыми разными отправителями. Впрочем, такие заочные романы вовсе не исключают последующей совместной счастливой жизни и любви.

Запрет — запрещенный в колонии (или в СИЗО) правилами

внутреннего распорядка предмет. Например, мобильный телефон, карты, наркотики, водка.

Запретка — это расстояние между рядами колючей проволоки, которым обнесена колония. Обычно обиженные проходят эту территорию с граблями, например, чтобы лучше видны следы. Работа на запретке — как, например, и чистка туалетов, и вынос мусора, — это прямой зашквар.

Зашквар — нарушение заключенным неписаных правил, имеющее необратимый характер. Например, взять конфету у обиженного или поздороваться за руку с сотрудником СИЗО — это зашквар.

Зек — заключенный.

КАбура — замаскированная дырка в стене, через которую идет дорога.

КДС — комнаты длительных свиданий. Закрытое общежитие на территории ИК, куда могут приезжать родственники осужденных при разрешении руководства ИК.

Кича — карцер.

Козел (коза, козлик) — заключенный, состоящий в отряде хозобслуживания СИЗО или лагеря. Как правило, выполняет какие-то хозяйственные работы на территории СИЗО или лагеря: уборку территории, приготовление баланды, покраску, ремонт, починку сантехники и электроприборов. Часто козлами называют активистов (актив), однако слово “актив” имеет более выраженное негативное значение и часто обозначает именно тех, кто ломает других заключенных в угоду администрации.

Козлятник — хозотряд в СИЗО или в лагере.

Контролька — тонкая веревочка или нить, которая поддерживает наличие дороги в моменты, когда нельзя открыто вывешивать веревки, или через которую подтягивают готовую веревку, чтобы наладить дорогу.

Красная зона — исправительная колония, где режим содержания осужденных определяется руководством колонии.

Крытка — тюремный режим содержания: например, тюрьма, ЕПКТ, ШИЗО.

Кум — оперативный сотрудник.

Курок — тайник в камере или в бараке.

Лепень — верхняя часть форменной робы у заключенных.

Локалка — придомовая территория при бараке в зоне, огороженная забором от территории остальной колонии. Заключенный в очень редких случаях имеет право покидать локалку. Одно из основных отличий красной зоны от черной зоны — способ перемещения по лагерю. В красных зонах локалку открывает ключом сотрудник ИК. В черных зонах перемещение

свободное — за исключением случаев приезда комиссий, проверок и т. п. Локалка в СИЗО — часть продола, отделенная решетчатыми дверями.

Мартышка — палочка с прикрепленным зеркальцем, чтобы смотреть на продол через дыры в дверях.

Мужик — осужденный, который не входит в криминальную семью, но и не входит в актив (“шерсть”). Как правило, так называют работяг, которые хотят жить своей жизнью.

Мусор — сотрудник правоохранительных органов, в том числе ФСИН.

Ноги — способ доставки запрещенных предметов в СИЗО или в лагерь, когда сотрудник ФСИН сам проносит запрещенные предметы.

Об...бон — обвинительное заключение. Иногда так еще называют постановление о привлечении в качестве обвиняемого.

Парашют — пакет, прицепленный к контролке, который запускается из камеры по ветру, чтобы его могли зацепить из другой камеры, затянуть в нее и потом наладить дорогу.

Петух — почти устаревшее слово, сейчас чаще применяют **“обиженный”**. Есть версия, что слово происходит от “патуах” — “распечатанный” (*иврит*). Петух — оскорбление: “Ах ты, петушара!” Обиженный — это представитель низшей касты заключенных, человек, который не может жить и питаться вместе со всеми по разным причинам, чаще всего — из-за сексуальной ориентации. Но в **обиженку** (место, где живут обиженные) могут отправить и крысу — человека, который пойман за воровством насущного у товарищей по несчастью. Такое перемещение сопровождается сексуальным насилием, которое может иметь и символическое значение — например, провести членом по губам. Впрочем, на первый раз крысу могут просто избить. Если заключенный что-то взял у обиженного, его отправляют в обиженку. Исключение — запреты. Обиженный может спрятать при обыске чужой мобильный телефон, а потом отдать его хозяину телефона, это не считается зашкваром.

Положенец — ставленник вора в отдельном лагере или СИЗО.

Продол — тюремный коридор. **Продольный** — сотрудник ФСИН, несущий дежурство на продоле.

Промка — промышленная зона в колонии, где осужденные работают.

Режим — правила поведения на зоне. Когда заключенный попадает в исправительную колонию, его через карантин отправляют в обычные условия содержания (если он этапирован из СИЗО без отметок в личном деле о том, что он нарушал режим в СИЗО). Дальше есть две дороги: социальный лифт идет как вверх, так и вниз. Вверх он идет на два этажа: из

обычных условий содержания могут перевести в облегченные, а из облегченных — на колонию-поселение. Дорога вниз проходит так: если заключенного несколько раз помещают в ШИЗО, то скорее всего тебя поместят в **СУОН** — строгие условия отбывания наказания. Это точно такой же барак, как и обычный, за исключением того, что локалка в нем всегда закрыта и выйти нельзя. И разрешено меньшее число передач. Если зек и там продолжает нарушать режим, его перемещают в **ПКТ** — помещение камерного типа. Это тюремное помещение сродни ШИЗО, но в отличие от ШИЗО здесь нет временных ограничений: тут можно провести и пару месяцев, тогда как в ШИЗО — только 15 дней. Если ты и в ПКТ продолжаешь шатать режим (нарушать правила), то тебя переводят в **ЕПКТ** — единое помещение камерного типа, тюрьму на зоне для наиболее злостных нарушителей режима. Как правило, оно одно на всю область. К примеру, в Пермском крае ЕПКТ находится в колонии “Белый лебедь”, известной своими жесткими порядками.

Решка — решетка на окне.

Рулет — матрас.

Семейник — член семейки. **Семейка** — это произвольное маленькое (2–4 человека) объединение осужденных, созданное по принципу совместных интересов и личной симпатии. Основная цель семейки — делить тюремные тяготы (вместе держаться проще), делиться дачками. Семейник — это напарник. Никакого сексуального подтекста здесь нет.

СИЗО — следственный изолятор, место содержания под стражей подследственных, подсудимых, а также осужденных, ожидающих перевода в места заключения. СИЗО принято называть тюрьмой: “Раньше Рабинович жил напротив тюрьмы, а сейчас он живет напротив своего дома”. Строго говоря, это не совсем так, Рабинович переехал не в тюрьму, а в СИЗО, но разницу улавливают только выдающиеся специалисты. Если вы назовете СИЗО тюрьмой, большой ошибки не будет, но если вы услышите слово “**централ**” — не сомневайтесь, речь идет именно о СИЗО, и употребляющий термин “централ” тему знает хорошо. “Владимирский централ, этапом из Твери”, “Быть может, старая тюрьма центральная меня, парнишечку, по новой ждет”. СИЗО часто носят собственные имена: Бутырка, Кресты, Матросская тишина, Водник, Коровники и т. д. Могут называться по номерам: “у нас на Пятерке...” — то есть в СИЗО № 5; если речь, например, о Москве, то это СИЗО “Водник”.

Смотрящий — в том или ином учреждении представитель воровской семьи. Смотрящий за колонией, смотрящий за бараком. Может быть смотрящий за областью. В последнее время (особенно в красных колониях)

термин девальвировался и порой означает арестанта, который выбран неформальным лидером администрацией колонии — чтобы легче было получать с осужденных мзду. Олдскульные воровские понятия напрямую запрещают принуждение к выплатам денежных сумм за спокойное проживание обычного заключенного в колонии. Но кто теперь чтит старую школу!

Тормоза — дверь в камеру. Она же **робот**. **Сидеть на тормозах**, или **на атасе**, — сидеть у двери и наблюдать за продолом, чтобы заранее знать об шмоне и спрятать все запреты.

Труба, ТР (ТРка), связь — телефон.

Тянуть (на решку, на воздушку) — подзывать человека для разговора голосом к окну или вентиляции.

Фаныч — кружка.

Хозяин — начальник СИЗО или ИК.

Черная зона — исправительная колония, режим содержания в которой во многом определяется неформальными договоренностями между криминальными лидерами и руководством колонии. Это также могут быть криминальные лидеры, находящиеся на свободе в этом регионе.

ШИЗО — штрафной изолятор в исправительной колонии или СИЗО для нарушителей режима.

Шконарь (шконка) — кровать.

Шлемка — миска для еды.

Шмон — обыск. **Шмонать** — обыскивать.

Шнифт (шнифты) — глазок в тюремной двери.

Примечания

Некоторые термины носят плавающий характер в силу наличия только устной традиции — многое в разных местах толкуется по-разному.